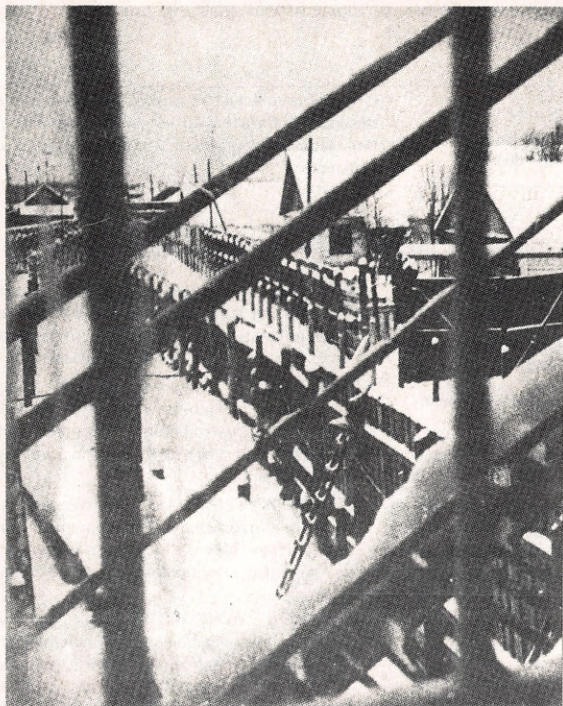

ПОСЕВ

I
1985

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Квартальное издание избранных материалов

Пермский
политический
лагерь
ВС-389/36.

В этом лагере
находятся
в заключении:

**Л. Бородин,
Р. Евдокимов,
В. Зосимов,
Л. Лубман,
А. Марченко,
М. Никлус,
А. Огородников,
В. Пяткус,
А. Сваринская,
А. Смирнов,
В. Стус**
и многие
другие

Читайте в номере:

Лучшие люди страны – в заключении

Афганская война – год шестой...

Что происходит в Китае

В. Поремский: Кто может снять угрозу войны?

Новосибирский документ об алкоголизме в СССР

А. Марьямов: Фильмы и размышления Василия Шукшина

Г. Бонафедэ: Зимняя война (1939 – 1940)

А. Карташев: Преображение князя Владимира

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев“ видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отражающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев“, литературный ежеквартальный журнал „Грани“; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев“ типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда“. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

VERLAG — POSSEV — REDAKTION
D - 6230 Frankfurt/ M. 80, Flurscheideweg 15
Tel. 34 18 19, Postscheckkonto 33461 - 608 Ffm.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР и борьбе за гражданские права, а также печатают в отрывках художественные произведения.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможни, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит ежемесячно

Журнал издается за рубежом с 1945 г.

Настоящий выпуск содержит
избранные статьи из ежемесячника
за январь, февраль и март 1985 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНЕ. Лучшие люди страны — в заключении (2). — Хроника (6). — 5 лет ссылки Сахарова (8). — К аресту Ф. Г. Светова (9). — От Ужгорода до Петропавловска. Дела А. Шимко, Э. Крицкого и Н. Павлова (10). — М. Н. По страницам советской печати (13). — Экономические новости (18)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. В. Рыбаков. Афганская трагедия — год шестой... (19). — Короткие сообщения (23). — Афганские зарисовки (25). — От Комитета спасения советских пленных в Афганистане (29)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Китайский нзп (30). — В. Рыбаков. Будет ли Китай опасен Советскому Союзу (31). — Зарубежная хроника (35). — Пустыня и коммунизм. О голоде в Эфиопии (37). — Не на что усиливать вооружения? (38). — Н. Рутыч. „Бубновый туз“ дезинформации (39). — В. Поремский. Кто может снять угрозу войны? (41). — Б. Пушкарёв. „Советская действительность и будущее Америки“. О книге Р. Пайлса (50)

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА. Р. Редлих. Торунское судилище (57). — Что происходит в Югославии. Интервью с М. Н. Михайловым (60)

АРМИЯ. Ф. Незнанский. Ужесточение наказаний за воинские преступления (65). — Военное обозрение (66). — Новое о „Сторожевом“ (67)

ЭКОНОМИКА. Г. Иванов. Энергетическая проблема в СССР (69)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Б. Комаров. Экология в СССР сегодня (71). — Итог пьяного безумия. Новосибирский документ об алкоголизме в СССР (74). — Рост смертности (76). — А. Югов. При полном коммунизме будут жить одни дебилы (77)

„ПОСЕВ“ — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„Посев“ участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „Посев“ выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

КГБ В ДЕЙСТВИИ. И. Денисов. „Энтристы“ за работой (81)

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА. В. Желягин. Публицистика Солженицына — опыт нравственного исследования (84). — А. Марьямов. Фильмы и мышления Василия Шукшина (89)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ. А. В. Карташев. Преображение князя Владимира (93)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Г. Бонафее. Зимняя война (96)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ. П. В. Кончине Б. Г. Меньшагина (99)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. О. Александров. „Говорит Незвестный“ (102)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. А. Сабуров. Неразрешимые противоречия (103)

Лучшие люди страны — в заключении

В множестве лагерей и тюрем, разбросанных по всей нашей стране, тысячи и тысячи политических заключенных отбывают свои сроки в условиях ужесточенного и узаконенного произвола. По обвинению в нарушениях лагерного режима их бросают в карцеры и штрафные изоляторы, лишают законных свиданий и переписки, присуждают к повторным срокам. Эти люди — наши соотечественники, „вина” которых лишь в том, что они отказываются мириться с неустойчивым устройством нашей страны, в религии видят источник духовных сил человека и народа, хотят возродить наши национальные ценности и вернуть народу право свободно определять свою историческую судьбу. И это стремление для них важнее собственного благополучия и безопасности.

А страна наша все дальше заходит в экономический и политический тупик и все больше нуждается в ответственной деятельности своих лучших людей — независимых от партийных догм граждан. Будь правительство в нашей стране действительно озабочено благом народа, оно бы всячески поощряло участие этих людей во всех областях национального и государственного строительства, а также понимало бы, что без таких людей и армия не будет защитницей родины. Но для коммунистической власти лучшие люди страны — враги. Творческую инициативу тех, кто еще на воле, душат бессмыслицей партийной бюрократии, а других, уже арестованных, мроят в заключение, чтобы сломить или уничтожить. Уничтожается человек, а вместе с этим наносится удар по национальному бытию народа. И мы не в праве забывать об этом.

*

В сентябре 1984 г. многие жители Пермской области, где в Чусовском районе находятся одни из самых строгих лагерей для политзаключенных, получили письмо Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Ниже — содержание этого письма в отрывках и пересказе.

„Граждане Пермской области!

Вы, наверно, уже не раз слышали о расположенных неподалеку от места вашего проживания испра-

вительно-трудовых лагерях, а то и бывали в тех местах. Многим из вас, наверно, известно и о не совсем обычных заключенных некоторых из лагерей — о политических заключенных.

Советская власть, сделавшая ложь одним из главнейших своих орудий в борьбе с политическими противниками, формально не различает между ними и уголовными преступниками; их судят по Уголовному Кодексу и держат вместе с уголовниками. Они ни в коем случае не убийцы, не растратчики и не воры, а держат их в условиях, куда более тяжких, чем воров (...). Это условия голода, холода и изнурительного труда. Но мало этого, это еще и условия изоляции от внешнего мира, полного отрыва от семьи, от друзей, от народа, полная невозможность продолжать начатую ими борьбу за изменение политического строя в нашей стране, за улучшения жизни в России и ее народов, за политическую свободу, за освобождение культуры и экономики нашей страны от навязчивой опеки государства (...).

Правственно безупречные люди, осмелившиеся поднять голос протеста, не только обвиняются во лжи, они изображаются как моральные уроды, наркоманы, пьяницы, развратники, психически дефективные или просто-напросто сумасшедшие. (В специальных психбольницах — СПБ — тюремного типа немало совершенно здоровых политических заключенных.) Бесчестная власть не смеет признать своих противников теми, кто они есть на деле: борцами за желанное всему народу переустройство нашей страны. Полная монополия на средства массовой информации позволяет ей оболгать кого угодно, упорным повторением одной и той же лжи внушая людям, будто „нет дыма без огня” и, пусть даже не целиком, но хотя бы частично, человек осужден не зря.

Перед лицом советского шемайкина суда — любой человек беззащитен!

Давайте пойдем и запомним: политические заключенные, отбывающие свои сроки в исправительно-трудовых лагерях, стремились изменить политический режим в нашей стране, добивались нормальной жизни для нашего народа, и именно от него должна исходить помощь им в трудный час.

Они хотели помочь вам — теперь помогите вы им!”

В письме говорится, что в числе многих политзаключенных пермских лагерей, под угрозой физического уничтожения, продолжают находиться члены НТС и руководства независимого профсоюза СМОТ Валерий Анатольевич Сендеров и Ростислав Борисович Евдокимов, а также талантливый писатель Леонид Иванович Бородин. Приво-

дятся их биографии (они публиковались в „Посеве”, соответственно — в №№ 7/1982, 9/1982 и 6/1982).

В. С е н д е р о в, 1945 г. р., арестованный в Москве 17 июня 1982 г. и осужденный на 7 лет лагерей и 5 лет ссылки, находится в лагере по адресу: 618810, Пермская обл., Чусовский р-н, ст. Всесвятская, учр. ВС-389/35. Адрес его матери, Зинаиды Леонидовны Сендеровой: Москва, Уланский пер., д. 14, кв. 54; тел.: 207-79-48.

В 1984 г. Сендеров был помещен в ПКТ (помещение камерного типа), неоднократно наказывался ШИЗО (штрафной изолятор) и лишен свидания на год вперед.

Ростислав Е в д о к и м о в, 1950 г. р., арестованный в Ленинграде 22 июля 1982 г. и осужденный на 5 лет лагерей и 3 года ссылки, находится в лагере: 618263, Пермская обл., Чусовский р-н, пос. Кучино, учр. ВС-389/36. Адрес его матери, Ксении Владимировны Вогак: 192028, Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 5, кв. 24; тел.: 273-43-03.

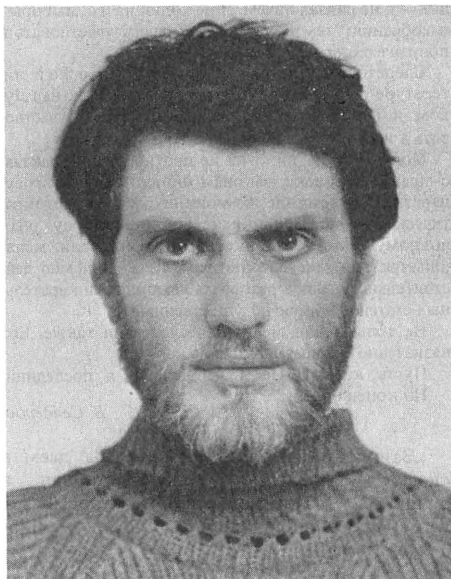
В 1984 г. Евдокимов был переведен со строгого лагерного режима на особый, 4 раза был в ШИЗО, а потом в лагерной тюрьме — ПКТ. Он лишен положенных ему по закону свиданий до 10 мая 1986 г. Здоровье его сильно ухудшается.

Леонид Б о р о д и н 1938 г. р., арестованный в Москве 13 мая 1983 г. и приговоренный к 10 годам лагерей и 5 годам ссылки, отбывает срок в лагере: 618263, Пермская обл., Чусовский р-н, пос. Кучино, учр. ВС-389/36-1. Адрес его жены, Ларисы Бородинной: 115487, Москва, ул. акад. Миллионщикова, д. 11, кв. 118.

Л. Бородин, отбывший ранее 6 лет лагерей за участие в подпольной организации ВСХСОН (Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа, разгромлен КГБ в 1967 г.), получил новый жестокий срок за свои патриотические убеждения и литературно-художественное творчество. (Недавно получены тревожные сведения о состоянии его здоровья, о чем мы даем отдельную информацию. — Р е д.).

В письме НТС к пермским жителям дают ся подробные данные о Сендерове, Евдокимове, Бородине, и авторы письма пишут:

„Мы выбрали только троих из множества расcеянных по лагерям нашей несчастной страны политических заключенных. Выбрали их потому, что хорошо их знаем, потому что связаны с ними не

Валерий Сендеров

только общей борьбой, но и выросшей в этой борьбе братской дружкой...”, они — „достойные представители многих русских людей, стремящихся к освобождению своей страны”.

Оценить патриотические позиции этих лучших людей России легко по их собственным высказываниям. Это, в частности, „Моя позиция” В. Сендерова, составленная им в канун ареста, и „Заявление” Р. Евдокимова, написанное в ожидании ареста. Оба документа включены в письмо НТС, а ранее публиковались в „Посеве”. Однако мы еще раз хотим напомнить о них, так как они отражают взгляды множества национально мыслящих людей.

Моя позиция

„В 1917 году большевики узурпировали власть в России. 65 лет коммунистического диктата ознаменованы уничтожением Веры и Культуры, истреблением русского народа и геноцидом „малых” наций, агрессивными войнами, концлагерями и психиатрическими душегубками.

Я остро чувствую все это. И не пытался уехать: я не хотел бросать Родину на произвол захватчиков. Но с их государством, с империей лжи и наси-

лия — я не связан ничем. Я не ходил на их „выборы“ и собрания; тем более не собираюсь участвовать в политическом следствии.

Следствие по „уголовному делу“ о л ю б о й литературе и л ю б ы х контактах — насилие над Духом и надругательство над Свободой. Соучаствовать в насилии и надругательстве я не желаю.

Мои действия никогда не противоречили пактам о правах человека, законам цивилизованных государств. Соответствие же моих поступков партократической конституции и террористическому „уголовному“ кодексу никогда не волновали меня. „Шьетса“ ли мне абсолютная „липа“ или мне действительно удалось разорвать намордники карательных статей — вопрос несущественный.

Не только для меня, для следствия также. Его назначение — не разбираться, а карать.

Пусть карают. Не я первый, не я последний. Но конец близок”.

В. Сендеров

„Заявление“ Р. Евдокимова мы даем в слегка сокращенном виде, оставляя, в основном, его мысли о современном и желаемом состоянии нашей страны:

Заявление

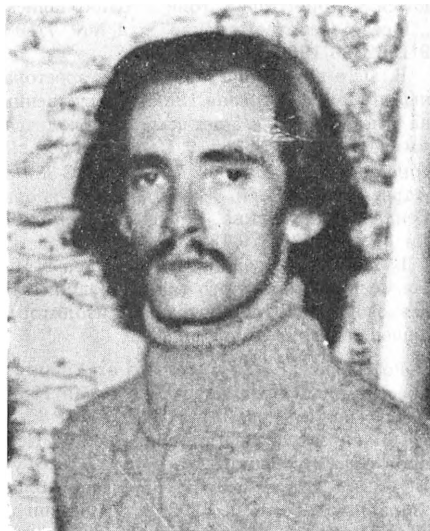
„... По всей видимости, у меня не будет возможности выступить на суде, поэтому я хочу, чтобы настоящее заявление заменило такое выступление. В чем меня обвиняют? В том, что дома у меня хранилось несколько печатных изданий, которые кто-то посчитал вредными для граждан нашего государства; в том, что я не скрываю свои взгляды; в том, что мои литературно-художественные, критические и публицистические работы открыто публиковались в изданиях, одно название которых бросает в дрожь большевистских главарей. (...)

Хочу, кстати, подчеркнуть, что я не обобщаю отрицательные характеристики, данные мною тем или иным конкретным лицам. Ведь на всех уровнях организационных структур нашего общества есть честные и порядочные люди, благодаря которым только и возможно мало-мальски сносное существование тех, кто позволил себе усомниться в беспорочности режима.

С момента ареста моего отца* в 1971 году и путем самоприема считаю себя членом Народно-Трудового Союза российских солидаристов — НТС.

Это объясняется не только родственной преемственностью, но и совпадением моих взглядов с точкой зрения НТС, как ее излагал мне мой отец.

* Отец Р. Евдокимова, Борис Дмитриевич Евдокимов, был членом НТС. В 1971 г. он был по политическим причинам арестован и насильственно помещен в психбольницу, откуда был выпущен в 1978 г. смертельно больным с запущенным раком легких. Он скончался в 1979 году. — Р. е.

Ростислав Евдокимов

Основные пункты этих совпадений следующие:
Первое — патриотизм.

Второе — ярко выраженное национальное самощущение, дружественное в отношении национальных чувств других народов.

Третье — религиозность без фанатизма.

Четвертое — стремление добиться для своего народа политических, экономических, религиозных и творческих свобод в общечеловеческом и традиционном понимании их, а не в толковании коммунистических демагогов.

Пятое — уважение как к каждой отдельной человеческой личности, так и к человеческому достоинству народа.

Шестое — стремление избежать каких-либо насильственных действий, попытки политическим путем выработать какую-либо форму национального примирения и отрицание терроризма.

Мне непонятно, как здравомыслящие люди могут считать такую платформу опасной для самого существования государства и почему нам не позволяют вступить в открытый и равноправный диалог с официально господствующей идеологией.

Сотрудники КГБ утверждают, что по политическим статьям ежегодно арестовывают не более 20 человек (?). Если принять эту цифру и учесть, что у каждого из арестованных изымается в среднем не более 20 наименований книг и журналов, считающихся у нас запретными, то окажется, что 400–500 печатных изданий представляют серьезную угрозу для государства с населением в 270 миллионов человек. То есть один журнал по своему духовному и фактическому багажу, по заключающейся в

нем взрывной силе стоит армии в 600 тысяч человек. Хороши же порядки, против которых каждая неподцензурная строчка способна поднять сотни людей!

Я против таких порядков и надеюсь, что те, кто их поддерживает, рано или поздно поймут, что такое положение опасно для них самих. А пока они этого не поняли, мне остается только верить в Бога, в свой народ, в историю развития человечества. Я ни в чем не считаю себя виновным, ни в чем не раскаиваюсь и где бы я ни был — в заключении или на свободе, буду стремиться к осуществлению тех идеалов, к которым стремился до сих пор.

С нами Бог!"

Р. Б. Евдокимов-Вогак

В письме НТС приводится характеристика Л. Бородина как человека и писателя, данная его другом и старшим товарищем по писательству Георгием Владимовым, автором книг „Большая руда“, „Три минуты молчания“ и „Верный Руслан“; после выезда из СССР Г. Владимов стал главным редактором журнала „Грани“:

„В Леониде Бородине я вижу удивительное единство человека и писателя, благородного человека и честного, бескомпромиссного писателя. Бывает часто, что писатель не похож на свои книги, говоришь с ним — как будто с другим человеком, не с тем, кого читал. В Бородине я сразу узнал автора его книг — романтического, простодушного и в то же время пытливого и твердого в своих убеждениях. Он даже гебистам сумел внушить уважение к себе — что, впрочем, не помешало им, а может быть, и сподобило отвалить ему „на всю катушку“. Сильного противника не жалеют!“

Авторы письма НТС сопоставляют суровый приговор Л. Бородину (10 лет лагерей строгого режима) с начавшимся в 1982—83 гг. наступлением власти против русских патриотических сил:

„... Нет сомнения, что двузначной цифрой приговора коммунистическая власть не случайно выделила человека, занимавшего в спектре оппозиции режиму наиболее подчеркнутую русскую национальную позицию. Этот террористический акт советского „правосудия“ заметно сочетается с другими действиями власти в этом же направлении, с такими, как постановления ЦК КПСС о литературе и о музеях, усиление атеистической пропаганды, нажим на писателей „деревенщиков“, на искусствоведов и защитников памятников старины. Усилилась политическая работа в армии, с подкреплением, что „Красная армия с момента своего образования никогда не рассматривалась... как армия „российская“... Уже к концу гражданской войны в Советской Армии... сражались добровольцами около

Леонид Бородин

250 тысяч бойцов-интернационалистов“ („Красная звезда“, 22. 3. 1983 г.).

Все это начинает выливаться в поход против тех русских патриотических сил, которые в последние годы пытались в рамках легальности сохранять независимое положение между властью и оппозицией. Приговор Бородину — попытка запугать эти силы. Однако эта политика приведет лишь к углублению противоречия между пробуждением в народе национального самосознания и антинациональным характером коммунистической власти; заставит русских патриотов понять, что, как пишет неизвестный самиздатский автор в статье „Отечество в опасности“ („Посев“ № 5, 1983 г. — Р е д.), сегодня перед нами стоит тот же выбор, что и три четверти века назад: „Им нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия!“ (слова П. А. Столыпина в Государственной думе в 1907 г. в полемике с левыми партиями — Р е д.). „Делать этот выбор — неизбежно, и иного выхода — нет“.

У Бородина артрит или ревматизм обеих рук, очень плохо с глазами, с желудком. Вес его — 54 кг (было 70 кг). Сейчас Бородин освобожден от работы по состоянию здоровья, но в лагерных условиях оно продолжает ухудшаться. Ближайшая больница в 3,5 часах езды по плохим, труднопроезжим дорогам. У Бородина грыжа, и если случится ее ущемление — это может окончиться смертью.

В письме НТС жителям Пермской области приводятся примеры помощи, которые каждый желающий может оказать политзаключенным; помощи малой, но имеющей огромное нравственное значение для поддержки и самих заключенных, и того дела, ради которого они готовы жертвовать своим бытовым устройством и даже своею жизнью:

„... распространять сведения о них среди населения вашей области, рассказать близким людям об их делах, а еще лучше связаться с ними, передать им весточку с воли, или просто дать знать каким-нибудь способом, что о них помнят. Иногда одного этого бывает достаточно, чтобы поддержать человека на долгое время”.

Поскольку политзаключенных часто перебрасывают из одного лагеря в другой, а podczas из лагерей в тюрьмы, то НТС просит сообщать об этих изменениях как родственникам заключенных, так и НТС. Для связи с НТС дается заграничный адрес в Голландии (Postbus 902, NL-Rotterdam, Nederland), а также указывается, что такие письма должны отправляться только через надежных людей, выезжающих в несоциалистические страны.

Хроника

● Второй суд над Владимиром Порешем, организатором Христианского семинара в Ленинграде (арестован в 1979 г.), состоялся 23 октября 1984 г. в Чистополе, где Пореш отбывал свой первый срок в тюрьме. По новой статье УК РСФСР 188-3 („злостное нарушение режима содержания в ИТУ”) Пореш обвиняли в переброске записки из одного тюремного двора в другой, в забастовке протеста против избития администрации политзаключенного С. Григорьянца, в „оскорблении” администрации (протест против неполной нормы хлеба заключенным — 350 г вместо положенных 450 г). Пореш заявил на суде, что виновным себя не признает и поведения менять не намерен. Приговор — 3 года лагерей строгого режима с отбыванием 3 лет ссылки по предыдущему приговору. Жена В. Пореша — Татьяна Купатадзе с двумя дочерьми (1977 и 1979 г. р.) проживает по адресу: 194, Ленинград, пр. М. Горького, д. 33, кв. 55.

● В ноябре 1984 г. 10 женщин-политзаключенных мордовского лагеря ЖХ-385/3-4 отправили президенту США Рейгану послание: „Господин президент! Мы, женщины-политзаключенные Советского Союза, поздравляем Вас с переизбранием на пост Президента США. Мы с надеждой смотрим на Вашу страну, идущую по пути *свободы и уважения прав человека*. Желаем Вам успеха на этом пути. — Абрутене, Бараш, Беляускене, Доронина, Лазарева, Матусевич, Осипова, Парек, Ратушинская, Руденко”.

● Свящ. Глеб Якунин, основатель „Христианского комитета защиты прав верующих в СССР”, после отбытия полностью 5-летнего срока заключения направлен на 5 лет в ссылку в пос. Солнечный на юго-востоке Якутской АССР.

● 24 ноября 1984 г. в г. Исык Алма-Атинской области КГБ раскрыло еще одно отделение подпольной баптистской типографии „Христианин”. В доме Егора Вольфа (1954 г. р.) были изъяты печатный станок, 30 тыс. отпечатанных Библий и 3 тонны чистой бумаги; еще 3 тонны бумаги изъято в доме Андрея Вольфа (1958 г. р.). Оба брата арестованы. За последние 10 лет было разгромлено несколько точек подпольной типографии „Христианин” (в 1974 г. в Латвии, в 1976 г. под Ростовом, в 1977 г. под Ивановгородом Ленинградской обл., в 1979 г. в Молдавии, в 1980 г. под Днепропетровском).

● 10 декабря 1984 г. более 10 человек было задержано в Москве у пл. Пушкина при попытке проведения традиционной демонстрации правозащитников в день принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека (1948 г.). Иностранных корреспондентов, пытавшихся заснять происходящее, изолировали агенты в штатском.

● В декабре 1984 г. в Москве было арестовано несколько человек (один из них — выпускник художественного училища Вячеслав Демин, 1959 г. р.) по обвинению в создании социал-демократической организации меньшевистского толка. Была составлена программа на основе идей Бернштейна и Каутского и план работы по ведению пропаганды среди рабочих.

● В декабре 1984 г. в Ленинграде проходил суд над членом Совета представителей СМОТ (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся) Владимиром Сытинским (1959 г. р.), выпускником биологического ф-та ЛГУ. Сытинского обвиняли по ст. 190-1 УК РСФСР в распространении „клеветнической“ литературы, в том числе книг нобелевских лауреатов Бунина и Солженицына, а также Самиздата. Сытинский требовал судить его за действительную причину ареста: участие в СМОТ; несколько раз он со скамьи подсудимых провозглашал лозунги: „Да здравствует демократическое движение!“ и др. По предложению адвоката (!), выразившего сомнение во вменяемости Сытинского, назначена повторная психиатрическая экспертиза в институте им. Сербского.

● В октябре 1984 г. в Киеве арестован Клим Семенюк (1930 г. р.), его обвиняют в написании „Обращения к рабочим всего мира“; по этому делу КГБ провело обыски в Киеве и Львове. Ранее К. Семенюк уже отбывал заключение по политическим причинам.

● В декабре 1984 г. в г. Рустави (Грузия) арестованы 9 человек, среди них секретарь комитета комсомола металлургического завода. Предъявленное обвинение — „измена родине“; истинная причина ареста неизвестна.

● С 20 по 23 ноября в Ленинграде проходил суд над Валерием Бариновым (1944 г. р.) и Сергеем Тимохиным (1958 г. р.) — руководителями христианской музыкальной группы „Трубный зов“. Они были арестованы на вокзале в Мурманске и обвинены в попытке бежать за границу, что оба отрицали. В Мурманск они приехали по приглашению таинственного молодого человека, имея обратные билеты в Ленинград. Приговор — Баринову 2,5 года и Тимохину 2 года лагерей. Никаких убедительных доказательств „готовившегося побега“ на суде представлено не было, несмотря на 9-месячное следствие, во время которого Баринова помещали в психиатрическую больницу; на суд Баринова доставили после 22-дневной голодовки протеста. На суде его обвиняли также в „открытом проведении религиозной пропаганды“. ТАСС (23. 11. 1984, по-английски) сообщил вдобавок, что обвиняемые „в течение нескольких лет осуществляли

контакты с иностранцами — представителями таких зарубежных антисоветских организаций, как НТС, радиостанция „Свобода“ и „Кестон колледж“, ...пытались переправлять за границу клеветническую информацию о положении верующих в СССР“. Жена Баринова (Татьяна) с двумя детьми живет по адресу: Ленинград, пр. Художников, д. 9, корп. 2, кв. 74. Жена Тимохина (Нина) с двумя детьми: Ленинград, пр. Энтузиастов, д. 30, корп. 2, кв. 268.

● В августе 1984 г. в Москве по обвинению в „нарушении правил паспортной системы“ был арестован и осужден на 10 мес. лагеря иеромонах Павел (в миру Петр Владимирович Лысак). Он окончил Одесскую семинарию, затем Духовную академию в Загорске; в 1975 г. под давлением властей был вынужден покинуть Троице-Сергиеву Лавру, жил в г. Кимры Калининской обл. и работал электриком. Часто приезжал в Москву для встречи с друзьями и духовными детьми, там в 1984 г. его дважды задерживали и изымали религиозную литературу.

● Новости из мест заключения:

— над Сергеем Ходоровичем, распорядителем Русского общественного фонда помощи политзаключенным, нависла угроза добавления нового срока по новой статье 188-3; сейчас С. Ходорович находится в лагере в Норильске (УП-288/15), отбывая 3-летний срок по приговору 1983 г.;

— Анатолий Корягин, врач-консультант Рабочей комиссии по расследованию использования в СССР психиатрии в политических целях, отбывающий 7-летнее заключение по приговору 1981 г., находится в Чистопольской тюрьме и с 30 октября 1984 г. проводит голодовку; его кормят искусственно, но нерегулярно; состояние здоровья А. Корягина близко к критическому;

— Владимир Гершуни, член СМОТ и член редколлегии самиздатского журнала „Поиски“, переведен в Благовещенскую спецпсихбольницу МВД; там же находится Александр Рига, арестованный в 1984 г. за издание экуменического журнала „Призыв“;

— священ. Александр Пивоваров, арестованный в 1983 г. в г. Енисейске Красноярского края в связи с делом московской группы, размножавшей религиозную литературу, условно освобожден (он был приговорен к 4 годам лагеря) с обязательным привлечением к труду;

— Феликс Серебров, член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, после отбытия 4 лет лагерей отправлен в 5-летнюю ссылку (адрес: 476110, Казахская ССР, Кокчетавская обл., Кокчетавский р-н, пос. Красный Яр).

● В 1984 г. из СССР эмигрировало 913 человек по немецким визам и 896 по израильским (в 1970-е годы на Запад выехало четверть миллиона человек).

5 лет ссылки Сахарова

22 января 1980 г. академик А. Д. Сахаров был задержан в Москве на улице и без всякого суда отправлен в бессрочную ссылку в Горький. Сахаров был лишен всех правительственных наград, в том числе трех звезд Героя соц. труда, Ленинской и государственной премий. Лишь звание академика, несмотря на многочисленные попытки, лишить его не удалось — благодаря солидарности с ним других членов академии (этот вопрос решается тайным голосованием).

„Посев“ неоднократно сообщал и о других действиях ученых в СССР в поддержку Сахарова (поездки в Горький для научных контактов, самиздатские письма в его защиту). Ниже печатается новый документ — письмо коллег А. Д. Сахарова по научно-исследовательскому институту, где он работал до ссылки. Текст был напечатан во Вроцлаве в польском самиздатском журнале „Обещность“ („Присутствие“) № 7 за 1984 г. (перевод с польского по „Русской мысли“ № 3547).

К польским ученым!

Коллеги Андрея Сахарова из Физического института им. Лебедева, где он работал, передают в Польшу и через Польшу дальше, во все страны мира, следующее:

1. Полностью прекращены прежде существовавшие, хотя и весьма скудные, контакты Сахарова со своим институтом.

2. Уже в последние год или полтора промежуток времени между моментом отправки почты Сахарову и моментом получения им цензурированного отправления систематически удлинялись.

3. С самого начала ссылки Сахарова его корреспонденция выборочно уничтожалась, т. е. только часть отправлений доходила в первоначальном виде — это относится не только к статьям, журналам и т. п., но даже к открыткам.

4. Все прежние призывы поддерживать почтовую связь с Сахаровым дали определенные результаты: уменьшили изоляцию Андрея Сахарова и его жены.

5. Часть писем и других отправлений следует посылать заказными и „с уведомлением о вручении“.

6. О шагах, предпринятых для того, чтобы Сахаров получал свою корреспонденцию, следует информировать прессу, Институт физики в Стокгольме, Академию наук Швеции и Норвегии, коллег-математиков и физиков в СССР, Станфордский университет и другие научные центры.

7. Адрес таков: академик Андрей Сахаров, проспект Юрия Гагарина, дом 214, кв. 3, Щербинка-2, Горький, СССР.

8. Если до мая 1984 г. речь шла, главным образом, о том, чтобы академик Сахаров и его жена получали научные работы, то теперь весомо всякое письмо и всякое отправление „с уведомлением о вручении“. Если на открытке „Avis de reception“ (красная открытка, которую заполняет отправитель и на которой, согласно Международной почтовой конвенции, должна стоять подпись адресата, т. е. академика Сахарова, подтверждающая получение) есть подпись А. Д. Сахарова — это может быть серьезным доказательством того, что Нобелевский лауреат жив и не лишен возможности подписывать получаемую почту.

9. Коллеги Сахарова осмеливаются обратиться с просьбой о помощи ко всем полякам в Польше и за ее пределами, веря, что польская идея жива и за границами ПНР, что поляки способны перевернуть землю и небо, как о том свидетельствуют многочисленные примеры, в том числе такие, как 3 мая, 16 октября и многие события последнего времени. Мнение Иоанна-Павла II о деле Сахарова считается у нас одним из важнейших событий после присуждения Сахарову Нобелевской премии. Почти вся Литва ждет приезда Иоанна-Павла II. В семьях и в дружеских кружках прислушиваются ко всем известиям из Рима. Достижения „Солидарности“ уже стали хлебом насущным, хоть и нелегальным. Все более распространяется понимание значения исторических демократических традиций в Польше, а поездка в Польшу становится огромным жизненным событием не только ввиду возможностей „купить-продать“ — решающими, в самом деле, становятся духовные ценности, какими запасаешься в Польше на много лет вперед.

За помощь поляков Сахарову будет воздано помощью полякам в СССР.

К аресту Ф. Г. Светова

22/23 января 1985 г. в Москве (Южинский пер., д. 14, кв. 17) у писателя Феликса Григорьевича Светова был проведен 12-часовой обыск. После обыска Светов был арестован. Ему предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

Одновременно КГБ провело обыски у жены Светова — Зои Александровны Крахмальниковой, находящейся в ссылке (659750, Горно-Алтайская АО, Алтайский край, пос. Усть-Кан, ул. Первомайская, д. 33), и у людей, выступавших в ее защиту — в том числе у священника Владимира Шибалева, Владимира Зелинского (он автор книги „Приходящие в Церковь”, опубликованной в 1982 г. по-русски несколькими издательствами на Западе), у искусствоведа Елены Муриной, у чтеца церкви Николы в Кузнецках и др.

Феликс Светов (1927 г. р.) — известный литератор, в 1951 г. он окончил филологический ф-т МГУ, начал печататься в 1955 г. В советских издательствах вышли его книги: „Ушла ли романтика? Критические размышления” (1963 г.), „Поиски и свершения. Заметки о современности искусства” (1965 г.), „Михаил Светлов” (1967 г.). Светов напечатал в эти годы также много статей, и до разгрома в 1970 г. редколлегии журнала „Новый мир” он был одним из постоянных авторов этого журнала.

Литературная деятельность Феликса Светова всегда сочеталась с проявлениями личного гражданского мужества: он выступал в защиту А.Синявского и Ю.Даниэля (1966 г.), А. Гинзбурга (1968 и 1977 гг.), А. Сахарова (1973 и 1980 гг.), священника Дмитрия Дудко (1976 г. и далее), Т. Великановой и священника Глеба Якунина (1979 г.). В связи с этими общественными выступлениями Светов в 1980 г. был исключен из Союза писателей.

В 1970-х годах Феликс Светов становится верующим и с тех пор, вместе с Зоей Крахмальниковой, участвует в религиозной жизни и религиозном Самиздате. В частности, в самиздате православном сборнике „Надежда”, который составляла Зоя Крахмальникова до своего ареста, были напечатаны статьи Светова „Оптика пустынь — сегодня” (в „Надежде” № 8; перепечатана в „Посеве” № 5, 1983 г.) и „Мать Мария” (в № 10). Западному читателю известны также другие статьи Феликса Светова: например, „С точки зрения романтического патриотизма” (в

„Гранях” № 117), статья о Солженицыне в „Русской мысли” от 24 апреля 1980 г.

В 1978 г. в издательстве ИМКА-Пресс вышла книга „Отвержи ми двери”, в которой Светов описывает свой путь к православной Церкви.

После ареста в 1982 г. Зои Крахмальниковой (за составление „Надежды”), Феликс Светов, вместе с друзьями, пытается сделать все возможное в ее защиту: пишет письмо патриарху Пимену и „Предстоятелям всех православных Церквей” (опубликовано в „Посеве” № 9, 1982 г.), открытое письмо русским писателям (см. „Посев” № 10, 1982 г.), „Письмо к другу” (отрывки напечатаны в „Посеве” № 1, 1983 г.). В этом, последнем, письме, отвечая на предъявленные Зое Крахмальниковой обвинения в связи с издательством „Посев”, где переиздавался сборник „Надежда”, Феликс Светов писал:

„Книги „Надежды” составлялись здесь, читались здесь, а то, что их поддерживали своим интересом и вниманием верующие христиане Запада, умножая на свои средства их количество — свидетельство нужности этих книг для христианского мира, духовной потребности в них — больше ничего. Может ли это быть квалифицировано как „связь” и криминал? Думаю, уверен — нет, не может. Да и какое отношение марка издательства имеет к содержанию книг? „Посев”, как мне известно, издает порой превосходные русские книги, в том числе принадлежащие перу лояльных советских граждан, находящихся и сегодня в добром здравии, это не говоря о советской и русской классике. Эти книги издал „Посев” — спасибо, книги хорошие. Убежден, что советские издательства могли бы конкурировать с „Посевом” в издании тех же самых книг, думаю, что „Посев” проиграл бы такую конкурентную борьбу (...).”

Пока что, к сожалению, такая конкурентная борьба „Посеву” не грозит. Коммунистическая власть предпочитает иные аргументы в „идеологической дискуссии”: цензуру, клевету, аресты, чудовищные сроки заключения, физический террор. Потому что для системы, основанной на лжи, самый страшный враг — правдивое слово: против него у власти нет адекватного оружия. Феликс Светов — один из носителей этого слова в сегодняшней России, и в этом причина его ареста, к каким бы статьям УК и формулировкам ни прибегали гонители. Носителей правды, несмотря на все преследования, в России становится все больше. И будущее за ними, ибо — закончим, как и Феликс Светов свое „Письмо к другу”, словами св. Александра Невского: „Не в силе Бог, а в правде!”

От Ужгорода до Петропавловска

Большинство случаев ареста и осуждения людей в СССР, о которых становится известно на Западе, приходится на Москву, Ленинград и их окрестности. Эти центральные области более „обозримы“ как для участников правозащитного движения (а оно тоже сконцентрировано в основном в столицах), так и для иностранных корреспондентов. О том же, что происходит в провинции, — информации и на Западе, и в столице попадает очень мало. А там оппозиционный потенциал едва ли не более высок, чем в центре, ибо причин на то (более жестокий произвол властей, более низкий уровень жизни) гораздо больше. И проявляется он гораздо радикальнее, часто в виде конкретных действий. Об этом мы можем судить хотя бы по таким коротким сообщениям, как опубликованный в „Посеве“ № 4/1984 лаконичный перечень нескольких заключенных Благовещенской психотюрьмы — на самой дальней окраине нашей страны:

Николай Иванович Бородин, 1947 г. р., из с. Грибное Черниговского р-на Приморского края (организовал митинг в защиту прав рабочих своего лес-промпхоза);

Александр Денисов, 1945 г. р., рабочий из города Холмск на Сахалине (писал работы с критикой строя и письма в газеты);

Егор Егорович Волков, 1927 г. р., учитель из г. Находка (в заключении с 1967 г. за организацию забастовки);

Александр Александрович Силкин, 1947 г. р., рабочий-сварщик из Петропавловска на Камчатке (разбрасывал листовки в Москве);

Владимир Андреевич Турсунов, 1940 г. р., преподаватель ПТУ из г. Алзатай Иркутской обл. (вместе с учениками печатал и распространял листовки).

А сколько таких, как они, неизвестных нам, находящихся в других тюрьмах и лагерях? И сколько не арестованы и занимаются сегодня такой же деятельностью?.. Сведения о некоторых из них, если и попадают в Самиздат, то как правило после ареста и осуждения. Ниже — самиздатские документы еще о трех таких людях. Попробуем за лаконичными и сухими строчками информации о них и за текстом приговора увидеть большее: их политический и нравственный облик, мотивы и цели их деятельности, и главное — что никакими репрессиями не искоренить в нашей стране этого постоянного самозарождения точек сопротивления тоталитарному режиму.

Он протестовал против бесхозяйственности...

Дело Анатолия Шимко

Приговор именем Украинской Советской Социалистической Республики:

1980 года января „29“ дня Судебная коллегия по уголовным делам Закарпатского областного суда в составе: председательствующего Токаря Г. Ф., народных заседателей Гречнева П. С., Гарагонича В. В., при секретаре Шнайден А. Д., с участием прокурора

Дердяк Ф. И. и адвоката Штерна В. И., рассмотрев в открытом судебном заседании в зале суда в городе Ужгороде дело по обвинению

Шимко Анатолия Степановича, 29 апреля 1940 г. р., уроженца города Карань Тельмановского р-на Донецкой обл., жителя гор. Ужгорода Закарпатской области, украинца, с высшим образованием, женатого, имеющего на иждивении 2-х несовершеннолетних детей, беспартийного, несудимого, гражданина СССР, работавшего на Ужгородском экспериментальном заводе газотранспортных турбоустановок инженером-конструктором,

в преступлении, предусмотренном ст. 187-1 УК УССР,

установила:

...в апреле 1979 г. Шимко А. С. на почтовых маркировочных карточках изготовил рукописным текстом значительное количество писем, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Часть из этих писем по почте отправил в соответствующие партийные органы...

В начале августа 1979 г. Шимко А. С. на пишущей машинке изготовил значительное количество писем, содержащих (...). Эти письма Шимко А. С. 16 августа 1979 г. распространил для общего обозрения по гор. Ужгороду путем расклеивания их в людных местах... (Далее описывается, как Анатолий Шимко расклеивал свои листовки на заводе и раздавал из рук в руки рабочим, что и привело к доносу в партию. — Р е д.).

Шимко в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал, считая, что изготовленные и распространенные им письма не являются заведомо ложными (...), в результате чего представляет собой особую опасность для окружающих, поэтому для перевоспитания и исправления Шимко А. С. требуется продолжительный срок изоляции от общества...

Руководствуясь (...), судебная коллегия приговорила

Шимко Анатолия Степановича по ст. 187-1 УК УССР к трем годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

*

После отбытия заключения Анатолий Шимко в сентябре 1983 г. написал „Открытое письмо в ЦК КПСС“, в котором объясняет, что побудило его писать и распространять листовки:

Что побудило меня писать? Прежде всего массовое очковтирательство в экономике, в т. ч. такие приписки, за которые государству приходилось вдобавок платить в буквальном смысле: в виде дополнительных ненужных перевозок, перегрузок и т. п., а также в виде „замораживания“ средств: вместо того, чтобы где-то работать и давать прибыль, оборудование месяцами и годами перевозили-

лось с места на место, везде отмечаясь в отчетах как „своя“ валовая продукция.

Так, тяжелые газовые компрессоры ленинградского производства нужно установить на простые и легкие подставки, изготавливаемые в гор. Николаеве. И компрессоры везут в Николаев (хотя и ребенку ясно, что нужно наоборот), приписывают там их полную стоимость — сотни тысяч рублей — и отправляют в Ужгород. Там вагоны загоняют в тупик завода „Турбогаз“ и, даже не прикасаясь к ним, тоже приписывают себе всю стоимость оборудования и отправляют в ленинградское (!) управление газопровода. На все это уходит два года. Компрессоры за это время морально устарели, их разобрали и роторы отправили назад на переделку.

Огромные турбины (миллион рублей каждая) николаевского производства присылают в Ужгород, накрывают временными деревянными кожухами (легкими и разборными, которые очень легко было отправить прямо в Николаев), а затем отправляют обратно на восток. А временные кожухи (дефицитная древесина, кстати, выращенная далеко от Николаевских степей — плюс тысячи рублей других затрат) выбрасывают. Только за время моей отсидки Закарпатье только на этой нехитрой „операции“ приписало в свои отчеты по валу около *ста миллионов рублей!* Конечно, ради спасения таких „дармовых“ миллионов и связанных с ними показателей местные власти пойдут на все и даже, если надо, сфабрикуют любое „уголовное“ дело (мне, например, пришили „клевету на социалистический строй“).

В обвинении зачем-то перечислены все стены и заборы, где я повесил свое письмо, но, конечно, не было ни слова о том, что же в нем — ложь. Судья категорически запрещал кому-либо упоминать хоть одно слово моего письма...

Перед арестом я верил, что у нас нет политзаключенных, т. е. людей, осужденных за искренне высказанные ими взгляды. Впоследствии, наученный горьким опытом, я мечтал лишь об одном: чтобы когда-нибудь политических обвиняемых и политических заключенных *фактически* уравнили у нас в правах с уголовниками...

Шимко Анатолий Степанович, г. Ужгород, ул. Кирова, д. 29, кв. 58.

Еще один независимый профсоюз

Дело Эдуарда Крицкого

Крицкий Эдуард Алексеевич, 1939 г. р., русский, окончил рыболовномышленный техникум, работал старшим трамластером на рыболовещих судах Мурманскрыбфлота.

Мать — Черешенко, Казахская ССР, Талды-Курганская обл., г. Уштобе, ул. Ворошилова, 67.

Брат Черешенко Борис Александрович, женат, дочь — студентка, жена и дочь проживают в г. Нальчике.

Работая на Рыбфлоте, участвовал в организации свободного профсоюза в Мурманске, Архангельске. Члены свободного профсоюза работали в рамках официальных профсоюзов, стремясь придать им независимый от партии характер и сделать их истинными выразителями и защитниками интересов рабочих. Крицкий принимал участие в организации демонстрации на День печати в конце 70-х годов в г. Архангельске. Организывал на судах забастовки в знак протеста против произвола администрации. После демонстрации Крицкого вызвали в КГБ, но ограничились беседой.

Приблизительно в 1979 г. его уволили из Рыбфлота по вымышленной причине, в действительности же — за активное участие в деятельности свободного профсоюза.

После увольнения уехал в Кривой Рог, где жил брат, Черешенко Борис Александрович. Работал шофером на Северном горно-обогатительном комбинате, где был одним из инициаторов создания свободного профсоюза, насчитывавшего до 40 человек. 1 мая 1980 г. по решению организации свободного профсоюза вышел на демонстрацию с транспарантом: „Рабочим — мясо, профсоюзам — независимость от КПСС“. С ним был младший брат Борис, фотографировавший происшедшее. В ходе демонстрации их обоих задержали сотрудники милиции. Э. А. Крицкому было предъявлено обвинение по ст. 206 ч. 2 УК УССР („злостное хулиганство“ — Ред.). Осужден по этой статье к 3 годам лишения свободы в ИТК общего режима, брат — к 2 годам (по этой же статье) ИТК строгого режима (как ранее судимый). Отбывал наказание сначала в колонии в Симферополе, затем в Херсонской обл., Голопристанский р-н, с. Старая Збуревка, ЮЗ-17/7.

Постоянно подвергался давлению и издевательствам со стороны лагерной администрации, неоднократно без всяких законных оснований заключался в штрафной изолятор и ПКТ, где провел около половины срока (1,5 года).

Еще будучи под следствием, написал заявление в Верховный Совет СССР с просьбой о лишении его советского гражданства „в связи с несогласием с политическим, экономическим и социальным строем, основанным на подавлении прав человека“. Получил ответ, что его заявление будет рассмотрено по отбытии им наказания. Повторно обратился в Верховный Совет из лагеря и получил тот же ответ. За 4 месяца до конца срока был заключен в ПКТ, откуда за 3 дня до освобождения был отвезен в тюрьму в г. Херсон, где ему было предъявлено обвинение по ст. 187-1 УК УССР якобы за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, среди заключенных. Осужден по ст. 187-1 УК УССР к 3 годам ИТК строгого режима в 1983 г. Отбывает срок в лагере строгого режима в г. Кременчуге Полтавской области, где продолжает подвергаться давлению, угрозам и издевательствам со стороны администрации; в частности, ему угрожали, что его изнасилуют подкупленные администрацией заключенные,

если он не прекратит протестовать против незаконного обращения. Письма от родных и близких в течение длительного времени не попадают к нему в руки.

Брат, Черешенко Б. А., освобожден в 1982 г. по отбытии срока наказания.

Э. А. Крицкий обращается с просьбой к мировой общественности об оказании ему помощи в освобождении и выезде из СССР. Э. А. Крицкий обращается к канадскому правительству и лично к премьер-министру П. Э. Трюдо с просьбой о предоставлении ему политического убежища.

«„Посев“ и „Русская мысль“ предельно правдиво отражают реальную жизнь в СССР»

Дело Николая Павлова

Приговор именем РСФСР.

1981 г. 22 сентября Судебная коллегия Белгородского обл. суда в составе: председательствующего Воронкова В. И., нар. заседателей Найденовой М. И., Козаковой С. П., при секретаре Бессоновой Г. Р., с участием прокурора Семенова*, рассмотрев в открытом судебном заседании в зале обл. суда г. Белгорода дело по обвинению Павлова Николая Сергеевича, 1947 г. рождения, уроженца Свердловской обл., г. Каменск-Уральского, жителя г. Алексеевки Белгородской обл., Гагарина, 9, кв. 6, русского, гражданина СССР, беспартийного, со средним образованием, инвалида с детства 2-й группы, холостого, невоеннообязанного, ранее судимого выездной коллегией Харьковского облсуда в г. Кулянке по ст. 187-1 УК УССР к 2 г. лишения свободы, в настоящий момент — по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР,

установила:

Подсудимый Павлов Н. С., проживавший в г. Алексеевка Белгородской обл., будучи враждебно настроен против Сов. власти, в целях подрыва и ослабления существующего строя систематически распространял, хранил и изготовлял материалы, порочащие советский общественный и государственный строй. Начиная с 1966 г., как он показал на следствии (предварительном), регулярно прослушивал передачи зарубежных радиостанций „Голос Америки“, „Би-Би-Си“; „Немецкая волна“, „Свободная Россия“***, тенденциозно изображающих советскую действительность. Некритически оценивая информацию вышеуказанных радиостанций, Павлов Н. С. высказывал клеветнические измышления

* Адвокат отсутствовал на основании ст. 50 УПК РСФСР. — (Примечание самиздатского переписчика; ст. 50 означает, что Н. Павлов сам отказался от назначения ему защитника. — Р е д.)

** Радиостанция НТС, существовавшая с 1950-х годов и прекратившая работу в 1973 г. под внешним давлением. — Р е д.

в адрес КПСС, называл ее кровожадной сворой аллигаторов, душащих собственный народ коммунистическим рабством. (Из показаний свидетеля Арефьева Г. И.)

Ведя паразитический образ жизни, подсудимый Павлов Н. С. с 1971 г. стал усиленно искать связи с антисоветски настроенными лицами. С этой целью он написал ряд писем, изъятых впоследствии сотрудниками КГБ при обыске у осужденного в 1977 г. за антисоветскую пропаганду и агитацию А. И. Гинзбурга. В письмах Гинзбургу подсудимый восхищался его самоотверженной борьбой в так называемой правозащитной деятельности и его личным мужеством, что подсудимый Павлов Н. С. в ходе судебного заседания не отрицал, заявив суду, что деятельность Гинзбурга не считает противозаконной.

При обыске на квартире Павлова Н. С., проживавшего в г. Алексеевка Белгородской обл., оперативными работниками Белгородского КГБ были обнаружены и изъятые нижеследующие антисоветские материалы: 4 экземпляра выходящей в Париже на русском языке газеты „Русская мысль“ за 1980 год, 2 номера за 1979 год журнала „Посев“, „Программа НТС“ — полиграфическое издание, книга Б. Пастернака „Доктор Живаго“, черновая рукопись клеветнического памфлета „Лик Августейший“, записи в конспективной форме (в темнокоричневой общей тетради) политических комментариев „Голоса Америки“, „Немецкой волны“, „Би-Би-Си“, записи обзора „Хроники текущих событий“ под заголовком „Документы нашего времени“, передаваемого „Радио Свобода“. Как в процессе дознания, так и на суде подсудимый Павлов Н. С. на вопрос, где доставал и что давал ему антисоветские печатные издания, отказался отвечать, заявив, однако, что публицистические материалы журнала „Посев“, „Русской мысли“ предельно правдиво отражают реальную жизнь в СССР.

На вопрос председательствующего по факту изготовления клеветнического памфлета „Лик Августейший“, изображающего в оскорбительно-ироническом тоне члена Политбюро ЦК КПСС А. П. Кириленко и дискредитирующего и подрывающего его авторитет как видного советского общественного и политического деятеля, Павлов признался, что действительно в августе месяце 1980 г., после приезда Кириленко в Алексеевку, он написал памфлет и ознакомил с ним Карюшова Р. Д., работника (ИТР) Райсельхозтехники, который, прочитав его, ничего не сказал относительно его содержания. Однако, приехав в командировку в г. Белгород в феврале месяце 1981 г., сообщил о нем в КГБ, изложив свое обращение в письменной форме.

Карюшов пояснил суду, что он еле стерпел, чтобы не выразить подсудимому Павлову свое негодование и возмущение по поводу данного ему клеветнического паскvila „Лик Августейший“, в котором А. П. Кириленко характеризовался как авантюрист и отъявленный негодяй.

По факту связи с Инициативной группой защиты прав инвалидов в СССР в письменной форме подсу-

димый Павлов заявил, что никого из группы не знает и ничего по этой части обвинения сказать не может и вообще „отказываюсь отвечать на подобные вопросы“. Однако при обыске сотрудниками следственных органов было обнаружено письмо В. Фелло-ва, являющегося членом Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР.

По факту высказываний, злобных выпадов против советского общественного и государственного строя в целях подрыва подсудимым Павловым дали свидетельские показания Гриньков С. К. и Барышников Ф. И.

На основании рассмотренных в открытом судебном заседании материалов и опроса свидетелей суд считает, что вина подсудимого Павлова полностью доказана. Действия подсудимого органами дознания в определении статьи 70 ч. 1 УК РСФСР квалифицированы правильно. В своем последнем слове подсудимый Павлов виновным себя не признал.

Судебная коллегия

определила

Павлова Н. С. признать виновным по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР и наказать по этой ст. к 5 годам лишения свободы с отбыванием меры наказания в колонии строгого режима.

*

От редакции. По данным архива Самиздата Радио „Свобода“ (документы АС № 5283 и АС № 5342), Н. С. Павлов — автор статьи „Памяти забытых и погибших эзков-инвалидов“, распространявшейся в Самиздате под псевдонимом А. Зеляков (точнее — А. Земсков; из-за плохого качества самиздатской копии в западных публикациях произошло искажение псевдонима). Эта статья, в которой Н. С. Павлов описал свое пребывание в инвалидном лагере в 1975—1978 гг. (он был осужден первый раз по ст. 190-1), была опубликована в „Посеве“ № 8, 1981 г. В зарубежных изданиях были, кроме того, сообщения, что до второго ареста Павлов распространял листовки против войны в Афганистане.

По страницам советской печати

«Алкоголь угрожает нашему будущему»

„Если бы пьяницы прочитали все, что о них теперь пишут в газетах,— протрезвели бы. Так жестко, откровенно, принципиально и озабоченно мы против алкоголизма еще не выступали“ („Известия“, 19. 12. 1984).

Действительно, ничего подобного в советской прессе еще не было: волна „антиалкогольных статей“ захлестнула страницы газет, пишут о женском алкоголизме (если алкоголизм получит распространение среди женщин, „нашим потомкам будет грозить полная гибель“. — „Рабочая газета“, 15. 11. 1984), и об алкоголизме детском („Школе нужна научная методика воспитания общества в духе трезвости... дополнить учебник анатомии и физиологии человека главой, которую так и озаглавить — 'Алкоголь'...“). — „Известия“, 23. 5. 1984). Много пишется и о „генетическом ущербе, который несет алкоголь“:

„В результате обследования полутора тысяч матерей и их детей отклонения от нормы наблюдались у 2 процентов детей, родившихся от матерей, которые совсем не употребляли спиртного. Этот процент повысился в 4,5 раза среди „умеренно“ пьющих. У детей, матери которых сильно пили, процент отклонения от нормы поднялся до 74!

Тяжелые последствия имеет для ребенка и кормление грудью, когда мать его навеселе. Появился даже такой термин: „грудной алкоголизм“. Такие

дети, если не умирают в раннем возрасте, то растут и развиваются гораздо хуже“.

„Алкоголь угрожает нашему будущему...“ („Известия“, 4. 7. 1984).

Алкоголизм настолько глубоко проник в быт развитого социализма, что возникли даже специфические термины и проблемы, не существующие в других странах. Например, в „Известиях“ от 17. 5. 1984 пишется, что необходимо „усилиями ученых разных отраслей науки выработать концепцию безалкогольной культуры“, употребляются термины „отрезвление сферы труда“, „организация безалкогольного досуга“, „вытрезвитель“, в „Комс. правде“ от 18.12.1984 ставится вопрос об изменении — из-за пьянства! — технологии производства на заводе пластмасс в г. Сафоново Смоленской области, где рабочие пьют используемые в производстве технический спирт и клей БФ (или, как его ласково называют, „Борис Федорович“). В „Известиях“ от 26. 7. 1984 говорится о проблеме недостаточной охраны ядовитого спирта — метанола и описывается трагедия на химзаводе в Кивиыли (Эстония), где произошло массовое отравление с гибелью, вероятно, десятков людей (нашли неохранявшуюся цистерну с метанолом...).

Еще одно специфическое для СССР явление — самогонщики. Вот только один пример, из Гомельской области:

„За прошлый год в Гомельском районе снова обнаружено 157 самогонщиков, в Светлогорском — 84, в Жлобинском — 49, Речицком — 107. И это — только зарегистрированные факты”.

А в Хойникском районе: „Самогон у нас гонит вся деревня. Да что там деревня — вся округа. Грешат этим и бригадир, и председатель” („Сельская жизнь”, 23. 3. 1984).

А что делать, говорят они, если в магазине бутылка самой дешевой водки стоит 5 рублей, хорошей — 10, при средней месячной зарплате в 150? Цены, по сравнению с другими странами, фантастические — государство стремится таким образом изымать у населения „денежные излишки”... Поэтому, особенно на селе, бутылка — вторая валюта. Вот что говорит пенсионерка Л. П. Коваленко из села Мосаны, где „обнаружили даже коллективный самогонный аппарат”:

„... как же теперь огород обрабатывать, сено заготавливать, дрова возить? Раньше ведь просто было — за бутылку самогона. Кто нам теперь поможет?” („Сельская жизнь”, 25. 5. 1984).

Точных цифр по алкоголизму советские газеты не приводят, но иногда масштабы бедствия видны достаточно ясно:

„С 1940 по 1980 год население страны увеличилось на 35 процентов, а производство алкогольных напитков возросло в несколько раз! Значит, примерно во столько же раз увеличился спрос!”

„... можно сказать, не боясь преувеличить, что исчисляются они (алкоголики.— М. Н.) уже миллионами” („Известия”, 17. 5. 1984).

Снятие некоторых табу с алкогольной темой привело к потоку полных отчаяния писем (большая часть от женщин) в редакции газет. Печатаются в основном такие, где предлагается наказывать пьяниц рублем, ставить соответствующее клеймо в паспорт, судить, лишать свободы — то есть власть выбирает явный крен в сторону ужесточительных мер. Но о подлинной причине пьянства не пишется, ибо эта власть устранить ее не может. Корни причины — в стремлении людей хотя бы на короткое время сбросить груз тяжких забот и бежать от беспросветной действительности в иной мир, вход в который очень прост: через горлышко бутылки.

В Советском Союзе учат рассматривать структуру общества по Марксу: „базис” (экономические отношения) и определяемая им „надстройка” (мир идей, общественных настроений, социальной психологии).

Так вот она, эта „надстройка” над базисом развитого социализма: иллюзорный мир алкогольного забвения, который зыбкой „аурой” поднимается по вечерам над страшной и в котором люди находят то, чего они лишены в реальной жизни — ощущение счастья.

Видимо, партия эту социальную функцию алкоголя тоже понимает, ибо сделать людей по-настоящему счастливыми она не способна. Беда только в том, что отрицательные стороны использования этого „опиума для народа” в последние десятилетия превысили „положительные” — это-то и беспокоит партию. И прежде всего в области экономики:

„... ущерб от спиртных напитков гораздо превосходит доход от их продажи... Десятки миллионов человеко-дней, огромное количество недоданной продукции... на 15—30 процентов снижается производительность труда после получек, праздников, выходных дней. Пьянство — причина увеличения брака, числа аварий, случаев производственного травматизма... Надо представить размеры этих потерь, и легенда о сверхрентабельности торговли спиртными заметно побледнеет” („Известия”, 17. 5. 1984).

Таким образом, от алкогольной „надстройки” стал ощущимо страдать базис — это основной аргумент, которым пользуются специалисты, искренне обеспокоенные положением. И что важно — люди сами, не дожидаясь решений сверху (а может быть, и не веря больше в них) начинают действовать. Так в конце 1984 г. в западную прессу, через представительство агентства Франс Пресс в Москве, попал документ, составленный учеными в новосибирском Академгородке — об алкоголизме в СССР. Документ этот произвел сенсацию на Западе, впервые дав цифры трагедии: 40 млн. алкоголиков и „чрезмерно пьющих” на официальном учете, 1 миллион гибнущих от алкоголя ежегодно, 16,5% умственно неполноценных среди всех новорожденных, потери народного хозяйства от алкоголизма 185 млрд. рублей (доход от продажи алкоголя — 45 млрд. руб.) *.

Документ этот, к сожалению, пока что публиковался без указания имен составителей. Но, возможно, какой-то свет на его происхождение проливает публикация в „Известиях” примерно за полгода до появления этого документа на Западе:

* Текст документа и комментарий к нему см. на стр. 74—80.

„Клуб 'Трезвость' (название его еще уточняет-ся) организован в Советском районе Новосибирска, в знаменитом Академгородке, инициаторами его создания стали доктор, кандидаты наук из академических институтов, рабочие и инженеры опытного завода и СКБ, студенты университета. Питейный вопрос' они изучили основательно, а изучив, пришли к выводам, которые не могут не возмущать каждого из нас" („Известия", 17. 5. 1984).

Возможно, что именно из этого круга и вышел упомянутый сенсационный документ. Приведенная нами выше цитата об ущербе народному хозяйству от алкоголизма (из „Известий" от 17. 5. 1984) принадлежит не-названному члену этого клуба. Лишь несколько человек названы в газете по именам: д-р техн. наук Н. Загоруйко (Институт математики Сибирского отделения АН СССР), канд. физ.-мат. наук В. Жданов (Институт автоматики и электрометрии), Е. Гражданников (научн. сотрудник Института истории, филологии и философии), В. Косинов (слесарь Института химической кинетики и горения).

Члены клуба выступают за создание „Все-союзного добровольного общества трезвости". Но, как известно из опыта столь же стихийно возникшего Всероссийского общества охраны памятников истории и культу-ры, власть подобные инициативы снизу не очень одобряет. Особенно если речь идет о явлениях, уходящих корнями в „основы строя".

Впрочем, в основах строя коренятся все беды нашей сегодняшней жизни, ибо строй этот подминает под себя все ее проявления.

«На очереди просто уже не хватает сил»

Слова, вынесенные нами в заголовок, взяты из письма в „Известия" (5. 10. 1984) Евдокии Григорьевны Гладун, живущей в г. Ровно на ул. Тольятти. Они иллюстрируют еще один „отдельный недостаток", с кото-рым в последние месяцы объявлена борьба:

„... ни одно из окружающих нас повседневных, бытовых, житейских явлений не пожирает так наше время, силы, нервы, как очередь... Часы, затрачи-ваемые нами, то есть населением, на приобретение покупок... 65 миллиардов человеко-часов ежегод-но. (...) Надо заметить, что в эти 65 миллиардов че-ловеко-часов не входит время, затрачиваемое по-купателями на поиск нужных товаров. Это соот-ветствует годовому фонду рабочего времени 35

миллионов человек, занятых в народном хозяйстве. Доля временных затрат на покупку продуктов пи-тания в этой цифре — 80 процентов" („Известия", 5. 10. 1984).

Автор приведенной цитаты — д-р экономи-ческих наук профессор В. Д. Патрушев. Как отмечает другой экономист, д-р О. Лацис („Известия", 2. 11. 1984), в очередях в СССР „работает" почти столько же чело-век, сколько во всей промышленности (37,6 млн.) — „есть о чем задуматься". И в отличие от некоторых других участников дискуссии по этой проблеме, видящих реше-ние в „улучшении культуры торговли", „системы планирования" и т. п., д-р Лацис предлагает искать источник этого зла в пра-вильном направлении:

„... работать культурно не желают — и никто им не помогает, нет экономической системы, которая с железной неотвратимостью выбросила бы таких работников из торговли. Существующий хозяй-ственный механизм им не мешает, и скорее они вы-бросят добросовестного работника, особенно если не поддержит его горьком партии...

Попкупатель и продавец — стороны неравноправ-ные, потому что покупателю от продавца что-то нужно, а продавцу от покупателя — только одно: чтобы его оставили в покое...

Попкупатель всегда должен иметь возможность выбора: здесь меня плохо обслуживают, пойду в другое место. Должно быть соревнование за поку-пателя, и это важнее, чем соревнование за выполне-ние произвольно выбранных обязательств".

Вывод — что нужна другая экономическая система — уже содержится в этих словах. Д-р Лацис формулирует его, конечно, более осторожно: „...такие перемены лежат в русле экспериментов и научных поисков, всемерно поощряемых нашей партией". Вот только хо-чет ли при этом партия другую экономиче-скую систему?

«Грустные истории» на стыке сфер образования, экономики и морали

Из статьи Т. Корсаковой в „Комс. правде" от 27.11.1984 о еще одной неразрешимой „государственной проблеме немалой важ-ности":

„Так было. Так есть. Так, видимо, будет в о-бозримом будущем. Приходится признать, что студен-ты выполняют в деревне роль сезонных рабочих..."

Теперь в редакции газеты пишут сами студенты: „У нас в Туркмении хлопок — основная культу-ра... и школы, и средние специальные учебные заве-

дения, и вузы останавливают учебный процесс с первой декады сентября до начала декабря и рассчитанную на 9 месяцев программу проходят за 6 месяцев. После этого не до учебы, а тут удвоенные, утроенные нагрузки, чтобы нагнать учебную программу (делается вид, что нагнали), и, конечно, преподаватели и профессора делают скидки, понимая наше положение: ставят вместо „двойки” — 3, вместо „тройки” — 4... Но эти завышенные оценки знаний не прибавляют. Какими мы будем специалистами, если нас недоучили?”

Но помимо снижения уровня образования студентов волнует и другое: экономический смысл этого принудительного труда. Вот, например, письмо А. Колонина, студента ленинградского горного института, о работе их факультета на картошке в совхозе им. Урицкого Мошенского р-на Новгородской области:

„... Картошку, очень мелкую, сгружали прямо на полях в бурты. Постепенно из разговоров с трактористами, местными жителями выяснялось, что картофеля на полях мало, из года в год его едва хватает на семена. А тот, оставленный в буртах на полях, гниет (будучи мокрым), замерзает зимой, а та его часть, что остается в сохранности к весне, отправляется обратно в землю, чтобы весь кругооборот повторился сначала. Судя по всему, таким образом просто выполняется план „по посевным площадям”. К чему все это приводит? Сначала студенты работали дружно, а в предпоследний день — уже нехотя, многие просто затаптывали этот ‘горюх’ в землю... Вот так. Собранной картошкой мы, выходит, никого не накормили: ни людей, ни скотину. Более того, вместо пользы принесли народному хозяйству вред — помогли сделать колесу бесхозяйственности еще один оборот. Где же смысл и польза нашей деятельности? Чему нас научил сентябрь?”

Как подсчитала д-р технических наук, профессор Киевского торгово-экономического института З. В. Коробкина: „Общие потери картофеля в период вегетации, уборки, хранения, транспортирования и реализации составляют 50—70 процентов биологического урожая этой культуры” (цит. по статье Зория Балаяна в „Лит. газете” от 21. 11. 1984). Цифра ужасающая: более половины урожая картофеля гибнет, размалывается в колесах гигантской машины социалистической системы хозяйствования. Приведенная З. В. Коробкиной цифра потеря картофеля, вероятно, применима и ко всей сельскохозяйственной продукции в СССР в целом, ибо с ней происходит примерно то же самое.

Вот факты В. Юмашева в „Комс. правде” от 24.11.1984. В Уфе осенью все школы работают на овощных базах (рабочие, служащие, студенты тоже) на сортировке овощей. 10-му „А” из средней школы № 3 повезло: „... по иронии судьбы им достались те самые кабачки, которые они выращивали летом в трудовом лагере в совхозе ‘Уфимский’”. Ребята увидели плоды своего труда. А дальнейшая судьба этих плодов была такая:

„... под открытым небом они уже начали портиться, рядом лежали тыквы и патиссоны, и их тоже начала постигать та же участь. К ребятам, как обычно, подошла работница склада и попросила... Да, она попросила десятиклассников покрыть гнившую кучу кабачков хорошими, которые еще не успели испортиться.

— Должна приехать комиссия из Москвы, — доверительно и по-простому поделилась она с ними, — надо, чтобы никто ничего не заметил. То же самое сделайте с патиссонами, а тыквы переверните так, чтобы были видны только целые бока.

... На следующий день ученики этой же школы, только на этот раз девятиклассники, погрузили и хорошие, и гнившие овощи в машины, и все это было сброшено в ближайший овраг”.

Учительница той же школы Н. И. Барашева рассказывает о работе на овощной базе своих восьмиклассников:

„... Нас попросили высыпать ящики с огурцами в кузов. Высыпали. Тут нам вручили лопаты, вилы и говорят: лезьте в кузов, начинайте ломать, колоть, топтать огурцы, чтобы не осталось ни одного целого. Я в ужасе бросилась к руководству складом, но меня при ребятах отчитали и сказали, чтобы не лезла не в свои дела. Вы знаете, мальчишки иногда любят ломать, крушить, но даже и они с каким-то страхом и недоверием выполняли эту кошмарную операцию. Скоро все было закончено, и машина уехала. А из нее капал огуречный сок”.

Т. Корсакова в упомянутой выше статье пишет:

„Грустные истории. Авторам больно. О подобных нарушениях написали нам также студенты Курганского сельскохозяйственного института, Московского автомобильно-дорожного института, Дагестанского и Саратовского политехнических институтов, Астраханского мединститута, Бельского, Марийского и Орехово-Зуевского пединститутов, Пермского университета, Воронежского лесотехнического института, учащиеся Свердловского электротехникума связи. Всех, впрочем, перечислить невозможно, а письма идут до сих пор”.

„Чему научил нас сентябрь?” — в один голос спрашивают ученики и учителя в Турк-

мении, Уфе и Ленинграде. Думается, что чему-то важному все же научил. Кого-то, может быть, даже заставил задуматься, что 67 лет назад был Октябрь...

Никакая „вражеская пропаганда“, пожалуй, не разоблачает существующую в СССР систему убедительнее, чем сама система. И в том протесте против хозяйственной бессмыслицы, в том стремлении к справедливости и к сохранению чувства собственного достоинства, которое проявили авторы цитированных выше писем и статей, школьники и студенты, рабочие и доктора наук, — можно видеть не только заметное повышение градуса общественного недовольства, но и формирование независимого общественного мнения, выплескивающегося на страницы прессы.

«Папа, а что такое масло?..»

Ниже приводится текст сообщения из „Волгодонской правды“ от 11. 1. 1984. Подобные провинциальные газеты за границу попадают редко (эта заметка прислана нам из страны вместе с самиздатскими рукописями). Но именно в провинциальной прессе встречаются порой столь саморазоблачительные материалы, что они не нуждаются ни в каких комментариях...

„К сведению населения города!

Уважаемые волгодонцы!

С 10 по 31 января текущего года с 16 до 21 часа в рабочие дни и с 9 до 18 часов в субботу и воскресенье в микрорайонах города в помещениях общественных пунктов охраны правопорядка организуется выдача талонов на масло животное за 2 месяца (февраль—март). (Прим. сост.: 200 г на мясца).

Для получения талонов необходимо иметь при себе паспорт и свидетельства о рождении детей. Реализация масла в магазинах по талонам производится ежемесячно с 1 по 25 число включительно в часы работы магазина.

Просьба ко всем жителям Волгодонска не затруднять работу комиссии — своевременно получать талоны.

Справки по телефонам: 2-47-32; 2-52-74; 2-57-61.
Головная комиссия”

Есть такой анекдот. Уже при построенном коммунизме мальчик спрашивает отца: „Папа, а как раньше жилось, до коммунизма?“ — „Плохо было, сынок. Все нужно было покупать за деньги, масло, например, 3 рубля килограмм стоило; за него платить надо было, понимаешь?“ — „Понимаю, папа. А что

такое масло?“ Похоже, что такой вопрос многие волгодонские дети могут задать своим родителям уже сегодня.

На грани фантастики

Население ждет реформ — только они ведут страну из тупика. Разговоры о необходимости реформ прорываются и на страницы печати, часто за солидными подписями. Основной смысл реформ — раскрепощение свободной инициативы людей, отказ от утопического тотального планирования. Но пока ничего не меняется: шестая подряд „тощая корова“ очередного неурожая к этим решениям партию не привела. На октябрьском пленуме 1984 г. вместо реформ было объявлено о дальнейшем увеличении капиталовложений в сельское хозяйство. До сих пор это, правда, существенного результата не дало — признали вожди, — но ничего, товарищи, на этот раз мы такого наворочаем (реки повернем!) и такого навывудымаем, что теперь уж никак без результата не останемся. Вот, например,

„Представьте себе, ... что спутник обследовал состояние посевов в Поволжье и передал данные в Москву, в центр расшифровки. Оттуда информация, весьма нужная для работников села, хлеборобов, пойдет к нам. Мы в свою очередь, соединив ее со своими данными, доведем до мест — колхозов и совхозов. Там смогут на основе наших данных быстро принять необходимые меры, скажем, для подкормки или прополки полей.

... Исследование полей и лугов будет вестись и с самолетов, вертолетов. Эти наблюдения пройдут как бы в два „эшелона“ — с высоты от трехсот метров до десяти километров. Ничто не укроется от анализа — наличие влаги, загущенность посевов, состояние лугов...” („Известия”, 11. 11. 1984).

Можно еще о многом таком помянуть: например, очереди за продуктами тоже из космоса регулировать, или в Волгодонске для распределения талонов на масло — компьютер поставить. Но ряд вопросов все же остается открытым. Например, где можно будет достать масло для этого компьютера? И смогут ли школьники на полях и доктора наук на овощных базах (оторвавшись на недельку-другую от разработки этих самых спутников и компьютеров), гнотить картошку и кабачки правильно, на основании космического анализа, а не так, как до сих пор? Над этими деталями советская наука должна будет еще поработать.

М. Н.

◆ Профессор С. Блэк из Принстонского университета (США) высчитал, что СССР в настоящее время занимает в мире по социальным и экономическим показателям 19-е или 20-е место. В 1950 г. национальный доход СССР составлял 11% мирового, ныне он продолжает составлять те же 11%. Збигнев Бжезинский, советник безопасности бывшего президента США Картера, констатирует, что невероятные жертвы, беспрецедентные в истории человеческие потери не дали в СССР положительных результатов: „Вероятно, никогда еще в истории такие талантливые люди в стране с такими богатыми ресурсами не работали с таким трудом и так долго, чтобы произвести так мало”.

◆ По данным министерства сельского хозяйства США, общий импорт зерна в СССР за 1983/84 „аграрный год” (1. 10. 83—30. 9.84) составил 33 млн. тонн. Ожидается, что в 1984/85 гг. он достигнет 50 млн. т. (15—18 млн. т. из США); к декабрю 1984 г. уже закуплено в США 12 млн. т. Из 50 млн. тонн 26 млн. составляет пшеница, 24 млн. кукуруза; закупки пшеницы увеличиваются на 27%, кукурузы — на 100%.

◆ В течение последнего десятилетия аргентинским фермерам удалось удвоить производство зерна. Одной из причин, приведших к столь поразительному результату, явились массовые покупки аргентинского зерна Советским Союзом — они побудили многих аргентинских фермеров перейти от скотоводства к массовому производству зерна.

◆ „Интернациональный долг” и „помощь братским народам” обошлись народам СССР в 9 млрд. руб. в постоянных ценах в 1971 г., в 21 млрд. в 1976 г. и в 42 млрд. в 1980 г. Подсчитали, что среднегодовой темп роста расходов на советскую „империю” составляет 16%. В общем в 1980 г. из 15 чел., занятых на производстве, один работал исключительно на поддержание и расширение коммунистической „империи”.

◆ СССР продолжает экспортировать свое сырье в Восточную Европу по ценам ниже мировых и импортировать из Восточной Европы низкокачественные изделия по ценам выше мировых. В последние годы убытки СССР из-за этой разницы в ценах состав-

ляют от 10 до 20 млрд. долларов в год. А потери от импорта товаров низкого качества вообще невозможно точно подсчитать, но и советским специалистам ясно, что они — огромны.

◆ Советская пропаганда утверждает, что СССР по среднесуточному потреблению калорий на человека (3445 калорий) обогнал Зап. Европу и входит в десятку наиболее развитых стран мира. На деле в СССР общая калорийность всегда „обеспечивалась” вынужденно усиленным потреблением хлебопродуктов и картофеля. Однако, если в 1975 г. потребление хлеба на душу населения дошло до 141 кг, то в 1982 г. оно снизилось до 137 кг, картофеля за этот же период с 120 до 110 кг (любопытно отметить, что потребление картофеля в России в 1913 г. было примерно таким же — 114 кг). А уровень потребления молочных продуктов упал за этот же период с 316 до 295 кг. Потребление мяса осталось официально стабильным: 57 кг — чему поверить трудно. Также за это время, по официальным данным, не увеличилось потребление на душу населения овощей, фруктов, ягод, животного и растительного масла.

◆ Согласно заявлению ТАСС, в 1985 г. в советской промышленности должно быть 50 тысяч роботов. А в США роботов — немногим более 6 тысяч, на всем же Западе — 31 тысяча. Неужели это — правда? Дело в том, что первые промышленные роботы появились в США в 1964 г. Их называли роботами первого поколения — они действовали по определенной заданной программе. В 1968 г. появились роботы второго поколения — они могли самостоятельно ориентироваться во внешней среде. В 1972 г. — роботы третьего поколения, обладающие уже способностью анализировать собственные ошибки. В настоящее время на Западе роботы первого поколения уже не считаются роботами, учитываются только второго и третьего поколений. Следовательно, если подходить к промышленным роботам с меркой Запада, то в СССР их вообще еще нет.

◆ В странах Европейского Экономического Сообщества на 1000 человек населения приходится 311 легковых автомобилей, а в странах СЭВ — 71.

Афганская трагедия — год шестой...

Спасая коммунизм в Афганистане

В конце декабря 1984 г. мир отметил пятую годовщину необъявленной войны, которую ведет Советский Союз и которая войдет в нашу историю как Афганская. В эту годовщину следует еще раз задать вопрос о причине советского вторжения и постараться выявить факторы, усиление которых заставило бы советское руководство вывести войска из этой страны.

Для чего были посланы туда советские войска?

Чтобы сбросить слишком „независимого“ Амина, захватившего власть 16 сентября 1979 г., приказавшего задушить Тараки и объявившего персонаой нон грата всесильного советского посла Пузанова?

Чтобы спасти коммунистическую власть в Афганистане? В начале 1979 г. на Афганистан — с советской точки зрения — надвигалась катастрофа: две компартии, „Парчам“ и „Халк“, продолжали кровавую междоусобицу, сопротивление народа росло из месяца в месяц, в Пакистане набирали силу различные мусульманские организации, объявившие коммунизму священную войну („джихад“), ислам становился, как и в прошлые века, идеологией борьбы, в данном случае — войны против коммунизма; разлагалась армия — целые части, гарнизоны, полки переходили к муджахидам с оружием, боеприпасами, техникой. И надо было решать: либо считать Афганистан очередной неудачей внешней политики СССР, либо — начать вторжение.

Более вероятной нам кажется именно эта, вторая версия.

Очевидно, советское руководство не рассчитывало сразу „заморозить“ Афганистан: иначе оно ввело бы туда полумиллионную армию (как в Чехословакию в 1968 г.). Оно, надо думать, понимало, что и полумиллиона солдат не хватило бы, чтобы наглухо закрыть афгано-пакистанскую и афгано-иранскую границы. Поэтому сначала ввели всего около 70 тысяч, так как понимали и другое, — что афганцы никогда не будут достаточно сильны, чтобы силой прогнать оккупанта.

Обладая огромным превосходством в боевой технике и — в отличие от демократических стран (и даже авторитарных, которые в большинстве экономически зависят от демократий) — возможностью прибегнуть к нужной степени и форме террора, советское руководство, по-видимому, рассчитывало покорить страну с наименьшими потерями — постепенно, но в какой-то определенный срок.

Факт, что Афганистан граничит с СССР, уверенность в том, что и Запад, и Восток останутся пассивными, были, вероятно, решающими доводами сторонников вторжения. США все равно ничего бы не сделали, даже если бы хотели: еще в 1953 г. афганское правительство предпочло Советский Союз Соединенным Штатам (американцы хотели тогда способствовать созданию антикоммунистического союза, в который входили бы Иран, Пакистан и Афганистан). К тому же у Афганистана нет выхода в Индийский океан, и США не могли бы использовать для помощи этой стране единственно возможный в тех условиях и в то время (тогда они еще не могли оперировать силами быстрого развертывания) род войск — свои военноморские силы. И какая там помощь, если незадолго до этого американцы не смогли освободить даже свое захваченное посольство в Тегеране? Этот факт тоже, вероятно, повлиял на решение политбюро.

Оказалось, однако, что советское руководство было не подготовлено к покорению страны политически: оно не сумело ни создать климата гражданской войны, ни примирить враждующие афганские компартии; не сумело привлечь на свою сторону большинство профессиональных афганских военнослужащих; не удалось ни соблазнить интеллигенцию, ни ловко обмануть народ временными реформами — аграрной и другими. Своими действиями оно лишь разжигало „джихад“, превращало сопротивление в подлинно народную войну.

Командование советской армии тоже показало свое полное неумение вести нерегулярную войну: громоздкие классические военные формирования оказались чрезвычайно неповоротливыми по сравнению с мо-

бильными партизанскими отрядами и соединениями афганцев; вводимая в начале в бой техника — плохого качества и к тому же пригодная для ведения боевых действий на европейских равнинах, а не в афганских горах. Война же в Афганистане ведется, естественно, только в горной местности, на равнине афганцы против регулярных войск действовать не могут. Что касается личного состава советских войск, то он вообще никак не был подготовлен — ни физически, ни психологически к этой войне.

На первых порах война не очень дорого обходилась СССР. Все равно 40-ую армию нужно было содержать, если не в Афганистане, так дома. Да и грабеж афганских полезных ископаемых как-то компенсировал затраты. Что касается потерь, то они были сравнительно небольшими, так как воевала в основном кармалевская армия. Кроме того, хотя противник и не знал страха, — это был плохо вооруженный, плохо обученный, плохо накормленный, плохо одетый и обученный партизан, не говоря уже о том, что афганское сопротивление было разрозненным (даже и сегодня еще вспыхивают перестрелки между бойцами различных афганских организаций сопротивления, особенно между агрессивной ортодоксально-исламской „Хезби-Ислами“ и умеренными). Это облегчало советскому командованию удержание под контролем нужных городов, баз и стратегических путей сообщения.

Так продолжалось приблизительно до конца 1982 г., когда кармалевская армия полностью и окончательно разложилась, когда среди афганцев разгорелась массовая кровная месть, которая царит теперь наряду с религиозной ненавистью к оккупантам. Примерно с начала 1983 г. советская 40-я армия потеряла свое кармалевское военное „прикрытие“ и вынуждена теперь сама вести все боевые и карательные операции.

Афганские же партизаны за эти годы привыкли обращаться с захваченными у врага современными видами вооружения, усвоили азы тактики, стратегии, пропаганды. До войны там умели обращаться с оружием только немногочисленные племена горцев-охотников, теперь умеют воевать сотни тысяч бывших афганских крестьян.

Но и для советской армии эти годы не прошли даром: ее Генштаб перенял американскую тактику, отработанную во Вьетнамской войне, в особенности — использование спецчастей, вертолетов, десанта. Тем не ме-

нее советскому командованию не удалось установить контроль над всеми городами и стратегическими центрами страны. Пришлось ограничиться несколькими городами и стратегическими дорогами. Да и то: засады продолжают на всех дорогах, многие ключевые позиции вдоль них до сих пор не взяты (например, Панджшерская долина), да и в самой столице, Кабуле, советский человек рискует жизнью даже днем.

Кроме того, Афганская война обходится населению СССР все дороже и дороже, и не только в человеческих жизнях. Вследствие как тактики выжженной земли (уничтожение посевов, жилищ, скота), так и повышения сопротивления и боевого мастерства афганцев, СССР вынужден ввозить в Афганистан все больше продовольственных товаров, в основном зерна, отстраивать взорванные мосты, предприятия и заменять уничтоженную военную технику.

Однако на шестом году войны уже становится очевидно, что — если обстановка не изменится — время будет работать на советское руководство. Оно меняет каждые два года (как и положено) личный состав 40-й армии, испытывает на афганцах новые виды вооружений, в том числе и химическое, установило для семей погибших солдат пенсию (от 45 до 120 рублей в месяц) — настоятельно рекомендуя им „поменьше болтать“. И может продолжать так еще долго.

Положение же афганского сопротивления становится все более критическим. Поддержка Запада, хотя США в 1985 г. свою помощь и удвоили, — продолжает быть мизерной. Мусульманские страны тоже не блещут щедростью. И сегодня, как и 3 года назад, неплохо вооружены только некоторые отряды муджахидов, и простая винтовка продолжает быть мечтой сотен тысяч афганцев. Афганские организации, как и прежде, разрознены и часто враждуют между собой. В беженских лагерях в Пакистане процент смертности — особенно среди детей — огромен (антисанитарные условия, голод, эпидемии). Пакистанские власти начали с недавних пор зажимать афганские организации и отбирают уже не половину присылаемой им помощи, как раньше, а больше (афганцы горько сетуют: „В Афганистане нас бомбят, в Пакистане нас грабят и арестовывают“). Среди афганцев уже чувствуется усталость, потеря веры в будущее.

В общем, нужно констатировать, что советское руководство, несмотря на совершае-

мые ошибки, начинает медленно одерживать верх. Первый его союзник в этом, как всегда, — пассивность Запада.

Страшный враг

Все же у советского руководства есть потенциальный враг, страшнее афганского сопротивления. Это — демобилизованный советский солдат, тот самый, который по приказу партии уничтожал афганцев. Как известно, советская пропаганда вдалбливает сызмальства в человека, что воин — это защитник отечества. И этот образ — разумеется, очищенный от марксистско-ленинской болтовни — занимает немалое место в сердце солдата. В Афганистане же эта патристическая пропаганда неумолимо оборачивается против власти. Образ защитника родины превращается в свою противоположность. Трудно чувствовать себя защитником родины, убивая афганцев на их родной земле, причем чаще всего стариков, женщин, детей.

„Приказ есть приказ, приказы не обсуждаются, а выполняются. Не я, так другой выполнит этот приказ. Больше всего хочется дожить до дембеля, домой вернуться — ради этого чего не сделаешь... Моя разве вина, что командование решило лишить афганцев продовольственной базы, что оно отдает приказы об истреблении населения, приказывает убивать заложников, расстреливать людей для устрашения, что за одного нашего — мы вырезаем весь кишлак... Мне бы домой, домой вернуться”.

Эти солдатские мысли были, есть и будут. Но за ними копится отвращение, часто подсознательное, к содеянному и злоба на тех, по вине которых это содеяно; и лежит в груди камень цинизма от полного уже безверия. Многие сотни тысяч ребят побывали в Афганистане и вернулись; у кого больше, у кого меньше, но почти у всех хоть как-то искалеченные души, неспокойная совесть.

И текут за бутылками беседы. Тут никакие подписи о неразглашении не помогали и не помогут власти. Другьям и родным рассказывает демобилизованный о пережитом, рассказывает, жалея погибших, даже афганцев, желя похвастаться, злясь на весь мир (и на афганцев — „Почему не сдаются, все равно ведь победить не могут?”).

В желании удивить, растормошить слушателя перевирает демобилизованный, преувеличивает в десять, в сто раз. Согласно самым осторожным американским оценкам, 40-я

армия потеряла в Афганистане за 5 лет немалым более 10 000 убитыми и около 60 000 ранеными и больными. Причем от афганской желтухи погибло больше, чем от пуль и осколков. А если послушать рассказы сотен тысяч демобилизованных — то мы уже полмиллиона потеряли, а афганцы — давно уже больше десяти. Особенно усердствуют ребята, вернувшиеся с войны калеками. — в них больше злости, горечи. И распространяются по всему СССР, среди миллионов, и правда и преувеличение, и то и другое — грозное для власти, поскольку у людей появляется еще одна причина перестать относиться к этой власти терпеливо-равнодушно.

Эти пять лет войны нанесли населению СССР может быть и небольшую, но плохо заживающую и начинающую гноиться рану. Она еще не может вывести народ из терпения, но она приближает взрыв. Если завтра не станет хлеба, то люди в гнев еще как припомнят власти Афганскую войну!

Советские пленные

Руководство КПСС продолжает отказываться признать СССР воюющей стороной и это пагубно отражается на судьбе пленных — как афганских, так и советских (число последних за годы войны достигло, вероятно, нескольких тысяч). Советское руководство утверждает, что в Афганистане войны нет и что советские солдаты, следовательно, не попадают в плен, а „незаконно захватываются бандитами”. А это означает, что по воле Политбюро советские пленные в Афганистане не подпадают под статьи Женевской конвенции и международные учреждения, в частности Международный Красный Крест, не могут предпринимать официальных действий для их спасения. В сущности отношение советских вождей к своим попадающим в плен военнослужащим продолжает быть таким, как определил его еще Сталин: СССР всегда отказывался поддерживать своих пленных через Международный Красный Крест (МКК), считая их „предателями”, а вернувшихся после плена на родину уничтожал или заключал в лагеря.

В нашей стране население постоянно внушается, что солдат должен предпочесть „героическую” смерть „позорному” плену. И, увы, даже многие антикоммунисты в нашей стране, искренне заботясь о боеспособности армии, считают, особенно не заду-

мываясь, это недоверие к солдату постулатом. На деле же запрещение советскому солдату попадать в плен, лишение его права выбирать в критической ситуации между жизнью и смертью, делает из него с одинаковой легкостью как жертву, так и палача — но нисколько не улучшает боеспособность армии. Так в армии страны, больше всего воевавшей со времени окончания Второй мировой войны и одержавшей наибольшее количество побед над превосходящими во много раз силами противника — в израильской армии — прямо говорят своим солдатам: попав в безвыходное положение, сдавайтесь, на допросах отвечайте на все вопросы. Нелепое геройство ни к чему. Самое главное — чтобы вы живыми вернулись домой... Такой же точки зрения придерживаются в американской и других армиях Запада.

В Афганистане, даже в том случае, если СССР признавал бы своих солдат пленными и дал бы МКК свободу действий на основании Женевской конвенции о военнопленных, спасти их жизни было бы тем не менее делом чрезвычайно трудным, поскольку требовалось бы, чтобы СССР признал воюющей стороной не только себя, но и афганских партизан. Советские же войска получили уже в самом начале войны приказ: „душманов” в плен не брать, а, допросив, убивать на месте — иногда лишь оставляя в живых кого-то — для показательного суда и „законной” казни. Но если даже регулярная армия не берет в плен, то что тогда ожидать от партизан? Сама специфика партизанской войны заставляет отказываться от пленных (кстати, советские партизаны во время войны немцев в плен тоже не брали). Пленный для партизан не только обуза, но и потенциальная опасность (может бежать и сообщить важные данные). Пленного надо водить с собой, кормить, охранять; на места, где находятся пленные, в особенности если среди них офицер, направлены усиленные карательные операции.

В Афганистане же, ко всему, партизаны ведут джихад — священную войну, в которой пощаде врагу отводится чрезвычайно малое место. Да в том регионе методы расправы вообще — а не только над чужестранцами — весьма немилосердны. Ко всему нужно напомнить, что там еще бытует кровавая месть — и что к ней взывает около миллиона душ афганцев, уничтоженных Таракки, Амином, Кармалем и советской армией.

Известно, что большинство попадающих в плен в Афганистане советских военнослужащих уничтожаются партизанами. Единицы, оказавшиеся с помощью МКК в Швейцарии (на базе неофициального соглашения между партизанами и советским руководством) и после двухлетнего интернирования выбравшие возвращение в СССР или политическое убежище на Западе, — лишь малая капля в море горя. Хотя и тут нужно добавить, что их изолирование в Швейцарии ото всех, кроме гебистов, — вопиющее нарушение международных правил.

После пяти лет Афганской войны можно только повторить, что, конечно, нужно делать все для спасения ребят, попавших в плен и оказавшихся в положении еще худшем, чем советские солдаты в немецком плену во время Второй мировой — у тех было все же больше шансов выжить. Призывать же военнослужащих 40-й армии намеренно сдаваться в плен, было бы в существующих условиях афганской войны безответственно и даже преступно.

Во всех предыдущих войнах, которые вел СССР, бегство из армии, переход на сторону противника всегда диктовались не выгодой, а либо отчаянной надеждой на лучшее, либо ненавистью к коммунистической власти. Афганская же война отличается от предыдущих войн, например, Финской или Второй мировой. Во-первых, афганские партизаны не в состоянии нанести поражение 40-й армии и тем вызвать переход советских военнослужащих на свою сторону. Во-вторых, переход на сторону афганцев (за исключением некоторых мусульман из среднеазиатских республик) невозможен по указанным выше причинам. К этому следует прибавить расово-культурное различие между противоборствующими сторонами (русскому, украинцу, белорусу, молдаванину, литовцу куда легче представить себе переход к немцам, финнам, французам или американцам, чем к японцам, сирийцам или ангольцам). И в-третьих, переход к афганским партизанам лишен каких бы то ни было политико-опозиционных перспектив.

Не так трудно также сделать вывод, что сведения о п е р е х о д е советских солдат к афганцам — очередной миф о советском солдате. На деле бегущие из армии военнослужащие (кроме, повторяем, мусульман) делаются на несколько категорий.

1) Бегущие на Запад. Советскому солдату в Афганистане Пакистан представляется ка-

питалистической, следовательно, свободной страной. Не имея представления о действительности в авторитарных странах, да и правовых государствах, он думает, что достаточно добраться до Пакистана, чтобы перед ним открылся весь Запад, — что, разумеется, не соответствует действительности. Почти все эти беглецы „на Запад” не добираются до Пакистана и попадают в руки к афганским партизанам.

2) Бегущие от армии. Это ребята, в основном, салаги, не выдержавшие избиений и унижений со стороны старослужащих и офицеров. Они бегут от армии куда глаза глядят. И попадают в плен к партизанам.

3) Ищущие американцев. Советская пропаганда упорно твердит, что Афганистан наводнен американскими и китайскими инструкторами, а в 40-й армии ходят к тому же слухи о существовании на афганской земле тайных баз США. Большинству солдат давно известно, что в Афганистане не было и нет ни американцев, ни китайцев. Но находят все же отчаянные ребята, считающие, что „нет дыма без огня” — и идущие искать эти базы, чтобы получить там убежище и уехать в свободный мир. Они, разумеется, тоже попадают в афганский плен.

4) Не желающие исполнять роль палачей. Они тоже бегут куда глаза глядят. Или „на Запад”.

5) Бегущие от трибунала. Среди них есть продававшие оружие афганцам. Чаще всего это люди, которых Афганская война приучила к наркотикам — вдвойне искалечила. Все они попадают в афганский плен.

В настоящее время работа МКК в Пакистане—Афганистане вовсе прекращается. Муджахидам было обещано, что в Швейцарию будут вывозить не только советских, но и афганских пленных. Советская сторона это обещание, конечно, не выполнила. И афганские партизаны отказались сотрудничать с МКК. Некоторые организации, в том числе НТС, сумели спасти несколько человек, смогут в будущем спасти еще несколько. Но в афганском плену сегодня по меньшей мере несколько сот человек, которых оставили в живых. Необходимо на высоком уровне решить вопрос о спасении их жизней, а сделать это может только Запад, в основном США. Нужно заинтересовать партизан, необходимо давать выкуп за каждого пленного (жстати, российские эмигранты могли бы собирать деньги для этой цели) и распространять информацию об этом среди

всех партизанских отрядов. Затем нужно организовать вывоз пленных на Запад. В с е х — независимо от того, останутся ли они в свободном мире или вернутся в СССР.

Тех, кто возвращается, надо понять: парня выхватили из родных мест, послали служить в чужую страну, в которой, навидавшись мерзостей, он попадает в плен к людям, обычаям, религия и язык которых ему непонятны и чужды. Затем его из непонятного ему Афганистана, из непонятного плена у непонятных людей внезапно перебрасывают в другую страну с непонятной жизнью, где его окружают новые непонятные люди. Удивительно ли, что парень, никогда особенно о политике не думавший, захочет — даже если он когда-то и мечтал о богатом Западе — вернуться домой — к семье? По возвращении его, конечно, посадят. Не сразу, так через некоторое время. Но он об этом сейчас не думает.

Все равно: для нас главным остается, чтобы он остался жив и получил то, что коммунистическая власть ему никогда не давала, — с в о б о д у в ы б о р а.

Навряд ли Запад пойдет на такую крупную операцию: он не видит себе от нее выгоды и не чувствует моральной ответственности за жертвы коммунизма. В данном случае — за советских солдат в Афганистане. На шестом году войны российской оппозиции остается, как и в прошлом, рассчитывать только на свои силы и наш народ. Делать все возможное для того, чтобы были как можно скорее выведены из Афганистана советские войска... И надеяться на чудо — пожалуй, только оно может спасти сегодня наших пленных, уничтожаемых в сущности не столько афганцами, сколько политикой советского руководства.

В. Р ы б а к о в

Короткие сообщения

● Юрий Поварницын был захвачен афганскими партизанами и интернирован при посредничестве Красного Креста на 2 года в Швейцарию, по истечении которых пожелал остаться на Западе. В 1984 г. Ю. Поварницын обратился к швейцарским властям с просьбой дать ему политическое убежище — и получил отказ. Ему выдали лишь вид на жительство, который он обязан постоянно продлевать. Власти мотивировали отказ тем, что Поварницын „дезертир”. Выступив в на-

чале 1985 г. по швейцарскому телевидению, Поварницын сказал: „Я благодарен за то, что мне дали возможность работать и свободно жить в Швейцарии. Но не могу согласиться с тем, что меня называли дезертиром. Дезертир — тот, кто, защищая родину, уходит с поля битвы. Когда меня послали в Афганистан, то сказали уже в пути, что мы будем защищать афганский народ от китайцев и американцев. Я категорически отказался убивать мирное население. Я не хотел быть зачисленным в нацисты, которых до сих пор преследуют за убийства женщин и детей. А это именно то, что от меня требовали”.

● В декабре 1984 г. Николай Рыжков (был в плену у афганских партизан, а затем получил политическое убежище в США) добровольно вернулся в СССР. Всего из 19 пленников, попавших из Афганистана на Запад, вернулись в СССР: 5 человек из Швейцарии, 2 из Англии и 1 из США. Согласно неподтвержденным еще слухам, некоторым из них уже дали срока до 10 лет.

● В настоящее время полумиллиону афганцев грозит голодная смерть. Надвигающаяся катастрофа охватывает в основном население районов Газни, Логара, Вардака, Забула, Кандахара, Герата и некоторых других провинций, в которых советские войска вели и ведут особенно интенсивно военные действия и сжигают кишлаки, убивают скот и птицу, сжигают запасы зерна, уничтожают сады, а главное, наносят повреждения многовековой оросительной системе страны. Уничтожив запасы афганского зерна, советское руководство заявило, что экспортирует в Афганистан в 1985 г. 100 000 т. советского зерна и 70 000 т. сахара. Что касается различных международных благотворительных организаций, они в основном оказывают помощь афганским беженцам в Пакистане и Иране (их более 4 миллионов), а на оказание помощи афганцам внутри страны смогли выделить в прошлом году лишь миллион долларов, который, кстати, пошел прямым в карман Бабрака Кармалы и его сообщников.

● В 1985 г. помощь США афганскому сопротивлению будет удвоена и достигнет 280 млн. долларов: сумма небольшая, если учитывать стоимость современных видов вооружения. За 5 лет войны помощь США афганскому сопротивлению составила 625 млн. долларов.

● Свергнутый в 1973 г. и ныне проживающий в Италии афганский король Мохаммед Захир-шах, выступив в ноябре 1984 г. впервые с официальным заявлением, сказал, что он готов взять на себя ответственность за руководство афганским сопротивлением, если народ даст ему соответствующие полномочия. Но, как известно, афганские фундаменталисты во главе с Хезби-Ислами (мечтающие о создании исламской республики) решительно противятся возвращению короля.

● Министр обороны кармалевского правительства генерал-полковник Абдул Кадыр в декабре 1984 г. смещен со своего поста в связи с продолжающимся разложением афганской государственной армии, насчитывающей уже менее 10 000 человек.

● Афганские партизаны умножили боевые действия в Кабуле: имея на вооружении ракеты и тяжелые минометы, они повели систематический обстрел советских и кармалевских гарнизонов, правительственных учреждений, советского посольства и микрорайона, по ошибке были задеты ракетным огнем здания нескольких западных посольств и учреждений.

Особенно упорные бои шли в пригородах столицы, где советские войска потеряли убитыми много десятков человек. В Пагмане (на севере от Кабула) советские войска попытались отогнать повстанцев от стратегической трассы, соединяющей столицу с границей СССР, но, потеряв только убитыми более 100 чел., были вынуждены отступить. Многочисленные стычки, засады имели место в провинциях Герат, Нангархар, Логар, Газни, Пактия, Фариаб, Тахар. Согласно сообщениям из Пакистана, на юго-востоке Кандагара афганцы взяли в плен до 100 советских военнослужащих. Однако пока ни одна из организаций сопротивления не подтвердила этого сообщения.

Сильному ракетно-минометному обстрелу подвергся советский военный аэродром под Джелалабадом (провинция Нангархар). Были уничтожены несколько самолетов, вертолетов, а также склады. Потери советских войск в живой силе неизвестны.

● В конце октября — начале ноября в Хазараджате (Центральный Афганистан) были окружены советскими войсками 450 афганских партизан; они сдались, получив честное слово, что им будет сохранена жизнь. Сразу же после сдачи всех их расстреляли.

● Советские ВВС продолжают время от времени бомбить пакистанскую территорию, в частности Три-Базар и Тори-Мангал.

● За годы войны Афганистан, население которого составляло 16,1 млн. чел., потерял около 5,2 млн. чел., среди которых огромное количество квалифицированных рабочих. Поэтому, из 150 предприятий Кабула продолжают работать немногим более десяти. Еще большие потери понесли руководящие кадры: только в Кабуле расстреляно 45 директоров фирм, 30 успело эмигрировать.

Афганские зарисовки

Эти зарисовки — результат бесед, которые вели в ноябре 1984 г. корреспонденты „Посева“ Ю. Миллер и В. Рыбаков с бывшими военнослужащими советской Сороковой армии, оперирующей в Афганистане. Их рассказы, нам кажется, верно отражают состояние армии, уже 5 лет ведущей войну в Афганистане.

Граната

В Афганистане бешенство появляется в людях, сходят с ума. Однажды наш взводный, Тушев, ворвался в офицерскую столовую с гранатой в руке. Граната, уже без кольца, только пальцы на пружине. Тушев орет: „Господа офицеры — вы все сволочи, недостойные жить!“ И бросает гранату на стол. Один офицер рухнул на пол, у второго отвисла челюсть и глаза от ужаса полезли на лоб, а наш ротный, разбив головой окно, выкатился окровавленный во двор. А Тушев хохочет: он еще у себя гранату (в полосочку, осколочную значит) обезвредил. Вбегает ротный и Тушеву в морду. Покатились.

Или еще случай. В БРДМ старший лейтенант Золовкин кричал позывные: „Дурдом-ромашка! Дурдом-ромашка!“ Дурдомом он называл нашу роту, а себя — ромашкой.

Зверь он был, но сам ничего не боялся. Раз были мы в командировке. Он нажрался водки и вздумал возвращаться в часть в десять вечера, да еще на „бобике“. Ехать 20 км. Мы думали — живем не доедем! А он песни поет и вперемежку воет: „Все равно денег нет! Все равно смерть, так и помру литером!“

Остановился у какого-то поста, облял часовых и приказывает водителю: „Пойди и врежь вот этому прикладом по башке!“. Тот отнекивается: „Ну как же, таиш шташлей-тенант, разве можно? Свой же!“ Золовкин посмотрел на него глубокомысленно: „Ну, ты тоже подлец!“

И ничего, доехали, спали, наверное, басмачи. После все удивлялись, даже Золовкин свою дурость понять не мог.

Уничтожение банды

Ехали на операцию в горный кишлак. Перед операцией выстроили, объяснили задание. Все шелкнули каблуками — пошла по армии мода прибавлять железки к каблукам, носить фуражки и козырять, как в старой русской армии. Вернее, как теперь кажется, что было так в русской армии...

В БТР пьяный с утра прапорщик орет: „Всем все ясно? Кишлак окружить, там банда басмачей спит, так что стрелять всех подряд!“

Но у самого кишлака к нам подбегает офицер: „Тихо, спокойней, в деревне наши афганцы есть, им наш полк заранее советские пилотки выдал. Так что в них не стрелять“.

Экипаж промолчал. Больше всех не любят у нас кармалевцев, их только шакалами и называют. Родину свою продали — а воевать не могут. Из-за них, предателей мы в этой стране желтуху да пули ловим.

Подумал прапорщик и говорит пулеметчику: „Достань из сундука бутылку. И тебе разрешаю сегодня выпить. Чтоб стрелял лучше“. Выпили они бутылку. После посмотрел прапорщик вдаль и орет, огурца-закуску изо рта не вынимая: „Двадцать басмачей, не меньше, вон там на пригорке стоят! У них афганское оружие. Долбани!“

У пулеметчика от водки уже голова кружится. Толпа афганцев стояла в километре, а он взял прицел на все три. Баранов там пашшихся на горе поубивал, да пастуху голову снес.

Прапор орет: „Сволочь! По баранам палишь! Наводи на толпу!“ Навел пулеметчик крест-накрест, закрутил намертво прицел и врезал на полную катушку...

А в ленте два простых патрона, два трасирующих и три разрывных чередуются — только куски людей полетели.

Утро было еще без солнца, на дворе холодно, а в БТР даже жарко от пулеметной гари. Еще больше развезло прапора, забыть не может убитых баранов. Орет пулеметчику: „Вылазь с пулеметом, ложись под машину, охраняй“. Сам еле стоит на ногах, пистолетом размахивает. Пистолет у него стальной цепочкой к запястью прицеплен — колониального офицера из себя корчит.

Тут подбегает к нашему БТР ротный. Прапорщик вылез и докладывает ему, что только что уничтожил банду. А тот ему кулаком по губам:

— Ты что, сука, в Афганистан водку приехал пить?!

Прапор хнычет:

— Банда была, банда! У них старые английские винтовки были, я видел. Банда! Афганское оружие у них было.

— Козел! Они ж в пилотках наших были! То кармалевцы, тебе же говорили! Ты их кончил, а банда ушла. По твоей, сволочь, милости! Ты хочешь, может, чтобы я людей своих туда послал? Тебя пошлю, а ребят жалко. И себя тоже жалко!"

Мы внутренне перекрестились. Раз послали так, сдуру, разведбат в ущелье — догонять афганцев. Те засели и подбили первую и последнюю БМПшки. Наши выскочили, отстреливаются, а на них уже катят сверху бочки с бензином, гранаты бросают. Один только казах в живых остался, под тремя трупами спрятался... так его за дезертирство, гады, судили. Должен был, понимаешь, погибать, а не под трупами хорониться.

В общем, так и кончилась эта операция. Только на обратном пути прапор не выдержал, нужно ему было злобу сорвать. Увидел он в одном кишлаке корову. Орет: „А ну наведи! Рябая она”.

Убили бедную корову. Из дома два афганца выскочили, руками машут. Их прапор собственноручно убил. Разошелся, китель скинул, в одной черной майке остался. Мстил всем весь день за то, что от капитана по морде получил.

Капля

Однажды на перевале под Кундузом поймали афганца с хлопушкой, ну, с одностволкой. С ней разве что на птицу охотиться. У нас к тому времени комбат совсем озверел: под Кандагаром у него брата убили, лейтенанта.

Так комбат сперва капсулем от гранаты кисть афганцу оторвал, а после притащил пол-ящика динамита, вбил в землю большую скобу, к ней привязали ящик, а спиной к ящику — афганца. Бикфордов шнур подпалили.

Афганец взвился с нечеловеческой силой, вырвал скобу и бросился бежать с ящиком на спине. А комбат хохочет. Я видел: взрыв раздался, когда афганец начал зубами веревку перегрызать.

Ничего от него не осталось, ни косточки, только капля одна крови на земле.

Убийца-самоубийца

В Полихумри один салага, не выдержавши издевательств стариков, ворвался с гранатой в ленинскую комнату, в ней старики шабили (то есть курили план). Он бросил гранату на пол, а сам стоит, улыбается. Слава Богу, один старик не растерялся: бросился, успел до взрыва выбросить гранату в окно. Избили салагу, еле жив остался. А он как выздоровел, снова гранату бросил. Палатку разнес, успели старики выскочить. Снова избили его, и офицеры посадили его на губу. Под трибунал не отдали, в психушку почему-то не отправили, наверное, не хотели ЧП в части. На губе его долго били палками по голове — чтобы поумнел.

Вышел салага на так называемую волю и говорит другу: „Пойдем, погуляем”. Повел его к большой яме — рыли в части уже год бомбоубежище: „Давай спустимся, план покурим, я достал”. Спустились. Он в яме достает из кармана гранату, говорит: „Давай, пойдем на тот свет? Там клево!”. И держит друга одной рукой за рукав. Тот еле вырвался. Только успел выскочить, как внизу раздался взрыв. Руку салаге оторвало, всего изрешетило, но жив как будто остался. Увезли его в Термез.

Но, главное: все говорили, даже офицеры, что не был парень психом. Удивительно, а?

Может, он по дорожке в Термез помер. Для него это было бы лучше. Он все равно от такой жизни смерть полюбил.

По пьянке

Был один неприятный случай в 9-й роте. Напились Серега из Харькова, Алад с Алтая и Борис из Киева. И решили пойти в кишлак, барана увести, винограду достать. В дуكانе замок дулами автоматов сняли и наши среди прочего рюкзак с планом*. Обкурились.

Вышли, а им навстречу афганец, старик. Орет по-ихнему, воры, мол! Ну, его автоматом по голове.

Тут женщина из дома выскочила, бросилась на помощь старику. Они ее оттащили в кусты и изнасиловали. После, как они объясняли, пришлось ее застрелить — чтобы не выдала. Потом застрелили и старика.

* Наркотик, опиум-сырец.

Затем из дома еще одна женщина выбежала — ее они сразу порешили, насиловать не стали.

Тут в доме раздались плач, крики. Ну, они туда ворвались, а там 14 человек, детишек несколько... И начали по ним гасить. Только один мальчишка успел в окно выпрыгнуть. Гнаться за ним не стали, темно было уже, понадеялись, что не разглядел мальчишка их лиц.

Вернулись они в роту, раздали план, все рассказали, попросили в случае чего подтверждать, что никуда они не отлучались.

Легли было спать, как вдруг Сергей заметил, что у него на автомате цевья нет, вернее, каптерщик заметил. А на цевье железный ободочек, а на ободочке — номер автомата. Поняли они, что возле дукана, около трупов старика улика осталась.

Пошли обратно в кишлак, по дороге еще двоих афганцев убили — чтоб без свидетелей. Наши цевья.

А наутро после подъема роту выстраивают и из-за угла выводят того самого сбежавшего мальчишку. Он на двоих правильно указал, а Сергея не опознал, указал на другого. Те двое орут, что мальчишка перепутал, а третий, неповинный, говорит: „Я там не был!”

„А кто?”. „Вон, Прихненко был, я за него под расстрел идти не собираюсь”.

Так все и раскрылось. Потом афганский мальчишка и Сергея признал.

Четыре месяца сидели под следствием и вышло у них по 65 лет срока — по разным статьям. А потом то ли они пожаловались, то ли прокурор обжаловал. В общем, досудили их... вышку дали.

Спросили их как будто: „Ваше последнее желание?”. „Проститься с родителями”. Может и выполнили их просьбу: чудеса все же бывают на свете. Но так или иначе, расстреляли их в Термезе.

Мы их особенно не жалели — изверги они были. Но действовала на нервы несправедливость: лейтенанты, полковники, генералы приказывают на операциях убивать тысячи таких же детей, женщин и стариков. И получают за это должности, звания, ордена. А этим за 17—18 убитых — расстрел. Либо всех награждать — либо всех расстреливать!

По средним оценкам, число потерь советской армии за 5 лет Афганской войны достигло 75 тысяч убитыми и ранеными.

Была у нас в части концертная группа из Ташкента. После концерта приказали отвезти артистов до Шебархана.

Рассовали их по БТрам и БРДМам. К нам в БРДМ попала молоденькая певица. Естественно, весь экипаж мечтал привлечь ее внимание, особенно старики. Но она почему-то разговаривала только с пулеметчиком-салагой.

Водитель, Каратаев, места себе не находит: он к дембелю подходит, а она с семимесячником-недоноском шуры-муры заводит! Прапорщик, тот совсем не выдерживает — толкает тайком пулеметчика сапогом, а певице подносит заряженный пистолет: „Посмотрите — это мое личное оружие! А с ним нечего разговаривать: хулиган, дерется, водку пьет, наркотики курит. Его ротный уже не раз бил”.

А певица: „Это ничего, это даже забавно!”

Каратаев все время оглядывается, на дорогу мало смотрит — и влетел на полной скорости в какой-то кишлак... А там девочка перебежала дорогу. И попала та девочка под колесо...

В БРДМ ощутили лишь легкий толчок, и то больше от того, что Каратаев вдруг вильнул машиной.

Выравниал он ее и увеличил скорость — нужно было побыстрее уходить. У его БРДМ, как и у других, номер грязью заляпан, — но на всякий случай лучше исчезнуть сразу.

А певица, ухватившись за пулеметчика, хохочет. Ничего она не заметила и ничего не поняла.

Но тут из командирской машины вызывают прапорщика: „Видел я, видел! Приедем, арестую тебя, гада!”

Приехали. Прапорщик, уже пьяный, говорит певице: „Видите, какие времена пошли: война. Мы вот только что ребенка задавили.”

Певица как закричит: „Это что, это как, это когда? Это когда ты к наущникам бросился?” Пулеметчика за руку хватает: „И ты видел? Почему не сказал?!”

Семимесячник только отвернулся: „Не нужно Вам про это знать. Поете? Ну и пойте!”

Она к Каратаеву: „Сволочь, убийца, п..!” А Каратаев молчит, смотрит насквозь. О девочке целых два дня думал. Никто, конечно, его не арестовал. И певица не донесла...

Бойня у ущелья

Узнав, что в долинке сидят афганцы, наше начальство решило их отрезать — перекрыть единственный выход из нее, ущелье. Один взвод выкопал окоп перед самым ущельем, второй — немного в стороне. К ночи офицеры уже сильно „поддали“.

И не было с нашей стороны ни мин, ни осветительных ракет. Поставили только слева и справа от окопов по часовому да протянули связь к палатке-штабу (его окружили БРДМы).

А афганцы, все рассмотрев, начали ползти к нашим позициям, обогнули первый окоп и подползли ко второму, перегораживавшему ущелье. Почти все афганцы были вооружены длинными ножами — их легко наточить как бритву: удар сносит полголовы.

Сперва без шума сняли наших часовых и связистов. Потом перерезали провод. Затем, вскочив на бруствер, стали в упор расстреливать наших ребят (их было человек сорок). Половина взвода сразу полегла, вторая половина, прежде чем погибнуть, успела все же открыть огонь. Уничтожен был весь взвод, „защитная в Афганистане родину от афганцев“.

Как раз к началу боя наштабу полка, нашему подполковничку вздумалось обойти позиции: накрыть спящих. Бойня началась, когда подполковник подъезжал на своем „бобике“ к периметру окопа. Он схватил ПК (пулемет Калашникова), несколько коробок с лентами и приказал водителю ехать ко второму окопу за подкреплениями...

В штабе-палатке и во втором окопе, услышав выстрелы, всполошились. Офицеры заметили: „Давай копоти! Газуй! Вперед! Чего стоишь!?“ „Так, таищ капитан, если примиком, то на скалы попадем, машину побьем. Да и ночь кругом. Раньше нужно было разведать“. „Что? Ты еще учить будешь? Ладно, давай в обход! Наши их там задержат. Ты пойдешь слева, я справа. Зажмем басмоту с двух сторон. Вперед!“

Пока „зажимали“, все было кончено. При свете фар и прожекторов перед солдатами второго взвода и протрезвевшими офицерами лежали вповалку зарезанные и изрешетенные салаги из Харькова и Ярославля, чугунки из Пскова и Минска, старики из Новосибирска и Читы.

В дальнейшем конце окопа лежал на пустых гильзах наштаб. Он отстреливался до последнего, а когда увидел, что в его ПК кон-

чаются патроны, повернул дуло к себе. Пулеметные пули почти оторвали ему голову. Не захотел он живым упасть к афганцам. Чтoб не потешились они медленной смертью врага. Да и лучше ему было, наверное, погибнуть солдатом...

Ни одного афганского трупа мы не нашли — они почти всегда уносят своих, даже под огнем: привяжет к ногам убитого конец чалмы и отползает. А той ночью у них было время все забрать: убитых, раненых, трофейное оружие.

Одного только подполковника отправили домой в цинковом гробу. Другие — не за служили.

Подполковник Заяц

Под Кундузом афганским повстанческим отрядом организации „Халес“ был захвачен подполковник Заяц Николай Александрович. Рассказал о его пленении и смерти повстанческий командир Абдул Кабир.

Подполковник Заяц отбыл из Кундуза в Кабул 26 декабря 1983 г. из в/ч 84397. Торопясь в служебную трехдневную командировку, подполковник вклинился, вероятно, в первую попавшуюся грузовую колонну, которая и подверглась нападению. Во время обстрела „бобик“ подполковника был подбит, сам он лежал контужен и потерял сознание.

Во время допросов ему была предложена жизнь взамен на честосердечные ответы на все вопросы. Ему напомнили, что партизанская война по своей специфике вынуждает в большинстве случаев не брать врагов в плен. Ему напомнили, что во время Второй мировой войны советские партизаны почти никогда не брали немцев в плен. Ему также напомнили, что советские войска в Афганистане подобны нацистским в СССР. Даже хуже: немцы не применяли против населения СССР химического оружия.

Подполковник Заяц отказался от сотрудничества и стал готовиться к смерти. Его спросили: „Вы так поступаете, потому что вы — коммунист?“ Он ответил: „Нет, потому что я — русский офицер“.

Ему предложили написать письмо советскому командованию, что партизаны готовы обменять его на нескольких заложников — жен и детей афганских командиров. Подполковник отказался. После долгих углов, он согласился начертать следующее:

„Я попал к муджахидам. Свои условия они вам скажут”.

Когда афганцы убедились, что обмена не будет, подполковника вывели из повстанческого штаба и расстреляли. Смерть он принял мужественно.

Нужна им добрая слава

Ничего афганцы не понимают. Хорошо, конечно, что в живых оставили. Как будто повезло.

Но я не об этом, а о войне. Говорю я им: не можете же вы ее выиграть, не можете же вы мечтать победить Союз. Афганистан по сравнению с нами муха, ну, скажем, овод. А что может сделать овод? Почешется наша страна — и все.

А если бы вы подумали как следует, да научились бы у советской власти как вести пропаганду, да проявили бы благородство: брали бы в плен, не заставляли бы пленных переходить в мусульманство, старались бы спасать врагов, даже свободу им давать, дрались бы не против советских людей, а против коммунизма, — то тогда и вышло бы

у вас что-то путное. Был бы у вас тогда шанс повлиять на мир, на людей на Западе, на нас, 40-ю армию.

А они не слушают, ненавистью ослеплены, режут нас, насилуют, морят голодом, издеваются. Есть среди них хорошие организации и люди, но они — капля. Некоторые пленные, особенно у Хезби, на цепи сидят, с ума сходят, г... свое жрут... пока не прибьют.

Афганцы говорят, что мы не люди, раз мы арбуз не так, как положено, едим. Если не знаешь их обычаев, наказывают, бьют. Лепешку не так перевернул, собаку погладил, не так в галюн сходил. Даже если вылезу отсюда живым, все равно больше жизни не будет.

Странно они, афганцы, действуют. Нужно, чтоб у ребят 40-й совесть заныла, душа заболела — все-таки творим же мы у них неусветное. Но они как нарочно делают все, чтобы душа у нас не болела. У нас одни даже без приказа, со страху стреляют во все, что движается, отстреливаются до последнего патрона, взрываются в подбитых БМПшках и БТРах. Не понимают афганцы, как им нужна добрая слава среди наших солдат. Не понимают.

От Комитета спасения советских пленных в Афганистане

Комитет под председательством графа Николая Дмитриевича Толстого был создан в июне 1983 года. С тех пор представители Комитета были в Пакистане и Афганистане 5 раз и наладили контакты с афганским сопротивлением с единственной целью оказать помощь советским военнослужащим, находящимся в афганском плену. На призывы Комитета отозвались пять из шести афганских организаций сопротивления. Представителям Комитета удалось встретиться и оказать помощь десяткам военнопленных. Горьким был на душе осадок от этих встреч, настолько тяжелым было физическое и духовное состояние молодых солдат, жертв преступной политики КИСС. Ребята с безмерной благодарностью приняли помощь (медицинскую, финансовую и моральную), которую наши представители смогли им оказать.

Комитет продолжает работу. Были налажены дипломатические связи с рядом правительств стран Запада, которые дадут в будущем (мы на это надеемся) политическое убежище ряду военнопленных. Двое из них, Николай Головин и Игорь Ковальчук, уже получили бумаги, необходимые для выезда в ФРГ. Мы хотим подчеркнуть, что без помощи наших представителей и сотрудников, живущих в различных странах Запада, Комитету ничего бы не удалось сделать: ими была проделана огромная, кропотливая, часто неблагодарная работа. Всем им, в Торонто, Мельбурне, Сиднее, Вашингтоне, Сан-Франциско, Нью-Джерси, Виллахе, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Мадриде, Брюсселе и т. д., мы приносим глубочайшую сердечную благодарность.

С июня 1983 г. было получено на счет Комитета:
а) в английских фунтах ст. 8150.58 (включая суммы, присланные в разных валютах)
б) в американских долларах 6673.62 (включая канадские и австралийские доллары).
Общий расход Комитета за прошедшие полтора года: 6677.01 фт. ст.

Комитет еще раз обращается за помощью и приносит глубокую благодарность всем жертвователям и людям, присылающим нам письма и добрые советы.

Декабрь 1984 г.

Адрес Комитета:
SPARC, 78 Beckenham Road, Beckenham, Kent BR3, 4RH, England.

Банковский счет Комитета:
Account No 9115758, Midland Bank plc, High Street 184, Bromley, Kent BR1 1HL, England.

Председатель Комитета — граф Николай Толстой-Милославский.

Почетные члены Комитета: Пр. Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, Пр. Константин, Епископ Ричмондский и Британский, Пр. Марк, Епископ Берлинский и Германский, А. А. Авторханов, В. П. Аксенов, Ю. Н. Вознесенская, А. И. Гинзбург, П. Г. Григоренко, И. А. Иловайская-Альберти, О. А. Керенский, Л. З. Копелев, Наум Коржавин, Э. О. Неизвестный, В. П. Некрасов, Э. В. Озаянсян, С. М. Поликанов, Андрей Седых, А. П. Столыпин, Я. А. Трушинич, Е. А. Якобсон.

Китайский «нэп»

Пекинская пресса опубликовала „Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы“, которое было принято на III пленуме ЦК КПК XII созыва 20 октября 1984 г. („Пекинское обозрение“ № 44 от 30.10.84).

Это постановление развивает и завершает, для данного этапа, ряд решений пекинского руководства в экономической области, вынесенных за последние 6 лет, общий характер которых с полным правом можно обозначить как своеобразный китайский „нэп“, во многих отношениях значительно превосходящий соответствующий ленинский маневр, — тем более что теперь он предпринят на четвертом десятке лет коммунистического режима.

К тому же в прессе, уже в духовной области, стали печататься материалы, выдвигающие на передний план религиозно-философское учение Конфуция и отрицающие применимость основных положений марксизма к условиям нашего времени (правда, в последние дни внесена поправка о том, что положения эти не вообще неприменимы, а „не всегда применимы“). Но ограничимся экономической.

В декабре 1978 г. пленум ЦК КПК наметил курс на „социалистическую модернизацию“ промышленности, сельского хозяйства, обороны, научно-технической деятельности, пути и формы которой окончательно определил XII съезд КПК в сентябре 1982 г., утвердив, с двухлетним опозданием, VI пятилетку (1981—1985 гг.) в качестве образца „прагматического социализма“, проводимого „в опоре на собственные силы“.

Главное содержание реформы — внедрение „многоукладности“, развитие коллективных (кооперативных, групповых), а также индивидуальных (частных, семейных) хозяйств в городах и селах, в рамках „системы производственной ответственности“ и при „сохранении ведущего положения за государственным сектором экономики“. Как сказано в последнем постановлении ЦК КПК, решено, на основе анализа положительного и отрицательного опыта социалистического строительства, согласовать принципы марксизма с китайской действительностью и построить „социализм китайского образца“.

„Исторический опыт показывает, что социалистическая плановая система должна сочетать единство с гибкостью“.

„Втягивать в план все виды экономической деятельности, без исключения, и проводить их только путем административных приказов, недооценивая роль экономических рычагов и рыночного регулирования“, значит „отрывать план от реальности“.

„Полное развитие товарного хозяйства есть необходимая ступень экономического прогресса и необходимая предпосылка экономической модернизации страны“.

Различаются директивные планы, подлежащие безусловному выполнению при прямом руководстве государства, и инструктивные планы, осуществляемые путем применения экономических рычагов в рамках соответствующих общих законов и инструкций (о владении, налогах, ценообразовании, условиях конкуренции). При этом, косвенные регулятивные факторы неизбежно соприкасаются с иррациональной сферой хозяйственной жизни, что обуславливает необходимую гибкость их.

Ключевой пункт реформы — „оживление“ хозяйственных предприятий. Сделано открытие, что источником жизненной силы предприятия являются активность, сообразительность и творческая способность работников умственного и физического труда. Они, оказывается, должны быть заинтересованы в направлении и результатах производственной деятельности.

При всей важности научно-технического прогресса, при безусловном сохранении социалистической базы (в первую очередь государственной собственности на командные отрасли тяжелой промышленности и общего планового характера социалистической экономики), допустимо и даже необходимо укрепление хозяйственной инициативы как для предприятий социалистического сектора, так и для прилегающей сферы хозяйственной жизни. Это лишь помогает „самосовершенствованию и развитию социалистической системы“, поскольку „социализм призван устранить нищету, и социализм не означает пауперизма“.

В деревне, по принципу „производственной ответственности, введены „семейные подряды“, когда в качестве аренды за от-

дельными дворами закреплены земельные участки, тягловый скот, инвентарь — при обязательном сдавать государству (коммуне) определенный объем продукции; то, что сверх этого, — поступает в распоряжение двора. К началу 1983 г. уже около трети тракторов было в личной собственности крестьян, а урожай зерна возрос на 33%. И в тексте последнего документа ЦК отмечено, что „сельскохозяйственная продукция, которая долгое время доставляла нам много забот, теперь за короткий срок получила широкий размах”.

„Пекинское обозрение” (№№ 44-50) приводит разительные примеры роста и „диверсификации” (разносторонности производства) частных крестьянских хозяйств. Так, один крестьянин, взяв для начала кредит, создал куриную ферму, где 1350 птиц несут 50 кг яиц в день. В другом случае семья из 6 человек за год поставила на рынок 134 убойных свиньи, 300 кг шелковичных коконов, 500 кг грибов, 400 кур и 100 000 дождевых червей (пишут, что черви идут на корм курам, куринный и свиной помет собирается в ямы метанового брожения, метановый газ используется на отопление и освещение, а остаток навоза идет на поля удобрением или служит питательной средой для грибов).

Теперь поставлена задача расширить кооперативный и частный сектор в городах, где полем их деятельности могут быть мелкая промышленность, торговля и услуги. Встает проблема переквалификации кадров, служивших в аппарате государственной экономической бюрократии. Не исключено, что часть из них, по венгерскому примеру, сама займется частной хозяйственной деятельностью — под контролем бывших коллег.

И еще: хотя КПК и возвещала о проведении „прагматического социализма” не иначе,

как „в опоре на собственные силы”, но существенную подпорку она отыскивала в привлечении инвестиций иностранного капитала. Целый раздел в последнем постановлении ЦК КПК отведен „различным формам экономического и технического обмена”, где доминируют

„...экономическое сотрудничество и технический обмен с заграничем на основе независимости и самостоятельности, веры в собственные силы, равноправия, взаимной выгоды и взаимного доверия”.

„Необходимо и полезно пополнить социалистическую экономику нашей страны иностранным капиталом и привлечь иностранных деловые круги к ведению в нашей стране смешанных, акционерных или частновладельческих предприятий”.

В порядке осуществления политики „открытых дверей” за девять месяцев 1984 года 14 портовых городов были открыты иностранному торговому капиталу для проникновения на китайский рынок, общая сумма иностранных инвестиций в эти города в полтора раза превышает такие инвестиции в эти города за последние пять лет („Пекинское обозрение” № 50).

Постановление ЦК КПК от 20 октября, однако, заканчивается разделом об усилении руководящей роли партии, „чтобы гарантировать успешное проведение реформы”. Там напоминает о „социалистическом пути”, о „демократическом диктатуре народа”, о „водительстве КПК”. И это должно наводить на мысль о возможной роли „нэпа” как „передышки” и как „временного отступления для нового наступления”.

Тем не менее, как это отмечено в мировой прессе, китайская реформа могла бы послужить примером для советского руководства в поисках выхода, хотя бы и на седьмом десятке лет развитого социализма, — из развитого экономического тупика.

Будет ли Китай опасен Советскому Союзу

В конце 60-х годов, когда в европейскую часть СССР приходили вести (официальные, полуофициальные и, особенно, неофициальные) о вооруженных столкновениях на советско-китайской границе, то бабки немедленно начинали заготавливать сухари и закупать соль и спички. Беспокойство бабушек разделяли представители советской интеллигенции, в том числе диссидентской: не-

которые предсказывали близкую и неизбежную войну, которая может закончиться разгромом СССР и даже его гибелью.

На деле же маоистские реформы, главным образом „большой скачок”, создание народных коммун и „культурная революция” так расшатали и дезорганизовали без того слабую экономику КНР, его государственные институты, в том числе армию, что воору-

женное столкновение между КНР и СССР неизбежно привело бы к быстрому разгрому Китая. Достаточно сказать, что и в настоящее время военная промышленность КНР качественно отстает от советской гораздо сильнее, чем советская от американской.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. сразу началась яростная борьба между маоистами — сторонниками перманентной революции и прагматиками, сторонниками доктрины Чжоу Эньлая, заключающейся в выдвинутом им лозунге „четырех модернизаций” (превращение любым путем и в кратчайший исторический срок Китая в промышленно-развитое государство; модернизации должны были быть подвергнуты промышленность, сельское хозяйство, армия и наука).

Только после смерти Мао раскрылась во всей ее полноте катастрофа, постигшая страну во время разгула маоизма: десятки миллионов репрессированных, среди них — лучшая часть культурной и научной интеллигенции; десятки миллионов умерших от голода. Тогда китайская пресса писала о слезах Дэн Сяопина, нового главы Китая, во время его поездки по стране. Достаточно напомнить, что в 1976 г. в Китае с его почти миллиардным населением урожай зерновых (включая клубневые в пересчете на зерно) был равен 225—230 млн. т., в то время как в СССР с его 255-миллионным населением было собрано только зерновых 223,8 млн. т. Как известно, даже в 1976 г. население СССР не было богато хлебом, а скот — кормами. Так что только по этим нескольким цифрам можно легко себе представить воистину ужасающее положение китайского населения. После смерти Мао часть крестьян соседних с Пекином уездов смогла, пользуясь временным ослаблением тоталитарной власти, добраться до площади Тяньаньмень, чтобы умереть там от голода.

Трагедия усугублялась демографическим взрывом: с 1966 г. на рынок труда страны ежегодно прибывает 17 млн. человек, и если в 1949 г., — ко времени победы коммунистов в гражданской войне, на одного жителя приходилось около 3 му* обрабатываемых земель, то сегодня, согласно китайской печати, на душу населения приходится около 1,57 му обрабатываемой земли. (В США — 14,3 му, в перенаселенной и нищей Индии — 4 му.)

* Земельная мера, меняющаяся в зависимости от провинции; наиболее распространенная — 0,067 га.

Победившие сторонники покойного (согласно упорным слухам — отравленного) премьера Чжоу Эньлая столкнулись, придя к власти, со многими трудностями, стоящими на пути Китая к занятию положения сверхдержавы и гегемона в Азии. Нужно было решить идеологическую, политическую и сельскохозяйственную проблемы.

Идеологическая трудность заключалась в том, что председателя Мао невозможно было выбросить за борт истории, так как его нечем заменить (в СССР можно свалить и забыть любого генсека, всегда останется Ленин и идеологическая нить не прервется). Следовательно, нужно было уничтожить маоизм, но исторически спасти ненавистного Мао и не допустить создания идеологического вакуума. Была изобретена формула „7 к 3” (т. е. 70% деятельности Мао было объявлено позитивной, 30% — негативной). Формула подкреплялась утверждением, что Мао „совершал ошибки”, а маоисты — „преступления”.

Политическая трудность заключалась в проведении во всех государственных учреждениях массовых чисток среди компрометировавших себя во время „культурной революции” членов партии (во время маоистской свистопляски в партию было принято около 20 млн. чел.). Прагматики решили, значительно укрепив свою власть к 1980 г., перейти в наступление. Был организован суд (он длился с ноября 1980 г. по февраль 1981 г.) над арестованной в 1976 г. Цзян Цин — вдовой Мао, и ее ближайшими сторонниками Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь („банда четырех”). Многие международные обозреватели недоумевали: для чего нужен суд, фрагменты заседаний которого транслировались к тому же по телевидению на весь мир, если прямая функция тоталитарной власти — непосредственная расправа над политической оппозицией? Ясно, что суд был не просто мстью и не просто желанием поиграть в законность — ведь вместе с „бандой четырех” судили и погибшего при таинственных обстоятельствах в 1971 г. Линь Бяо. Кроме того, суд приговорил Цзян Цин и Чжан Чуньцяо к смерти, а новые руководители Китая, организаторы судебного спектакля, заменили смертный приговор пожизненным заключением (официально казнь была отложена на 2 года).

По всей вероятности, сенсационная посмертная реабилитация Лю Шаоци (главы

государства и наиболее известной жертвы „культурной революции“) на V пленуме ЦК КПК в феврале 1980 г. и суд над „бандой четырех” в конце того же года были свидетельством, что новая власть достаточно окрепла, и призывом к массовой чистке на всех ступенях партийно-государственной номенклатурной лестницы, а также в армии.

По сути дела антимаоистские чистки начались сразу после смерти Мао, но они коснулись только номенклатурной верхушки. После суда они распространились и на маоистскую массу — как известно, расправы на местах часто принимали характер народной мести (было за что!). Число погибших маоистов неизвестно, но бывших палачей, ставших теперь жертвами, было уничтожено в 1980 г., вероятно, несколько сот тысяч. Однако большинство из 20 млн. вступивших в партию во время „культурной революции” людей обвинялось лишь в „политической и идеологической близорукости” и в „некомпетентности”, и лишь незначительная часть — в „предательстве” и „саботаже”. Это означает, что многие миллионы бывших маоистов были и будут, после „критики, самокритики и перевоспитания”, вновь допущены к партийно-государственным постам, разумеется, с понижением.

Демаоизация резко отличается от десталинизации. Советские руководители не ставили под сомнение ни господствующую идеологию, ни систему управления. Они только смягчили последнюю и обеспечили прежде всего безопасность самих номенклатурных работников и их семей. Достаточно вспомнить, что единственными жертвами послесталинской чистки были работники МГБ — партийно-государственная и военная номенклатура не пострадала. Демаоизация же скорее напоминает по своему размаху и глубине расправу сталинских партийцев-чиновников над ленинскими партийцами-революционерами. И последствия демаоизации будут для Китая не менее важными, чем была бы для СССР деленинизация (оба, кстати, и Ленин, и Мао находятся в мавзолеях и положены туда своими злейшими врагами).

Покончив с идеологическими и политическими трудностями, китайские прагматики во главе с Дэн Сяопином, Ху Яобаном и Чжао Цзыном перешли к разрешению сельскохозяйственной задачи. Новое китайское руководство, оставаясь тоталитарно-коммунистическим не в меньшей мере, чем совет-

ское, было вынуждено пойти на осуществление временных экономических преобразований.

„Сю ян шэн си”

В любой государственной системе противостоят тенденции консерватизма и развития. Первая всегда сильнее и обычно тормозит — часто на пользу общества в целом — проведение радикальных реформ, к которым стремится то одна, то другая политическая партия, профсоюзы, военные круги и т. д. И только в периоды острых кризисов, под давлением одновременно общества и государственной необходимости, власти проводят обширные реформы, главная цель которых — обеспечить гражданский мир, повысить конкурентную способность национальной экономики, добиться действенной обороноспособности страны. Трудность перехода в тоталитарных странах от стагнации к структурным реформам заключается в том, что власть не зависит прямо ни от волеизъявления гражданского общества, ни от независимых от государства экономических и финансовых сил; на ее деятельность не влияет организованная оппозиция, будь то культурная, социальная или политическая.

Поэтому лишь когда сама власть (состоящая ныне в тоталитарных странах, как правило, из крайне консервативного чиновничества) осознает, что только реформы могут спасти систему, — она может пойти на преобразования, противоречащие официальной идеологии. Подобное происходит чрезвычайно редко (например, объявление в Советской России нэпа). Потому что, образно говоря, обладатели тотальной, ничем не ограниченной власти должны в таком случае добровольно „наступить на горло собственной песне”.

Китайские прагматики осознали — и уже довольно давно — что только превращение страны в промышленную сверхдержаву со сверхдержавным военным потенциалом способно спасти коммунизм в Китае, дать ему возможность выстоять как перед СССР (в основном, в идеологическом и военном отношениях), так и перед технологически высокоразвитыми и продолжающими бурно развиваться капиталистическими странами.

В КНР в настоящее время 87% населения живет в деревне. Чтобы превратить страну, эту в сущности большую деревню, в промышленное государство, необходимо про-

вести интенсивную индустриализацию. А это означает не только превращение миллионов крестьян в рекордный срок в горожан, но и обеспечение этих миллионов едой, но и строительство городов, предприятий, подготовку технических и иных кадров. А между тем в КНР в настоящее время нужными техническими знаниями, в том числе военными, обладает только 4% работников.

Понимая колоссальность поставленной задачи и сложность сроков для их исполнения, китайские прагматики, обратив основное внимание на результаты нэпа, на реформы, проведенные в Югославии и Венгрии, рискнули пойти еще дальше.

Древние имперские династии Китая объявляли в период острых кризисов „сю ян шэн си“. Эти четыре иероглифа буквально значат: „Дать передышку для восстановления благосостояния“. В основном это выражалось во временном, довольно резком, понижении налогов. Основываясь на этом принципе, коммунистическое китайское руководство дало понять, что любая форма хозяйствования на земле может быть принятой, если она приводит в короткий срок к росту сельскохозяйственной продукции (кроме, разумеется, предела земельных угодий).

Началось широчайшее использование приусадебных участков. Что же касается кооперативов, заменивших по сути дела „народные коммуны“, то они должны сдавать государству часть своей продукции — причем не чрезмерную, вся же остальная продукция остается в распоряжении хозрасчетной бригады. Создаются небольшие производственные бригады, которым передается бросовая земля. В общем же вводится принцип производственной ответственности. Результат: урожай зерновых вырос по сравнению с 1976 г. на 30—40%!

Что же касается предприятий вообще, то проблема прибыльности и рентабельности становится центральной — в КНР ежегодно закрываются тысячи предприятий с устаревшим (на 30—40 лет) оборудованием. Средства, выделяемые на модернизацию, остаются в непосредственном ведении предприятий; из оборотных же средств половина сдается в банк, а вторая половина остается на улучшение производства; не используемое оборудование может быть продано. Главное — предприятия получают право на сохранение и увеличение части своих прибылей. Основная направленность — заинтере-

совать трудящегося в результатах своего труда. Помимо кооперативных предприятий, разрешены кустарные промыслы, торговля вразнос, частные мастерские, деятельность одиночек-мастеровых.

Некоторым производственным объединениям КНР разрешили непосредственно сотрудничать с иностранными фирмами, которым открыли доступ в некоторые портовые города страны. Именно об этой так называемой „политике открытых дверей“ на Западе трубят больше всего. На деле же „помощь“ Запада не может играть большой роли в процессе индустриализации КНР.

Западная техника недостижима для существующей в стране производственной культуры, кроме того, китайское руководство не может себе позволить впасть в прямую зависимость от каких бы то ни было высокоразвитых стран. В особенности это касается военной промышленности. Однако нельзя также недооценивать роли западной технологии в развитии вооруженных сил тоталитарных стран, в том числе КНР: известно, например, что технология ядерной бомбы пришла в КНР не из СССР (Хрущев отказал), а из Японии, тайно, через буддистские монастыри. Освободив посредством реформ огромный экономический потенциал, китайское руководство сможет, покончив с периодом „сю ян шэн си“, направить усилия всей страны на создание современной армии.

Армия

Если в настоящее время китайские Т-34, Т-54 и Т-59, МиГи-17, 19 и 21, 600 устаревших бомбардировщиков, 3—4 атомные подводные лодки и около 100 средних боевых надводных кораблей не представляют опасности для ВМ СССР, то очевидно, что через 10—15 лет армия КНР может стать грозной силой, целью которой будет установление китайской гегемонии в Азии, территориальная экспансия в основном для разрешения невиданного в истории демографического кризисного процесса и превращение тоталитарного Китая в мировую сверхдержаву.

Успехи, достигнутые в течение последних лет китайской военной промышленностью и армией, доказывают, что 40% ВВП, идущие на оборону, не пропадают даром. Львиная доля средств и усилий направляется на совершенствование ракетно-ядерных сил: соз-

даются новые типы твердотопливных и мобильных межконтинентальных баллистических и оперативно-тактических ракет. Для сухопутных войск разрабатываются новые виды танков, самоходных артиллерийских установок ПТУРС и ЗУР. Повышается моторизация частей, расширяются десантные войска, создается инфраструктура для постройки современного флота, способного выйти в океанские просторы. Не так давно прошли испытания истребителя Ф-12А с дельтовидным крылом и истребителя-бомбардировщика Ф-12Б с изменяемой геометрией крыла. Сама армия, посредством глубоких реформ и беспощадных чисток, из „народной“ превращается в государственную (упор ставится не на ее количество, а на качество).

Обстановка такова, что если в СССР не будут проведены необходимые экономические реформы и будет продолжаться стагнация советской промышленности, в том числе и военной, то к середине 90-х годов может оказаться, что „утописты“ ошиблись всего лишь на 10–15 лет — и что заготовлявшие сухари русские бабки были в принципе правы.

В. Рыбаков

Зарубежная хроника

● По сообщению главной газеты КПК „Женьминь жибао“, в КНР сегодня свыше 11 миллионов „настников“ — в 80 раз больше, чем в 1978 г., на начало экономической реформы. В большинстве это — ремесленники, кустари, торговцы, владельцы ремонтных мастерских, ресторанов, других услуг и предприятий. Деятельность эта, кстати, сокращает безработицу.

● Министерство сельского хозяйства США заявило, что КНР не выполнила обязательств по торговому соглашению закупать в течение 1981–1984 г.г. по 6 млн. тонн зерна ежегодно: в 1984 г. куплено только 3,8 млн. тонн. Полагают, что это — результат аграрной реформы в КНР, повысившей урожай в стране.

● Продолжались столкновения на китайско-вьетнамской границе. По вьетнамским сообщениям, только за ноябрь 1984 г. китайская артиллерия выпустила 52 000 снарядов по приграничной территории; в боях со вторгавшимися китайскими отрядами „убито больше ста солдат интервентов“.

● Израильская оборонная промышленность получила от КНР заказ на инспекцию, ремонт и переоснащение 9000 китайских танков. Пекинские власти прервали переговоры с Аргентиной о закупке там новых танков, строящихся по немецким моделям.

● 11 декабря Генеральная ассамблея ООН единогласно приняла конвенцию, запрещающую пытки. Декларация против пыток была утверждена еще в 1975 г., но теперь это носит характер международного закона и предусматривает контроль. Однако делегация СССР настояла на дополнительном пункте о том, что каждое государство в отдельных случаях может отказаться признать компетенцию контрольного органа.

● США вышли из состава ЮНЕСКО (организация при ООН по делам образования, науки и культуры) из-за финансовых неурядиц в организации и траты средств на политические акции, не имеющие отношения к ее задачам; американцы обеспечивали четверть бюджета ЮНЕСКО. Англия заявила о своем намерении выйти из ЮНЕСКО в конце 1985 г., если не последует решительных реформ организации.

● Польское правительство заявило о выходе ПНР из Международной организации труда (МОТ) при ООН в знак протеста против ее „вмешательства во внутренние дела Польши“: МОТ осудила подавление профсоюзных свобод в стране и поручила специальной комиссии провести соответствующее расследование. В прошлом такие расследования проводились в Португалии (1961), Либерии (1962), Греции (1968), Чили (1974) и Доминиканской республике (1981), и всегда правительства признавали компетенцию МОТ, принимали доклады ее комиссий.

● Состоялись парламентские выборы на Гренаде. Абсолютное большинство голосов и 14 из 15 мандатов получила „Новая национальная партия“, основанная Гербертом Блез. „Объединенная рабочая партия“ Эрика Гейри, бывшего главой правительства до марксистского переворота в марте 1979 г., получила один мандат. Левое „Патриотическое движение“ осталось за бортом. Это — первые свободные выборы за 10 лет провозглашения независимости Гренады; они стали возможны благодаря вмешательству США в события в 1983 г.

● В конце декабря 1984 г. Федеральная избирательная комиссия США опубликовала окончательные результаты по президентским выборам 6 ноября. Из общего числа 92,6 млн. голосов (на 6 млн. больше, чем в 1980 г.), 58,8% было подано за Рейгана, 40,6% — за Мондейла, а 0,6% — за кандидатов малых партий. Последняя цифра свидетельствует о значительном сокращении влияния малых партий по сравнению с выборами прошлых лет. Президентский кандидат Д. Бергланд от партии „свободомыслящих“ получил 0,2%. Его партия — „правее“ самых консервативных республиканцев: он хочет максимального сокращения роли государства, ограничивая ее обороной и дипломатией. Л. Ларуш получил 0,08% голосов. В прошлом троцкист, он выступает теперь в роли „правого“. Коммунизм он считает органическим порождением исторической России и русского национализма, а КГБ — „органом Право-

славной церкви". Мизерные результаты он получил несмотря на то, что баллотировался в 19 штатах. Далее следуют: феминистка Соня Джонсон, представительница лево-пашифистской Гражданской партии (0,08% голосов); Робер Ричардс, в прошлом олимпийский чемпион по штанге, от партии народников (0,07% голосов) и Денис Серетт от Союза независимых (0,05% голосов). На 6-м месте среди кандидатов малых партий стоит Гэс Холл, генсек Коммунистической партии США — 351 голос, или 0,04%. За ним следуют 4 представителя различных „социалистических рабочих" фракций, частично троцкистского и маоистского толка, получившие в общей сложности 53. 426 голосов.

- В шестой раз Комиссия ООН по правам человека в Женеве, 26 февраля, осудила советскую интервенцию в Афганистане и потребовала вывода советских войск из страны. За соответствующую резолюцию голосовали 31 страна, против 7 (среди них, помимо стран из советского блока, Сирия, Ливия, Мозамбик), воздержались 5 (Финляндия, Никарагуа, Кипр, Индия, Конго).

- Иордания заключила договор с СССР о поставке в течение первых месяцев 1985 года советской системы противовоздушной обороны, поскольку израильское „лобби" в Вашингтоне блокировало поставки США.

- Военные расходы Никарагуа составили 25% государственного бюджета в 1984 году. Дефицит внешней торговли — 500 миллионов долларов, общая задолженность страны — 4 миллиарда долларов, и сандинистское правительство заявило, что оно не сможет покрыть платежи 1985 года. Сокращение внешней торговли грозит новыми трудностями в снабжении населения, а цены за год возросли на 60%.

- Президент США Рейган, выступая на пресс-конференции (22.2.1985), заявил, что целью его политики в отношении Никарагуа является устранение господствующего там тоталитарного режима и возврат к первоначальным демократическим идеалам сандинистского движения.

- Норвежское правительство заявило в Москве протест против полета советской ракеты над северной территорией Норвегии. Ракета появилась со стороны Баренцева моря и упала в Финляндию. Власти СССР извинились за инцидент, вызванный „техническими неполадками".

- 17 декабря 1984 г. в Бельгии террористы совершили несколько акций против военных объектов НАТО: произведены взрывы у насосных станций назовских топливопроводов. Бомбы были заложены террористической организацией, называющей себя „Ячейки коммунистических бойцов". Эта организация с октября 1984 г. провела уже 6 террористических актов; последним был налет на радиомаяк одного из аэродромов НАТО.

- В Ливии, в официозной печати, появились статьи, призывающие к прямой материально-технической поддержке террористических организаций в Великобритании, ФРГ и США, поскольку эти страны предоставляют убежище противникам „вождя ливийского народа" Каддафи. В этих странах аэродромы, порты, вокзалы, отели и торговые центры должны быть превращены в „поля сражений".

- Под давлением ФРГ и международного общественного мнения ГДР демонтировала последние самострельные установки у проволочной сетки вдоль границы с ФРГ (на 1300 км границы их было 55 000). Зато сеточный забор повышен с 2 до 3 метров, приграничная полоса в полкилометра усиленно минирована, оборудована оптической и акустической сигнализацией, отгорожена вторым проволочным забором с вышками.

- По данным научно-исследовательского института при шведском министерстве обороны, в 1984 году проведено 53 испытания ядерного оружия: СССР провел 27 взрывов, США — 16, Франция — 7, Китай — 2, Англия — 1.

- В Анголе, в крупном городе Хуамбо, состоялась в декабре массовая демонстрация против марксистского режима и присутствия кубинских войск в стране. Власти двинули на демонстрантов правительственные и кубинские воинские части, открывшие стрельбу. Подоспевшие отряды национально-освободительного движения УНИТА вступили в бой, уничтожили 10 броневиков, 3 вертолета; убито 112 правительственных и 12 кубинских солдат.

- В Индии раскрыто несколько линий иностранного шпионажа. Наряду с отзыванием французского военного атташе, индийское правительство распорядилось о высылке дипломатических служащих при посольствах СССР, Польши, ГДР. По сообщениям индийской прессы, шпательная иностранной агентуры глубоко проникла в государственный аппарат, — вплоть до кабинета премьер-министра, — при Индире Ганди.

- После семи лет юридического расследования лишен американского гражданства и выслан из США украинец Федор Федоренко, в годы войны бывший надзирателем в немецком концлагере Трелинка (Польша). С согласия самого Федоренко, он отправлен в СССР.

- Организация Объединенных Наций объявила 1985 год „Годом молодежи". В связи с этим, папа Иоанн-Павел свое новогоднее послание о мире обратился к молодежи, предупреждая подрастающее поколение об опасностях увлечения ложными идеологиями, которые ведут к установлению тоталитарных систем — политических, экономических, социальных. Некоторые из этих идеологий стали даже разновидностями ложных, светских религий.

Пустыня и коммунизм

Неспособность людей создать пояс лесонасаждений, идущий от Сенегала до Эфиопии, содействовала наступлению пустыни, включая Сахару и Сахель — переходную полосу (шириной до 400 км) от Сахары к саваннам Западной Африки. В Судане между 1958 и 1975 гг. Сахара по всему своему фронту продвинулась на 100 км, захватив огромные территории. Сахельская часть Чада утратила за этот период треть всей растительности, центральная Мали — четверть обрабатываемой земли.

В течение последних 10 лет положение значительно ухудшилось: в африканских странах произошел демографический взрыв и связанное с ним усиленное уничтожение лесов (дерево там — единственное топливо) и лугов.

Все страны в регионе Сахары и Сахеля страдают от голода и жажды — вне зависимости от политико-экономического строя. Но не в одинаковой степени. В Сенегале, например, уже давно началось строительство ряда плотин, которые позволяют регулярно орошать 240 000 га земли. А в Мали дефицит зерна достигнет в нынешнем году 300 000 т. Следовательно, 5% из его 7-миллионного населения будут голодать, если страна не получит, как в прошлом году, помощи — как минимум 150 000 т зерна.

Однако голод больше всего охватил страны, попавшие под власть коммунистических режимов. Самый яркий пример этому — Эфиопия. Император Эфиопии Хайле Селасие потерял сначала власть, а затем и жизнь, как раз из-за голода 1973—74 годов: в Эфиопии тогда погибло до 200 000 человек — и почти весь мир приветствовал „эфиопскую революцию“. На тот факт, что пришедшие к власти военные были просоветскими военными, не обратили нужного внимания. Не обратило на это внимания и население, считавшее (как, увы, и до этого и после этого многие), что „хуже быть не может“, и надевшееся на проведение новой властью аграрной реформы (модернизацию арендных отношений). Но вместо этого началось создание марксистско-ленинской партии.

Сразу после прихода к власти марксистов и во время переходного периода от „феодализма“ к „социализму“ эфиопские крестьяне были предоставлены самим себе. Получив и поделив между собой земли крупных

землевладельцев (знати) — каждая семья получила не более 2 га, — крестьяне бросили все свои силы на быстрое повышение своего уровня жизни. Эфиопская „феодалная“ система хозяйствования заслуживает самой резкой критики, однако она за столетия все же создала функционирующие механизмы, регулирующие рынок, распределительную сеть. Крупные землевладельцы умели управлять своими хозяйствами традиционными методами, создавать запасы зерна, оставлять нужное количество посевных семян. Вся эта система была уничтожена, а последующая за анархией переходного периода насильственная коллективизация дала обычный результат: почти бесплатный труд на государственной земле. Далее, коммунистический режим полковника Менгисту стал под руководством СССР отдавать львиную долю своего ВВП (валового национального продукта) на укрепление органов террора, на усиление армии, ведшей войну с Сомали, с Эритреей и Огаденом (война стоит Эфиопии полмиллиона долларов в день), на обогащение новой номенклатуры. Например, в прошлом году, для того, чтобы отметить десятую годовщину „революции“ в Эфиопии, режим тратил в течение многих месяцев большую часть имеющихся у государства финансовых средств на будущие торжества. В то время уже сотни тысяч людей умерли от голода, а другим сотням тысяч угрожала смерть. Согласно свидетельствам очевидцев, порт Ассаб был завален мешками, но не с продовольствием для голодающих, а с цементом и ящиками со спиртным.

Результат 10-летней власти эфиопских коммунистов — в 1984 г. — урожай зерновых в стране был на 30% ниже урожая 70-х годов, когда при Хайле Селасие погибло 200 000 человек. Согласно официальным сообщениям, сегодня в Эфиопии голодная смерть грозит 7 млн. человек. Вероятно, уже более двух миллионов человек погибло и столько же (если не больше) погибнет до следующего урожая. Наиболее катастрофично положение населения в Эритрее и Огадене, куда эфиопские власти — стремясь голодом уничтожить повстанцев — вообще не пропускают международную продовольственную помощь. В порядке борьбы с голодом эфиопские власти решили прибегнуть к „радикальному“ средству — переместить с наиболее голодного севера на юг и запад

страны несколько миллионов человек. Совершенно очевидно, что во время насильственного переселения умрут сотни тысяч эфиопских колхозников, женщин и детей. А другие сотни тысяч погибнут на месте, где нет ни запасов продовольствия, ни экономической инфраструктуры.

СССР за последние 10 лет передал практически безвозмездно эфиопскому правительству вооружение на много миллиардов долларов, с помощью которого и ведется война в Эритрее и Огадене. Менгисту не раз благодарил СССР за помощь, в том числе продовольственную. Действительно, СССР передал Эфиопии 10 000 т зерна. Страны Европейского рынка — 100 000 т, а США — 130 000 т; в ответ Менгисту обвинил США „в недопустимом вмешательстве во внутренние дела суверенных государств”.

Становится очевидным, что никакая пустыня, никакая засуха не могут сравниться по своей смертоносности со строительством коммунистического „светлого будущего”. Умирающие от голода эфиопские крестьяне вспоминают сегодня правление императора Хайле Селасие, как старики — свою молодость.

В конце января 1985 г. в эфиопском порту Ассаб 2 советских судна выгружали 45 танков, большое количество оружий, авиационных бомб, снарядов, легкого вооружения и боеприпасов для Менгисту. Происходило это у причалов, которые согласно договору с ООН эфиопские власти должны были постоянно держать наготове для незамедлительной выгрузки товаров, предназначенных для голодающего населения. Датское судно, доставившее 16 000 т австралийской пшеницы, и канадское судно, имевшее на борту 24 000 т зерна, в течение ряда дней были вынуждены ждать на рейде и смогли начать разгрузку лишь после того, как в Аддис-Абебу поступил письменный протест из ООН и одно из советских судов получило распоряжение отбавить причал.

Незадолго до этого в том же порту эфиопскими властями было задержано и ограблено западногерманское судно „Папуа”. Судно это доставило в Ассаб 500 палаток для бежавших от голода и намеревалось идти дальше в Порт-Судан, чтобы выгрузить там 60 т пищевых продуктов и медикаментов, — тоже для голодающих эфиопов: в Судане находится несколько сот тысяч беженцев, и ежедневно, в надежде получить помощь, туда переходит из Эфиопии до 3000 человек.

Не на что усилить вооружения?

В Нью-Йорке с 2 по 4 ноября 1984 г. проходил ежегодный съезд американской Ассоциации поощрения славяноведения — основной организации в США по изучению СССР. На заседаниях, посвященных вопросам советских вооружений и военной промышленности, обсуждалось, в частности, последнее исследование ЦРУ о советских военных расходах. К выводам этого исследования — говорящих о том, что рост советского военного производства, начиная с 1976 г., значительно замедлился — некоторые докладчики отнеслись весьма скептически: по их оценке СССР производит вооружений вдвое больше, чем США, а военная промышленность СССР продолжает расти быстрыми темпами. Отмечалось, что тяжелым бременем на советскую экономику ложится также поддержка стран СЭВ, стоящая СССР от 40 до 70 млрд. долларов в год.

Выступавшие в защиту выводов исследования ЦРУ указывали 3 причины замедления темпа роста вооружения: кризисное состояние советской экономики; трудность освоения производства новых сложных видов вооружений; политические разногласия в советском руководстве по вопросам военной доктрины и соотношения между военной и гражданской промышленностью. Изменение американской военной доктрины требует новых напряжений от советской экономики. А это без ее коренной перестройки — невозможно. И советское руководство не без основания так опасается американского проекта космической обороны.

Вопросу реформ советской экономики было посвящено другое заседание этого съезда. Участники сошлись на том, что коренные реформы (конкретно: переход к рыночному хозяйству) насущно необходимы советской экономике. Однако они сошлись и на том, что столь радикальные реформы в СССР мало вероятны. Во время этих обсуждений был поставлен весьма интересный вопрос: как к застою в экономике относятся советские военные? Как они, в частности, относятся к тому, что при острой нехватке капиталов для промышленности огромные средства вкладываются в проект переброски северных рек на юг — без всякой экономической необходимости, а лишь ради сохранения колхозно-совхозной системы. Которой, добавим, эта переброска поможет, как мертвому припарки...

«Бубновый туз» дезинформации

„Лепить бубновый туз” без разбора на всех критиков, не говоря уж о противниках, — так поучал Ленин Н. В. Вольского-Валентинова еще в 1904 г. в Женеве*.

Встречаясь с Николаем Владиславовичем Вольским-Валентиновым через несколько лет после выхода его замечательной книги о Ленине, я спросил его однажды, где истоки, в чем причины этой ленинской нетерпимости, переходящей в настоящий „раж”**. Напомнив ленинскую формулу о власти как о насилии, не ограниченном никакими законами, Н. В. Валентинов подчеркнул, что особое значение Ленин придавал последней части этой формулы, откуда и проистекает поток лжи, яростной клеветы и дезинформации, достигших государственного масштаба после того, как партия Ленина оказалась у власти.

Этот разговор в более чем скромной квартире Вольского-Валентинова в одном из южных предместий Парижа невольно вспомнился, когда 5 декабря 1984 г. председатель Исполнительного бюро „Интернационала сопротивления” В. Е. Максимов, объявив в зале одного из больших отелей Парижа о начале работы коллоквиума „Роль дезинформации в современном мире”, передал слово почетному председателю Роже Вибо — известному руководителю французской контрразведки при генерале де Голле во время войны и создателю службы безопасности на территории Франции после бурных лет оккупации и сопротивления. В. Е. Максимов подчеркнул, что организаторы коллоквиума пригласили в первую очередь журналистов, писателей и историков, уже известных своими работами в области разоблачения дезинформации.

Роже Вибо в своем вступительном слове прежде всего определил разницу между дезинформацией с задачей ввести в заблуждение противника во время войны и дезинформацией, преследующей цели политического вмешательства в общественную структуру тех стран, скрытое наступление на которые ведет коммунизм — с целью их ослабления и разложения. Чем, как сказал Роже Вибо, и занимается руководство КПСС, начиная с Ленина.

* Н. Валентинов, „Встречи с Лениным”, изд. имени Чехова, 1953, стр. 253, 260.

** Там же, стр. 210—211.

Первым, по приглашению Роже Вибо, выступил автор двух нашумевших книг о КГБ и редактор журнала „Ридерс Дайджест” Джон Баррон. Он особо подчеркнул то значение, какое придает руководство КПСС разрушительному потоку клеветы и фальшивой информации, затрачивая огромные средства на ее подготовку и распространение. В этот поток дезинформации включаются иногда, отметил Джон Баррон, данные, похожие на правду — однако лишь для того, чтобы придать дезинформации большую правдоподобность.

Выступавший вслед за Барроном французский писатель русского происхождения Владимир Волков остановился на примерах дезинформации, так или иначе показывающих ту непрекращающуюся пропагандную войну, которую советское правительство ведет на Западе. Стоит отметить, что в тот самый день, когда В. Волков выступал на трибуне коллоквиума, — 5 декабря 1984 г. — „Литературная газета” опубликовала статью о В. Волкове, обливая его клеветой и называя в частности „фашистом”. Не зная, конечно, еще об этой статье, В. Волков, перечисляя примеры ярлыков, которые наклеивает советская дезинформация на своих противников на Западе, как раз упомянул слово „фашист”...

Тем не менее, не лишено интереса, что „Литературная газета” была вынуждена впервые назвать романы Волкова („Перевербовка” и „Монтаж”) и показать этим, что кто-то в соответствующем отделе ЦК поднял дирижерскую палочку, по мановению которой сразу заиграл весь оркестр дезинформации по поводу этих романов. Как уже отмечалось в свое время в „Посеве” (№ 4, 1980 г.), роман „Перевербовка” ставит вопрос о возможности духовного перерождения советского человека под влиянием православной Церкви, а в романе „Монтаж” (рецензия напечатана в „Посеве” № 4, 1983 г.) рисуется обширная панорама влияния советской дезинформации как в левых, так и в правых интеллектуальных кругах через советского агента, специально подготовленного и „вмонтированного” в западное общество.

Говоря о писателях, выступавших на коллоквиуме, нельзя пройти мимо Арно де Боршграва — автора нашумевшей в 1980 г. книги „Айсберг” (рецензировалась в „Посе-

ве" № 1, 1981 г.). Боршграв остановился на проблеме самодезинформации, особенно острой в Америке сразу после войны во Вьетнаме, — тогда герой его романа, вскрывающий „Террористический Интернационал“, руководимый из Москвы, наталкивается у себя дома в Америке на непрерывные обвинения в смертных грехах. Таких, например, как „недостаточная прогрессивность“, „старомодный американский патриотизм“ и так далее...

Видный американский профессор Рой Годсон подробно остановился на использовании советским руководством профсоюзного движения в целях дезинформации.

В так называемых „активных мероприятиях“, как теперь именуются операции по дезинформации, проводимые по указанию ЦК КПСС, участвуют, как считает профессор Годсон, не менее 10-15 тысяч специально подготовленных работников. Для иллюстрации этой деятельности, профессор Годсон напомнил, что ежегодно около 10 тысяч делегаций, прямо или косвенно связанных с работой по дезинформации, направляются легально из СССР за границу. И это, конечно, лишь незначительная часть деятельности, скрытой под названием — „активные мероприятия“.

В заключение своего весьма обстоятельного выступления профессор Годсон внес ноту оптимизма, указав, что, несмотря на огромные затраты и мобилизацию людей на дело дезинформации советским руководством, в США со времени избрания президента Рейгана наблюдается упадок советского влияния. Ослабление советского влияния в какой-то степени можно наблюдать также во Франции и в Италии.

Не имея возможности коснуться всех выступлений на коллоквиуме, отметим лишь, что, открывая дебаты второго дня, председательствующий — бывший министр иностранных дел Великобритании Лорд Чальфонд, предоставил слово своему соотечественнику, видному историку, автору страшной книги „Большой террор“ Роберту Конквесту. Говоря о дезинформации не только как о тактическом приеме, Р. Конквест подчеркнул, что она является одной из основ не только политики, но и самой сущности коммунистической партии.

Р. Конквест еще раз напомнил, что коммунистическая власть, по собственному признанию Ленина, держится прежде всего на наси-

лии, и в связи с этим привел слова А. И. Солженицына из его Нобелевской лекции:

„...не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом...“ (А. Солженицын, собранные сочинения, т. 9, стр. 22, 1981, ИМКА-Пресс).

Отсюда и происходит, подчеркнул Конквест, неразрывная связь между коммунистическим режимом и дезинформацией. Ленинизм, продолжал Конквест, не признает никаких нравственных критериев. Общим для большевизма и для гитлеровского национал-социализма является моральный нигилизм. Ложь была неизменным спутником этого режима во всем, в том числе сопровождала она и всю историю самой коммунистической партии. Восстановление исторической правды в СССР, считает Конквест, остается и поныне невозможным, ибо дезинформация сталинского периода в значительной степени осталась неразоблаченной. Нынешние руководители КПСС, закончил Конквест, остаются соучастниками этого тотального сталинского подавления правды.

Участники коллоквиума показали, что дезинформация в современном мире — нечто несравненно большее, чем распространение ложных сведений для введения в заблуждение противника, как это практиковалось в обычном военном деле.

Подобно тому, как при коммунизме обычные тюрьмы для уголовников заменил ГУЛаг, так и дезинформация переросла обычные военные мероприятия и охватила буквально все области жизни, внешнюю и внутреннюю политику КПСС, а также ее собственную историю.

Правда же остается главным оружием в борьбе с дезинформацией. Но даже правда, — как отметили многие участники коллоквиума, — станет действенной лишь тогда, когда на Западе откажутся от самодезинформации, столь характерной для многих ревностных защитников одностороннего детанта.

Н. Рутыч

Все немецкие и большинство других крупных книжных магазинов принимают заказы на наши книги

Кто может снять угрозу войны?

В. ПОРЕМСКИЙ

В СССР или на Западе?

Угрозу войны нельзя снять единичным и односторонним актом. Ее можно устранить лишь путем длительных усилий. Какая из сторон разделенного на две части мира должна начать этот процесс? Логика заставляет отвечать: та, которая изначально поставила себе целью уничтожение „капиталистического” мира и с тех пор упорно, не стесняясь средствами и методами, идет к достижению этой цели. А не та, которая — вопреки утверждениям советской пропаганды — никогда не ставила себе целью завоевание мира, а стояла либо на изоляционистских, либо на оборонительных позициях.

Советская сторона — сторона нападающая. Советские стратеги рассматривают оборону лишь как временный перерыв в наступлении, в то время как для американцев наступление есть *вынужденная* форма обороны. Поэтому естественно, что снять угрозу войны должен не тот, кто вынужден защищаться, а тот, кто защищаться вынуждает.

Такова логика. А какова практика?

Тоталитарная советская система во многом полярно отличается от демократической. В ней запрограммирован не механизм и не процесс принятия решений, как в демократической, а уже готовые, целеполаганием и идеологией обоснованные решения. Поэтому можно сказать, что власть в демократиях — раб демократических механизмов, а в СССР — раб идеологии и целеполагания.

Что можно из этого вывести?

Оборона Запада грозила со временем превратиться в постоянное отступление, в скольжение по наклонной плоскости, в перспективе — под давлением сжимающегося кольца советской экспансии — в скольжение, ведущее к капитуляции, к расправе над привилегированной элитой, к ГУЛагу для миллионов, к нищете и бесправию для всех. То есть — к самоубийству нации. К этому толкают Запад не только экспансия и угроза с советской стороны, но и собственные коммунисты, радикалы всех мастей и неистовые и безответственные пацифисты. Эти опасности с течением времени опреде-

ляют мнение большинства, а следовательно и позиции правительств.

История однако показала, что в критических ситуациях демократия находила в себе решимость мужественно противостоять разрушительным силам и внешним врагам и идти на лишения и жертвы во имя исполнения *патриотического* долга. Именно под давлением общественного мнения Соединенным Штатам пришлось начать подготовку к наступлению. К сожалению — преимущественно в военном плане, что не гарантирует мира, а скорее усиливает угрозу столкновения.

Однако в демократиях процессы носят затяжной характер, демократии в принятии решений консервативны по своей природе, неповоротливы и, если стали на определенный путь, им трудно с него свернуть. Поэтому, принимая во внимание, что для устранения угрозы войны нужны *спешные* и радикальные меры, трудно себе представить, как их можно осуществить, — именно в силу этих черт демократических систем.

Иное дело СССР. Если на Западе массы через процедуру выборов оказывают прямое влияние на принятие решений, то в СССР массы полностью лишены этой возможности — они лишь объект пропагандного и репрессивного давления аппарата власти. По этой причине трудно ожидать, чтобы устраняющие угрозу войны решения власти в СССР были приняты под давлением настроений масс, что же касается зарождающихся в их недрах „пятых колонн”, то они быстро и энергично уничтожаются в самом зародыше.

Но, с другой стороны, эта малая зависимость от масс, включая сюда и партийные массы, позволяет коммунистическому возглавлению принимать *быстрые* и подчас радикальные решения. Вспомним пакт Риббентропа-Молотова в *канун* прошлой войны. В демократических же системах такие крутые повороты немыслимы.

Вот это обстоятельство и заставляет, в поисках выхода из тупика, обращать сугубое внимание на возможности, скрытые в советском обществе и советской системе. Отрицание этих возможностей в категорической и окончательной форме обрекает

нас на безнадежность и отчаяние. С этим пытливая человеческая мысль смириться не может.

Миф о „монолите” системы — вреден

Конечно, в нынешней ситуации рассчитывать на крутой поворот в СССР, при запущенной, по воле нынешнего руководства, на полный ход военно-промышленной машине, — не приходится, а против его воли едва ли можно что-либо сделать. Поворот, следовательно, может быть совершен лишь после смены ядра руководства или такого изменения его состава, после которого уже нынешнее руководство будет способно (или вынуждено) использовать для снятия угрозы войны свое центральное положение в системе. Имеются ли механизмы для такой смены и были ли тому прецеденты?

Мы знаем, что в СССР уже несколько раз приходили к власти группировки или „фракции”, зарождавшиеся и набиравшие силу в непосредственном окружении верховных носителей власти. Правда, в СССР это случилось в канун или сразу же после смерти очередного генсека. Но в одном случае — при смене Хрущева — это произошло, когда во главе партии и страны стоял человек, обладавший полнотой власти и полный энергии.

Значит, в советской системе существуют механизмы, позволяющие производить смену руководства, когда это соответствует интересам влиятельного большинства высшей номенклатуры. Следовательно, в этом звене советской структуры нет полной неизбежности одного и того же курса.

Так, в Чехословакии и Польше, в странах с политической структурой советского образца, имели место события, приведшие режимы на грань радикальной трансформации. Серьезные реформы несомненно были бы проведены при участии высшей номенклатуры, хотя она в результате этих реформ и приобрела бы несколько иной облик, децентрализовав и ограничив свою власть. В одном случае этот процесс был прерван советской вооруженной интервенцией, а в другом — угрозой этой интервенции.

Исходя из этих примеров, можно с достаточным основанием утверждать, что слова о монолитности и непоколебимости советской системы в звене ее высшей номенклатуры — миф, причем миф вредный, поскольку он мешает размышлениям о том, как использо-

вать щели и трещины в этом „монолите” для дела мира и в интересах страны и народа. Но, с другой стороны, также несомненно, что в системе имеется жесткое верховное ядро, всячески поддерживающее этот миф и стремящееся сделать его реальностью.

В изоляции этого ядра и в содействии становлению в его окружении сил, видящих пагубность определяемой этим ядром политики, кроется, может быть, единственный ая возможность остановить скольжение мира к катастрофе в крайне с ж а т ы е, остающиеся в нашем распоряжении, сроки.

Поэтому следует, как минимум, избегать всего того, что сближает жесткое ядро с его номенклатурным окружением.

Рассмотрим ряд рекомендаций и моделей для борьбы с советской диктатурой и посмотрим, в какой мере они содействуют становлению оппозиционных сил, способных в с ж а т ы е сроки изменить агрессивную политику нынешнего руководства.

Венгерская модель восстания широких масс населения

Исключать возможность локальных восстаний в СССР не приходится — они уже имели место в СССР, но — от Кронштадта в 1921 г. до Новочеркасска в 1962-м — жестоко подавлялись. Подавлено было и самое большое, но все же локальное, восстание в 1956 г. в Венгрии. Рассчитывать же на одновременное восстание во всем Советском Союзе и советском блоке едва ли приходится. Восстания обычно возникают спорадически в результате каких-то местных событий. Даже если к такому восстанию присоединяются местные армейские части, для его подавления будут посланы части из других районов; если же и они присоединятся к восставшим, в ход будут пущены спецчасти КГБ, а это может привести к гражданской войне. В этих условиях власть способна прибегнуть к ядерному оружию — не только против восставших, но и против их западных союзников, если те будут подстрекателями и пособниками восставших.

Это опасение разделяется некоторыми деятелями на Западе. Но что более существенно — оно несомненно тревожит и российских патриотов в той части номенклатуры, на которую обращено внимание в этой статье. Обрисованная выше перспектива может только сближить их с жестким ядром

власти и усилить его нынешний агрессивный курс, что не соответствует интересам ни наших народов, ни Запада. Поэтому можно даже утверждать, что венгерские события не ускорили, а замедлили освободительный процесс, хотя и заставили искать другие пути и модели.

Угроза возмездия

Прообразом такой угрозы может служить „Нюрнбергский процесс” над военными преступниками и план расчленения Германии. Эта угроза, впоследствии частично осуществленная, с одной стороны, усилила сопротивление Германии и тем самым обошлась союзникам в сотни тысяч жертв, а с другой стороны, лишила перспектив противников Гитлера в Германии, в частности, группу Штауффенберга. Если бы внутренние враги Гитлера получили сигнал союзников, что те готовы их поддержать на п р и е м л е м ы х для них условиях, то судьба Европы могла бы быть иной. А так у участников антигитлеровского заговора была лишь одна перспектива: сесть на скамью подсудимых рядом с подлинными военными преступниками. И избежали они этой участи только потому, что их до этого расстреляли, повесили или отрубили им головы в гитлеровской тюрьме в Плётцензее!

Еще хуже, если угроза возмездием исходит от соотечественников, которые, мол, имеют больше прав карать за преступления против страны и народа, чем иностранцы. Карающий меч правосудия только тогда имеет моральное оправдание, когда он находится в руках законных инстанций, созданных народом на основании утвержденной им в с в о б о д н ы х условиях конституции. Карающий меч в руках разъяренной толпы, жаждущей крови и мести, — не правосудие, а глумление и над моралью, и над правосудием.

Может быть, с этим можно было и смириться, если бы это вело к благой цели. Однако от цели это лишь отдаляет и создает дополнительные преграды на пути к ее достижению.

Кара ведь должна постигнуть кого-то определенного. Но у нас ведь в преступлениях участвовали не только верхи, а формально все члены партии, — а их миллионы — да и немалое количество беспартийных. Где здесь провести грань? Боязнь расправы сближает с властью не только ту часть номен-

клатуры, которая имеется в виду в этой статье, но и немалую часть населения.

Поэтому тот, кто размахивает „мечом правосудия”, подталкивает в объятия власти даже ее противников и помогает партийному руководству в проведении его нынешнего курса.

Ставка на этнические и религиозно окрашенные шовинизмы

В мире шовинизмы сейчас бурно развиваются и набирают мощную разрушительную силу. Поддержка таких движений, называемых Советским Союзом „национально-освободительными”, успешно используется им в своих целях. Отсюда соблазн — использовать сходные явления внутри СССР для изменения курса нынешнего советского руководства и для разрушения советской системы.

Советский Союз, а тем более советский блок, — многонациональны. Что могут или должны делать этнические группы для достижения поставленной в статье задачи — снятия угрозы войны? Если их цель — приобретение или восстановление независимости, то каким путем хотят они ее достигнуть?

Если путем „венгерского” варианта, то против него можно выдвинуть следующие соображения. Советское руководство, если не поощряет, то само разыгрывает в с в о ю пользу существующие в СССР и в советском блоке национальные антагонизмы, представляя себя в качестве единственного гаранта предотвращения междоусобной брани. Кроме того, приобретение независимости, скажем, Грузией, не обязательно принесет пользу грузинскому народу: к власти могут прийти грузинские диктаторы в национальном облики и установить соответствующие порядки. Так, в Иране успешное завершение борьбы против диктатуры принесло народу диктатуру гораздо более жесткую, чем прежняя. Много таких примеров есть и в Африке.

Если имеется в виду „чехословацкий” вариант: мобилизация народных сил для проведения реформ сверху, то в таком случае приходится считаться с составом номенклатуры, в которую входят люди разных национальностей — от Черненко до Шеварднадзе и Ярузельского. Если там имеются люди, способные добиться нужных реформ для устранения угрозы войны, то они

должны всячески избегать расхождений в своей среде и сконцентрировать свое внимание и усилия на то, как снять угрозу, нависшую над всеми народами СССР и советского блока.

Наконец, если имеется в виду „польский” вариант, то для перенесения его на советскую почву надо принять во внимание отличительные черты этого варианта. В Советском Союзе есть часть населения, в значительной мере обладающая необходимыми для этого варианта чертами. Это славянский массив, т. е. русские, украинцы и белорусы. Вот перечень этих черт:

- этническая компактность и сравнительная однородность;

- центральное положение в стране (в свое время стратегически использованное большевиками);

- большая численность — три четверти населения СССР (две трети к 2025 г.), т. е., согласно демократическим понятиям, квалифицированное большинство;

- столетия совместного жительства в едином государстве;

- сходство языков, общность культурного го наследия;

- единая религия;

- это наиболее пострадавшая часть населения как во время революции, так и во время Второй мировой войны;

- у этой части населения наибольшая ответственность за советское прошлое страны и, следовательно, за ее будущее.

Указанные элементы оправдывают сравнение с Польшей, где произошли события, столь значительные для государства советского образца.

Из приведенных выше соображений можно вывести одно общее положение. В тех случаях, когда часть номенклатуры принимала участие в деятельности, ущемляющей prerogative жесткого ядра, осуждала его политику и ориентировалась на нужды населения и интересы страны, она добивалась известных успехов: в Венгрии — перейдя на сторону восставших, в Чехословакии — энергично став на путь реформ, а в Польше — допустив развитие „Солидарности”. Такую деятельность номенклатуры можно назвать деятельностью патристической.

**РАЗМНОЖАЙТЕ
ДОСТУПНЫМИ ВАМ СПОСОБАМИ
СТАТЬИ ИЗ „ПОСЕВА”
И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ИХ**

Патриотизм и ценности, которые он призван защищать

В настоящее время патриотизм и ценности, которыми он питается и на которые ориентируется, эксплуатируются в СССР властью в ее целях.

Но эти чувства, эти ценности не только не являются органической частью коммунистической доктрины — они ей чужды и даже враждебны. Власть берет их напрокат в моменты опасности и тогда, когда ее собственные ценности теряют притягательность и мобилизующую силу. Однако сам факт, что власть прибегает к использованию чуждых ей сил, свидетельствует о том, что эти силы обладают мощным потенциалом и способны двинуть на подвиг и жертвы широкие народные массы.

Власть лишь паразитирует на том, что не ею создано и не ей свойственно, но что соответствует неистребимым и не истребленным свойствам человеческой природы; что этой природе придано или выковано языком, религией, культурой, историей и традициями народов, находящихся под властью и н о п р и р о д н ы х правителей.

Лицемерием, которым порок платит добродетели, власть, однако, открывает сосуд, куда загнан „джин” патриотизма, несмотря на то, что этот „джин” ей смертельно опасен. Попытки держать его на привязи и заставлять лить воду на свою мельницу могут окончиться печально, если патриотизм и связанные с ним изначальные и традиционные ценности будут взяты на вооружение для спасительной трансформации режима.

Из этого ясно, что не следует рассматривать патристического джина как зло и охаивать присущие ему ценности, а наоборот, нужно стараться всячески содействовать становлению, восстановлению и высвобождению из оков власти того, что ей исконно враждебно.

Речь идет, конечно, о языке, религии, культуре, истории и традициях всех народов СССР во всем многообразии их ценностей, в той мере, в которой они освободили человека от всего низменного и животного (что, увы, тоже присутствует в человеческой природе) и не привели к высокомерию и враждебной обособленности от других народов.

Русский народ занимает в этом созвездии особое место только в силу роли, которую он играл в России в прошлом и сей-

час как народ самый многочисленный и, что стратегически очень важно, находящийся в центре страны. По этим причинам на нем лежит пропорционально большая ответственность за настоящее и будущее России и всех тех народов, которые либо захотят в свободных условиях войти в ее состав, либо составят дружеское, добрососедское окружение.

Срочность задачи

К какому общему знаменателю могут быть приведены описанные в этом обзоре модели и позиции в борьбе против советского режима, который мы рассматриваем в данной статье главным образом как источник военной угрозы?

В самой общей форме этот общий знаменатель может быть сформулирован следующим образом: мобилизация и кристаллизация сил, способных эффективно противостоять агрессивным намерениям советского руководства, использование для этой цели средств и методов, показавших свою сравнительную успешность, и воздержание от использования средств и методов, которые оказались неэффективными или способными привести к нежелательным результатам. Самое же главное — нахождение новых, неисхоженных путей.

К сожалению, простая экстраполяция того, что до сих пор продумано или сделано в этой сфере, далеко недостаточна, так как исследовались и имелись в виду долгосрочные процессы (в Польше, например, от восстания в Познани 1956 г. до рождения „Солидарности” в 1980 г.)

Поэтому, и только поэтому, в данной статье из спектра предположительно возможного обращается внимание на то, что отвечает срочности задачи, и только на тех людей в советском аппарате, которые близки к рычагам центрального управления.

Парадоксально это можно сформулировать так: надо использовать сугубо централизованный характер советской системы, пока она еще существует!

Это положение, несомненно, встретит резкие возражения.

Считается, что номенклатура и даже ее высший слой — полностью лишенный инициативы инструмент в руках политбюро. Это далеко не так. Через аппарат и референтуру доходит информация до высшего руко-

водства и через них конкретизируются и оформляются директивы, спускаемые вниз. Это — не механический процесс, а работа, требующая известной инициативы. Она позволяет вносить коррективы как в поступающую информацию, так и в директивы. Поэтому, по образному сравнению М. В. Гардера: „Голова сидит на шее и может ею поворачивать, но и шея может повернуть голову”.

Некоторые полагают, что все принадлежащие к слою номенклатуры люди — закоренелые преступники, которые могут быть лишь предметом ненависти и заслуживают самой жесткой кары, никому из них нельзя дать выйти сухими из воды. Но стоит ли огульно и заранее грозить виселицей людям, у которых есть шанс снять угрозу войны и тем предотвратить гибель миллионов людей?

Другие считают, что полностью исключена возможность реализации планов, идущих вразрез с политикой группы, стоящей у руля управления. Но мы уже отметили, что даже в этом верховном звене нет абсолютных гарантий его устойчивости.

Главное же выдвигаемое возражение в том, что на этом уровне номенклатуры полностью отсутствуют человеческие качества и мотивы, необходимые для достижения поставленной цели способами, связанными с риском. Продвижение по ступеням советской иерархии неизбежно, мол, ведет к тотальному подавлению этих качеств и мотивов.

История последних десятилетий показывает однако явные исключения из этого правила. Из среды привилегированного слоя вышел Сахаров, ряд видных деятелей „третьей” эмиграции, а также такие люди, как полковник Пеньковский (и стоявший за ним крупный военачальник), как заместитель Генерального секретаря ООН — Шевченко. Кроме того, человек не есть нечто статическое и неизменное, он способен меняться, порой радикально. Христианство знает о превращении Савла в Павла, а русский фольклор — Кудря в Питирима.

Но и без этих примеров недоказуемо положение, согласно которому в человеке можно полностью истребить присущие ему человеческие качества. Они могут быть искажены, загнаны в подполье души и доведены до микроскопических размеров, но исчезнуть полностью и бесследно они не могут. Это противоречит законам психики. Конечно, есть психические болезни: шизофрения,

паранойя, мании величия и преследования и т. п.

Советские же руководители скорее рационалисты и прагматики, хотя некоторым из них не чужды и эмоции, в частности, патриотической окраски. Применять же психические характеристики к коллективам можно только метафорически. Советский верховный коллектив работает эффективно (в рамках эффективности, допускаемой системой) и, следовательно, не может состоять из неврастеников и психопатов.

Наконец, можно слышать возражение, что советская верхушка — это сборище нелюдей в человеческом облике, то есть слуг Зла. Этот мистический подход, может быть, помогает пониманию сущности советской системы в целом, но его следует отбросить при анализе советского аппарата, состоящего из людей рационального, прагматического мышления и знатоков своего дела.

Угроза войны как мобилизующий фактор

Но помимо индивидуальных качеств и склонностей, проистекающих из глубинных и универсальных свойств человеческой природы, жизнь и поступки человека определяются и реакцией на окружающую его действительность.

После прошлой войны все сопротивление режиму протекало в мирных условиях и являлось реакцией на политику партии на внутреннем фронте. Внешняя политика власти не вызывала особенного беспокойства, так как к постоянным декларациям о победе над „капиталистическим” миром население привыкло как к чему-то столь же отдаленному, как и „высоты коммунизма”.

Однако за последние годы эта риторика стала принимать облик грозной реальности, отражающейся не только на внешней, но и на внутренней политике. Бремя военных расходов стало еще больше ощущаться в быту, а переход от деклараций к боевым действиям грозит не только лишить население скудных достижений „развитого социализма”, но и жизни миллионов людей, не говоря уже о том, что победа „социализма” во всем мире отодвинула бы на необозримый срок надежду на избавление от лишений и гнета не только наших внуков, но и правнуков.

В широких массах населения это привело к страху и скованности, а в среде номенклатуры, информированной о серьезности агрес-

сивных планов руководства, к тревоге и осмыслению того, к чему может привести этот опасный, чреватый риском курс. На это обратил внимание Сахаров уже в 1968 году.

Поэтому вполне закономерно предположить, что тревога просочилась и на самые верхи. Уже обсуждение такого шага, как вторжение в Чехословакию, показало, что в политбюро есть расхождения; решение же по предстоящим мерам, связанным с вопросом „быть или не быть”, едва ли может быть принято единодушно, особенно принимая во внимание рост разброда в верховном руководстве из-за перетасовок, последовавших за быстрыми уходами в инобытие двух генсеков.

Страна стоит сейчас перед проблемами планетарного масштаба. Можно легко себе представить, что в этих условиях в составе руководства и в слое номенклатуры, на который оно опирается, имеется несколько „фракций”; среди них одна, готовая идти напролом, используя временные преимущества в военно-политической сфере и неподготовленность Китая к открытию „второго фронта”, и другая — готовая идти на компромиссы и уступки как собственному населению, так и Западу. Эти „фракции” можно условно назвать „фракция войны” и „фракция мира”.

Обеим им придется не ограничиваться словесными декларациями, а наметить реальные и внушающие доверие мероприятия. Чем дальше идет время, чем опаснее становится положение в стране и чем решительнее позиция США, требующие таких мер, тем больше должен будет углубляться ров между этими двумя „фракциями”.

Вторая гипотетическая „фракция” часто фигурирует на Западе под навешенными на нее западными (а подчас и отечественными) наблюдателями этикетками „фашистов” или „национал-большевиков”^{*}.

Как „фашисты”, так и „национал-большевики”, если они существуют в природе (хотя едва ли в весомой пропорции), принадлежат к породе столь же агрессивной, сколь и стоящая у власти. Замена ими слегка поблекшего красного знамени знаменем ярким или черным, естественно, не может

^{*} Они часто и злонамеренно навешиваются в качестве пугала ненавистниками России в любом ее облике или людьми, категорически отрицающими возможность устранения или трансформации нынешнего режима.

привести к мероприятиям, внушающим доверие.

Имеются, однако, такие — и это установленный факт, — кого причисляют к „Русской партии”. Обозначение это условное и, если понимать его не буквально, то есть относить его не только к этнически русским (и тем более к русским шовинистам), а расширительно — к людям, озабоченным судьбами всей страны и всего ее населения, — то они или люди из их среды и есть тот слой населения и номенклатуры, на который может опираться „фракция мира”.

Чем может оправдывать эта „фракция” свое намерение прорваться к рычагам власти и вырвать ее из рук своих оппонентов? Вот эти аргументы:

1. Страх войны и гибели, свойственный любому человеку, вне зависимости от его ранга в иерархии любой системы; этот страх могут преодолеть фанатики, но не люди трезвого мышления, к которым принадлежат и люди в высшей советской номенклатуре.

2. Бремя военных расходов; оно может не приниматься во внимание высшим слоем номенклатуры, но зато очень остро ощущается подавляющим большинством населения, долготерпение которого не безгранично.

3. Советская экспансия, вызывающая ненависть к русским (и тем, кого считают за таковых), как только они появляются в военной форме во всех тех странах, где установилась советская или поддерживаемая СССР диктатура, а также среди тех, кто видит зло не в коммунизме, а в „русских”; это тяжелое наследство для будущих поколений России. Если затраты на вооружение могут быть оправданы (и не без серьезных оснований) оборонительными соображениями, то затраты на экспансию имеют иной характер. Приведем цифры (в пересчете на доллары), а также проценты: первый — по отношению к валовому национальному доходу и второй — по отношению к военному бюджету*:

1971	18 млрд.	1,1%	9,0%
1976	24 млрд.	1,4%	12,0%
1980	41 млрд.	2,7%	19,0%
1985	80 млрд.	4,0%	33,0%
(экстраполяция)			

* Данные приводятся по расчетам американского исследовательского института „Рэнд корпорейшн”. Под расходами на экспансию понимаются затраты на

Из этой таблицы видно, что темп прироста резко увеличился с 1980 г. и расходы на экспансию достигли трети всего военного бюджета.

Такова цена, которую платит наш народ за ненависть к русским во всем мире! Американцы же за свою экспансию платят в восемь раз меньше.

4. Намерение Запада, довольно явно проявляющееся как в общественном мнении, так и в высказываниях ответственных западных политических деятелей, и соответственно преувеличиваемое советской пропагандой — покончить с советским режимом и разрушить не только нынешнюю систему, но и физически уничтожить значительную, преимущественно русскую, часть населения.

5. Продовольственные трудности, снижение уровня жизни населения, падение рабочей дисциплины и производительности труда, рост алкоголизма и преступности, казнокрадство и тому подобные явления, ведущие к кровавому и беспощадному бунту и, в пределе, к гражданской войне.

Чтобы пройти между „Сциллой” гражданской войны и „Харибдой” ядерной катастрофы, нужны срочные и радикальные меры.

„Фракция войны” всей своей как внутренней, так и внешней политикой

- ведет страну к грани катастрофы,
- увеличивает бремя военных расходов,
- разжигает ненависть к „русским” во всем мире,
- вынуждает западного противника занять не только по отношению к режиму, но и по отношению к стране и ее населению угрожающую позицию,
- создает условия, увеличивающие вероятность разрухи, революции и гражданской войны.

Опора „фракции мира”

Из сказанного выше ясны позиции этой гипотетической миролюбивой „фракции” —

поддержку и усиление контроля над странами, уже находящимися в сфере советского влияния; для установления контроля над странами, только входящими в орбиту советского влияния; для ослабления и разложения стран, входящих в орбиту противника. Сюда не входят расходы на содержание военных контингентов за рубежом СССР.

повернуть руль государственного корабля так, чтобы избежать этих опасностей и тем сделать первый шаг на пути подлинной нормализации всех сфер жизни. Если намерения этой „фракции” будут выявлены, ей будет обеспечена поддержка среди самых широких слоев населения.

Однако *о* этого выявления, то есть до политического поворота или переворота, симпатии масс не могут быть мобилизованы и использованы. Кроме того, симпатии масс не могут быть проявлены по отношению к каким-то конкретным людям, так как вплоть до решительного момента эти люди должны оставаться неизвестными. Это не значит, однако, что уже сейчас нельзя установить, какие меры, проводимые сверху, встретят несомненную поддержку. Соответствующие настроения в массах уже сейчас могут быть легко обнаружены и, следовательно, учтены.

Несколько иначе обстоит дело в среде гуманитарной, научной, технической, хозяйственной и управленческой интеллигенции и в среде высшей номенклатуры.

Интеллигенция — сословие служилое и как таковое опора любого режима. Но в переходные, и тем более критические, времена в ее среде начинается брожение, раскалывающее ее на две части — консервативную и революционную. Для советской интеллигенции выход энергии брожения в анархическое революционное русло наглухо закрыт, потому что привилегии, созданные для нее нынешней властью, вызвали недоверие к ней со стороны менее привилегированных слоев населения, а горький опыт 1917 г. показал, что меч революционного „правосудия” имеет все шансы быть направленным против нее.

Это создало для интеллигенции трудную ситуацию. Созидательный, творческий труд обесценивается и обесмысливается нынешним курсом руководства, а привилегии и карьера грозят быть сметенными вихрем событий. Это должно вызвать в среде интеллигенции чувство тревоги и обеспокоенности и толкать на поиски выхода.

Петиции и обращения к верхам показали свою бесплодность, а диссидентство, ведущее в лагерь или за границу, явно не решает вопроса. Выход приходится искать в рамках системы, а не вне нее.

Если с массами нынешнее руководство не считается, а претенденты на руководство не

могут, по указанным выше причинам, ввести массы в действие, то с интеллигенцией приходится считаться как тем, так и другим. Для одних это непосредственная опора их власти, а для других — тот слой, без которого невозможно мирное проведение реформ.

Ведь заводы должны будут выпускать продукцию, поезд и трамвай ходить, самолеты летать, учебные заведения учить школьников и студентов, больницы лечить больных, население снабжаться продовольствием, милиция управлять уличным движением и бороться с преступниками, армия стоять на страже безопасности страны и т. д.

Смена состава в этом большом и сложном механизме была бы и невозможной, и вредной. Кому действительно придется перековываться — это догматикам и начетчикам. Но они, как известно, будучи „диалектиками”, легко смиряются с положением: согласно Гегелю „все действительное — разумно”. Поэтому со стороны реформистов на верхах служилой интеллигенции ничего не грозит, а их приход к власти сулит многое.

Так как интеллигенция, по определению, есть слой мыслящий, не только обладающий профессиональными навыками, но и способный наблюдать факты, их исследовать и использовать полученные данные для целенаправленной деятельности, — она не может быть простым исполнителем получаемых сверху директив. Она должна их творчески перерабатывать. Это создает известную зависимость власти от исполнителей, а следовательно и возможность как содействия замыслам власти, так и противодействия им. Причем, в отличие от возможностей в этом отношении масс, интеллигенция может оказывать содействие тем кругам в вышестоящих инстанциях, кого она в этой информированной среде может рассматривать как реформаторов и потенциальных претендентов на власть.

С другой стороны, эти реформаторы своим поведением и высказываниями в узких кругах могут сравнительно безопасным образом сигнализировать о своем существовании и намерениях. Так в недрах интеллигенции, включая ее высший слой, может зреть ядро, которое, набрав достаточную силу, может пойти на риск радикального изменения политического курса. В наличии новых и мощных стимулов для хода мысли в этом направлении приходится все меньше и меньше сомневаться. Эти стимулы порождают растущая угроза войны.

А как обстоит дело на самых высших ступенях власти?

Для людей в этой среде вопрос ставится, конечно, очень остро. Им придется или уйти со своих постов, или поделиться тем, что им дороже всего. — властью. Людям, которые всю свою жизнь отдали, чтобы добраться до этих постов, сделать это очень трудно. Их преклонный возраст может помочь им победить инстинкт самосохранения и не бояться физической смерти, так как при всех обстоятельствах жить им осталось недолго. Поэтому они могут быть готовы сделать все что угодно, лишь бы добиться цели — мировой гегемонии, или подойти к ней вплотную еще при жизни. И для этого — за счет чужих жизней — пойти даже на рискованную военную авантюру. Они этим и опасны.

Но если мы спустимся с головокружительной высоты их власти ступенью ниже, картина меняется. Люди на этой ступени, как правило, моложе и потому несут меньшую ответственность за прошлое. Инстинкт самосохранения может играть у них большую роль, да есть у них и выход, связанный с меньшими опасностями и рисками. В случае провала внешней авантюры они пострададут столько же, сколько и их старшее поколение. Так же и в случае краха системы. Но если они, придя к власти, предостерегают как внешние, так и внутренние катаклизмы, у них есть шанс не только спасти свою жизнь, но и остаться у власти, хотя уж не столь тоталитарной, а сильно ограниченной. Это может стать в начале нормализации жизни в стране и смягчением напряженности в мире.

Приведенные выше соображения исходят из того, что угроза, нависшая над миром, будет возрастать, а следовательно будут расти и мотивы и импульсы, которые из этого проистекают. На этом основана вся аргументация в данной статье. Но можно себе представить и иной ход событий. Так, Черненко и Громыко могут вновь изобразить на своих лицах благостные и умиротворяющие улыбки. Однако многим стало ясно, что „детантная“ улыбка Брежнева, длившаяся десятилетия, преследовала одну цель — под этой маской лавировать военной мощью СССР и занять ряд новых стратегических плацдармов и подступов к ним. Поверят ли этим общепризнанным „голубям“ население нашей страны и Запад? Или на этот раз за улыбкой последуют действия? Тогда это будет означать, что силы, о которых шла речь, взяли верх. А

если действия не последуют, то мы вернемся через годы к ситуации, еще более грозной, чем нынешняя.

Не исключен, конечно, и самый пессимистический вариант, что мир не избежит ядерной катастрофы. Но когда эта опасность придвинется вплотную, делать уже будет нечего, останется лишь последовать совету советского посла в Вашингтоне Добрынина: „завернуться в саван и, не создавая паники, ползти на кладбище“.

Пока этого не случилось, надо напрячь всю силу творческого воображения не для того, чтобы обязательно добиться лучшего, а чтобы избежать худшего, по принципу: „Не до жиру, быть бы живу“. И это должно сделать для нас приемлемым и допустимым то, что мы еще недавно не пускали даже на порог нашего сознания. Думается, что с этой позиции приходится ныне подходить к выказанным выше аргументам и соображениям. Отбросить их можно лишь путем самоуспокоения и самоотстранения.

Сахаров недавно сказал, что в СССР сделать почти и ничего нельзя. Аналогичную точку зрения, но по отношению к Западу, можно вывести из высказываний Солженицына. Однако они оба верят в иное будущее России — иначе они не вели бы свою неустанную борьбу. За этими двумя „почти“ и виднеется слабый мерцающий на горизонте огонек, который надо раздуть в пламя.

Это задача для идущих против течения, для дерзающих разрушить — прежде всего в своем сознании — преграды, воздвигнутые предубеждениями, предвзятостью и рутинной мышления. Это путь встреченных и взволнованных. К ним и обращены эти строки, прежде всего в России. Но и на Западе.

«БАХТА»

Газета для моряков торгового и рыболовного флота, портовых рабочих и служащих морских профессий

„БАХТА“ предназначена для распространения среди советских моряков в западных портах. Издатель газеты — Комитет трудовой солидарности, созданный по инициативе НТС. В Комитет входят и советские моряки — как попавшие в эмиграцию, так и плавающие под советским флагом. Цель газеты — в первую очередь добиться улучшения материального и правового положения моряков советского флота.

Адрес редакции „БАХТЫ“:

Postfach 1735, D—6380 Bad Homburg, West Germany.

Для распространения газету просим заказывать у А. А. Кандаурова по адресу издательства „Посев“.

«Советская действительность и будущее Америки»

Борис ПУШКАРЕВ

„Пока в Советском Союзе господствует нынешняя система, война остается постоянной угрозой, которую ни наращивание вооружения, ни политические уступки не смогут полностью устранить... советская агрессия укоренена в советской системе и не ослабнет до тех пор, пока сама система не претерпит существенных изменений... Запад, в своих собственных интересах, должен помочь тем экономическим и политическим силам, которые размывают коммунистический блок изнутри и заставляют правящий слой обратить свое внимание вовнутрь... правящий слой должен быть подвергнут максимальному внутреннему давлению, которое создаст сама система... Советский режим станет менее агрессивным только в результате собственных неудач, а отнюдь не от чувства безопасности и уверенности в себе”.

Таков, говоря словами Ричарда Пайпса, итог его новейшей книги*: „Важно не только сохранить жизнь; советская действительность и будущее Америки”, вышедшей прошлой осенью в Нью-Йорке. Пайпс — отнюдь

* Richard Pipes. Survival is not Enough; Soviet Realities and America's Future. New York, Simon & Schuster, 1984. 302 p.

Вниманию советских граждан, временно проживающих за границей!

НТС предлагает советским гражданам, временно проживающим за рубежом (дипломатам, торговым представителям, журналистам, инженерам, функционерам международных организаций, служащим советских учреждений, агентам КГБ или ГРУ и др.), сообщать свои домашние адреса, а также адреса тех своих знакомых, которые желают регулярно читать журнал „Посев”. Их можно направлять на адрес редакции. По каждому указанному адресу время от времени будут посылаться квартальные выпуски „Посева”, а также другая литература малого формата.

Квартальный выпуск „Посева” включает в себя наиболее интересные и неустаревшие материалы из трех ежемесячных номеров. Высылаться литература будет бесплатно, но мы будем благодарны за любое пожертвование, а тем числе и анонимное. Ваши пожертвования пойдут на дальнейшее увеличение тиража квартальника. НТС ставит целью довести тираж квартального „Посева” до нескольких десятков тысяч экземпляров, с тем, чтобы каждый из желающих советский гражданин, временно находящийся за рубежом, мог получать и читать этот журнал.

Одновременно мы призываем граждан, возвращающихся в Советский Союз, привозить в страну квартальные „Посевы”, распространять их среди друзей и знакомых, а также пересказывать им наиболее ценные материалы.

не первый американский политический деятель, высказывающий подобные мысли. Ровно за 30 лет до выхода в свет рецензируемой книги известный политолог Ростоу в своем труде „Динамика советского общества” писал: „Подлинное прекращение холодной войны зависит от возможности изменения самой природы советского режима, которое бы сделало его внешнюю политику отражением русских национальных интересов, а не стремления режима сохранить собственную власть”. Но в политике котируется не первенство, а актуальность, и об актуальности книги Пайпса свидетельствует хотя бы то, что не суперобложке ее рекомендуют читателям нынешний министр обороны США Уайнбергер, представительница США в ООН Д. Киркпатрик, советник президента по вопросам безопасности Р. Макфарлейн, бывший советник по вопросам безопасности З. Бжезинский, главный делегат на переговорах по ограничению ядерного оружия ген. Э. Роуни, посол на Мадридских переговорах М. Кампельман и известный специалист по стратегии П. Нитце.

Сам Пайпс занимал правительственные должности в 1976 и 1981-82 годах, но затем вернулся на кафедру истории Гарвардского университета, где он известен как автор или редактор более десятка монографий, в том числе как автор двухтомной биографии и редактор 15-томного собрания сочинений Петра Бернгардовича Струве. Настоящая книга заключает в себе, по существу, три темы: природа советской власти, кризис советской власти и американская политика по отношению к Советскому Союзу. На каждую из этих тем Пайпс дает читателю исторический обзор и лишь попутно делает свои политические выводы.

Приступая к первой теме, Пайпс широко использует созданную Джиласом и развитую М. Восленским модель „нового класса” или „номенклатуры” как основы советского строя. Восленскому в книге высказывается особая признательность, и вообще в книге цитируется около 15 эмигрантских авторов, что редко для американских научных трудов.

Советскую власть автор рассматривает как сплав элементов западного социализма и отечественной политической традиции, в ча-

стности, традиции централизованного, военизированного государства, которому внешние победы давали внутренний авторитет. Семени социализма, пишет он, проросли в Западной Европе демократическими реформами, а в России, в Китае и на Кубе — тоталитаризмом: в каждом случае решающими оказались местные условия. С одной стороны, Ленин был учеником не только Маркса и Энгельса, но и Нечаева и Ткачева; с другой стороны, ему удалось ввести в свою государственную машину весьма значительную часть чиновничества и офицерства прежней Империи.

Перечень всех этих фактов, не обязательно лестных для русского национального сознания, не дает, однако, оснований обвинять Пайпса в „русофобии“, как это делают некоторые эмигранты. Но в то же время вовсе не надо забираться, как это делает автор, в дебри Московской Руси, объяснять, что такое кормление и вотчинные отношения, чтобы понять характер нынешней „номенклатуры“. Ее следует понимать, исходя из нынешней реальности, а не из аналогий четырехсотлетней давности. Тем более, что сам автор признает, что используемое им понятие политической традиции весьма изменчиво; немецкая традиция народа „поэтов и мыслителей“ обернулась в XX веке гитлеризмом, а шведская традиция международной агрессии в XVII веке обернулась традицией самого миролюбивого государства Европы в наши дни. Подобного рода мутации только лишь и открывают возможность коренного изменения существующего строя, которой посвящена книга автора. Однако для того, чтобы подобному изменению способствовать, необходимо в русской истории находить и изучать не только авторитарные прецеденты, но и свободолюбивые, „земские“ явления общественного самоуправления и самодеятельности. Эту сторону вопроса автор недооценивает.

Автор становится на более твердую почву, когда переходит к описанию неразрывной связи между тоталитарной властью и глобальной экспансией. Власть, имеющая своей целью только власть, будет искать возможностей ее умножения повсеместно, так же, как предприниматель, цель которого — прибыль, будет повсеместно искать возможности ее приумножить. Коммунистическая идеология и конфликт с Западом оправдывают существование паразитарного правящего класса и дают ему возможность жить „на

западном уровне“, в то время как население прозябает на уровне страны Третьего мира. „Агрессия ведется исключительно в интересах правящего слоя, говорит Пайпс, и ввиду тех колоссальных ресурсов, которых она требует, и того риска, который она в себе несет, она в корне противоречит национальным интересам России“ (стр. 44). „Прагматикам“, пишет автор, коренное изменение строя может показаться утопичным, „но гораздо утопичнее ожидать, что режим откажется от агрессии, пока он организован по нынешнему образцу“.

Автор затем переходит к описанию „большой глобальной стратегии“ КПСС, выявляя ее последовательность с ленинских времен по наши дни. Стратегия эта сводится к „политической борьбе на истощение“, при которой используются все средства дестабилизации противника при сохранении строжайшего контроля над собственным населением. В частности, и ядерное оружие используется Советским Союзом в первую очередь как политический инструмент: любое противостояние воле КПСС представляется как угроза войны и ядерного истребления человечества. Ведь сказал же Черненко в мае 1984 г. на всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций: „Колесо истории в своем естественном движении работает на социализм, на его повсеместное утверждение...“

Беда в том, пишет Пайпс, что „подобный образ мышления полностью чужд западному обществу, в особенности дипломатам, юристам, промышленникам и профессионалам политики, которые задают тон в отношениях Восток — Запад. Они себе совершенно не могут представить, что в мире есть что-либо, по поводу чего нельзя заключить сделку или компромисс“. Бескомпромиссные требования они воспринимают не за чистую монету, а за тактический прием в переговорах. В результате, они становятся пособниками „необратимого и повсеместного утверждения социализма“. Пайпс далее переходит к анализу других категорий тех, кого Ленин называл „полезными идиотами“ на Западе: бизнесменов, ищущих контрактов в соцстранах; снобов, считающих антикоммунизм верхом вульгарности; псевдоинтеллектуалов, усваивающих советскую терминологию и коммунистический жаргон.

Переходя к вопросам военной стратегии, Пайпс делает интересный экскурс в историю американской ядерной доктрины. Первые

12 лет атомного века американцы парировали многократное советское превосходство в сухопутных силах угрозой „ядерного возмездия”. Но после запуска советского спутника эта доктрина, естественно, распалась и восторжествовала доктрина, согласно которой единственная польза атомного оружия состоит в том, чтобы не допустить его использования противником. Согласно этой доктрине, ядерные сверхдержавы связаны „общими интересами” недопущения атомной войны. Один из ученых, Арнольд Вольферс, договорился до того, что якобы в интересах США нужно, чтобы СССР имел аналогичный ядерный потенциал, так как в таком случае последний, мол, не будет чувствовать над собой угрозы и будет себя вести мирно. Советский Союз, однако, после дискуссии в профессиональных кругах теорию общих интересов отверг и зимой 1960 г. приступил к отстройке ракетных войск стратегического назначения как о с н о в н о г о вида оружия, призванного, в случае войны, обеспечить победу „в кратчайший срок и с наименьшими потерями”. Когда министру обороны США Роберту Макнамаре показали труд маршала Соколовского, написанный в духе „сталинской науки побеждать”, то Макнамара со скукой отложил его в сторону, как „лишенный уточненного анализа”... Лишен Советский Союз и понятия „достаточного устрашения”. Тогда как США за десятилетие 1972-82 гг. ввели в строй лишь одну новую стратегическую систему — подлодку „Трайдент” — СССР за тот же срок ввел в строй целых о д и н а д ц а т ь новых стратегических систем как подводного, так и наземного и воздушного базирования.

Пайпс заканчивает свой обзор глобального наступления КПСС вопросами Третьего мира, где СССР в геостратегических целях разжигает местные религиозные (как арабско-израильский) и расовые (как южноафриканский) конфликты. Четыре главных направления здесь: Ближний Восток (чтобы перекрыть подачу нефти в Европу и Японию); Африка южнее Сахары (чтобы остановить импорт платины, ванадия, хрома и марганца в США); Центральная Америка (чтобы заблокировать Панамский канал и отвлечь американское внимание от Европы) и наконец Юго-Восточная Азия, наименее важный плацдарм, но полезный для обхода с фланга Китая и Японии. Таким образом стремление СССР к мировой гегемонии, при которой он сможет любой стране диктовать свою волю,

— очевидно. Весь вопрос в том — хватит ли у Советского Союза сил осуществить свои глобальные амбиции?

Переходя к вопросу о кризисе системы, Пайпс пишет, что один из парадоксов советского империализма заключается в том, что вместо того, чтобы обогащать свою метрополию, как это делал империализм традиционный, — он ее разоряет*. Обогащается лишь номенклатурная верхушка. Когда-то она станет перед выбором: сократить свои глобальные амбиции, изменить политико-экономический строй или, быть может, пойти на то и на другое.

Вопрос идет не о том, что советская экономика вот-вот „рухнет” — этого не предвидится, а о том, способна ли она одновременно обеспечить три основных задачи: коренного технического перевооружения народнохозяйственной базы, сохранения (а в идеале и улучшения) жизненного уровня народа и удовлетворения требований армии и „мировой системы социализма”? Нарисовав реалистическую картину тех трудностей, в которых увязла советская экономика, Пайпс приходит к выводу, что, „вероятно — нет, если Запад не придет на помощь”, как он это пробовал делать в эпоху „разрядки”. Но, дав к 1981 г. странам СЭВ займы около 82 миллиардов долларов (из них 24 миллиарда Советскому Союзу), Запад понял, что выплата этих долгов отнюдь не обеспечена и что теория, согласно которой можно задобрить Советский Союз, подкармливая его, на практике не работает; таким образом, приток западных займов за последние годы почти иссяк.

Пайпс приводит три примера успешных внутренних экономических реформ в СССР: безарядные бригады и звенья в сельском хозяйстве, „шабашники” в строительстве (и то, и другое, по существу, подобие ворот к традиционной русской артели) и Новый Экономический Механизм в Венгрии, который теперь перенимает и Болгария. Все они сулят замену „сословных” отношений между государством и гражданином — „договорными”, то есть отношениями, основанными на равенстве сторон. Это в корне противоречит унаследованной от Сталина структуре власти, почему номенклатура и дает им ход предельно неохотно и осторожно.

* Советский Союз тратит на свою „зарубежную империю” около 7% своего валового национального продукта (так, в 1980 г. это составило, в переводе на твердую валюту, 41 миллиард долларов).

„Если советский режим хочет осуществить свои глобальные амбиции, то он должен дать ход экономическим и социальным институтам, которые его в конечном счете подорвут. Вот основная дилемма, перед которой цепенеет советское руководство, которая отвлекает его внимание и парализует его волю” (стр. 147).

Политический кризис советской системы заключается в том, что правящие круги больше неспособны удовлетворительно выполнять огромные обязательства, которые они на себя взяли, — считает Пайпс. Партия становится все более оскопленной, продажной, обслуживающей самое себя и теряющей связь с населением. Номенклатура компетентно расправляется с каждым, кто бросает прямой вызов ее власти; но она бессильна, когда вызов идет от безличных сил и процессов, которых КГБ не может ни арестовать, ни рассеять. Падение производительности, цинизм, апатия и индифферентность репрессиям не поддаются. Один из центральных парадоксов системы в том, что, стремясь ликвидировать частные интересы и заставить всех трудиться на общее дело, она ухитрилась разрушить последние остатки этики служения и развязала разнузданный поиск личной выгоды.

Подчеркивая, что страна, в которой 10 миллионов граждан получили высшее образование, не может мыслить по официальной шпаргалке, автор переходит к рассмотрению двух, по его мнению основных, течений инакомыслия. Возникновение первого течения, „западников-демократов” он тесно связывает с серьезными юридическими реформами 1958 и 1960 годов, которые впервые за 40 лет внесли в советский строй правовые начала. „Ничто лучше не иллюстрирует трудность постепенной, контролируемой перестройки тоталитарного режима, чем судьба этих реформ”, пишет он. Вместо того, чтобы снискать власти благодарность признательною населения, реформы эти создали возможность открытых форм оппозиции и вызвали требования дальнейшей либерализации. Популяризации последних существенно способствовало расширение прав западных корреспондентов в СССР и обратная связь со страной через западные радиостанции. В результате режим дал обратный ход, ужесточив законодательство и усилив репрессии, так что к 1983 г. „тактика использования легальных путей исчерпала свои возможности и элементы демократической оппозиции, по-видимому, ушли в подполье”.

Упомянув о Рое Медведеве, как о „левой оппозиции в партии, состоящей из одного человека”, Пайпс затем рассматривает рабочее стачечное движение, в частности забастовки на автозаводах в Горьком и Тольятти в 1981 г. Движение это характеризуется своей стихийностью и непосредственностью своих задач (улучшение питания, техники безопасности). Власть, как правило, стремится удовлетворить эти требования, если забастовки носят мирный характер, и прибегает к жестоким репрессиям, если они принимают характер массовых демонстраций, как было в 1962 г. в Новочеркасске. Самое существенное здесь то, что вопреки распространенному мнению „есть предел лишениям, которые простой советский гражданин может терпеть, а следовательно, и предел игнорированию режимом нужд потребителя. С другой стороны, к сожалению, не видно, чтобы русские рабочие ощущали связь между своими личными претензиями по работе и системой, в которой они живут”.

Режим, по мнению Пайпса, установил с демократической оппозицией известный модус вивенди, согласно которому разрешается спорить, говорить и писать, хранить самиздатскую и эмигрантскую литературу для личного пользования, но всякие попытки организации или распространения идей вне своего круга беспощадно преследуются.

„В результате, в Советском Союзе удивительно много информированной политической дискуссии... русские интеллигенты куда более открыты, и их труднее шокировать, чем их западных, особенно американских, коллег. Разнообразие их мнений звучит в высшей степени обнадеживающе, но не совсем ясно, что оно означает для политического будущего страны, так как известная мера согласия необходима для функционирования любого общественного организма” (стр. 169).

Другим основным крылом инакомыслия Пайпс считает русскую „националистическую оппозицию”, положение которой весьма двойственно. Имеется „небольшое национальное подполье”, представители которого подвергаются преследованиям, но в остальном националисты могут отчасти выступать и открыто; чтобы уберечь молодежь от „тлетворного западного влияния”, именно в их руки отданы молодежные издания, такие как „Наш Современник”, „Молодая Гвардия” и „Пионерская Правда”, а также дело охраны исторических памятников. Заигрывание коммунистического правительства с на-

ционально-консервативным движением, для которого Октябрь — величайшая катастрофа в истории страны, не покажется столь уж странным, пишет Пайпс, если вспомнить, что наиболее действенное сопротивление большевикам в 1917-20 гг. оказали не демократические и социалистические, а именно национальные силы. Власть начала брать национальную символику на вооружение, начиная с середины 1930-х годов, и то, что наблюдается сейчас, — часть длительного процесса.

Идеологию „националистической оппозиции” Пайпс рассматривает как эмоциональную, а не рациональную по своей природе, и потому трудно формулируемую. Тем не менее, он отмечает пять основных ее постулатов:

1. Россия отличается от Запада и обладает духовным превосходством.

2. Революция 1917 г. была не результатом естественного развития, а трагическим обвалом. Россия не создатель коммунизма, а его первая жертва.

3. Политика Советской власти отравила источники русского национального бытия, которые основывались на православной Церкви и на крестьянском быте. Деморализованная безбожием и согнанная в города крестьянская масса спивается и уничтожает свое потомство абортками. Жизнь нации в опасности.

4. Россия должна найти свои корни. Должна быть твердая власть, которая не будет мешать нормальной жизни народа, прекратит милитаризм и поддержку политических движений в далеких странах, ликвидирует последствия коллективизации и насильственной индустриализации. Делаются намеки на восстановление монархии.

5. „В самых крайних своих проявлениях, которые даже поощряются властями, правое крыло оппозиции опасно близко подходит к идеологии национал-социализма или, точнее, национал-большевизма, где русские фигурируют как высшая раса, а евреи — как главный враг” (стр. 172).

Пайпс прав, когда пишет, что в этой идеологии есть элементы бегства от ответственности за происшедшее, попытка свалить вину на „Запад” и на „жидов”. Именно этот момент на руку власти и потому раздувается КГБ как в открытой, так и в „черной” пропаганде. Но совершенно непонятно, как он затем приходит к выводу, что, „хотя трудно сказать, какое именно влияние национальная оппозиция оказывает на советский режим, в

итоге она его, вероятно, толкает прочь от Запада и от реформ”. Казалось бы, наоборот, пункты 2, 3 и 4 открывают России путь и к реформам и к примирению с Западом.

Хотя очевидно, что оппозиция еще далека от идейного согласия в своей среде, крайне существенно то, что сломлена идейная монополия власти, что Россия и в этой сфере, как в сфере „второй экономики”, обрела „вторую реальность”, пишет Пайпс. Все это — признаки политического кризиса режима, который отнюдь не ограничивается Россией, но, в иных формах, очевиден в национальных республиках, в странах-сателлитах, в вассальных странах за пределами „социалистического содружества”, в компартиях „капиталистических стран и, наконец, в Китае: каждому из этих регионов автор посвящает по несколько страничек.

„Если Ленин был бы жив сегодня, продолжает Пайпс, он бы вероятно пришел к выводу, что в его стране и ее империи назрела революционная ситуация. Очевидно, что кризис в советском блоке сегодня гораздо острее, чем он был в России или Германии в конце XIX века. Но если объективные условия соответствуют критериям революционной ситуации, то отсутствует субъективный фактор, воля и способность претворить ситуацию в революцию. Возникновению их мешает колоссальный аппарат насилия, который коммунистические режимы развили до небывалых в истории масштабов — потому что, придя к власти путем революции, они твердо решили не быть свергнутыми тем же путем. Хотя в Венгрии, Чехословакии и Польше и были найдены обходные пути, в России сейчас воля к революции отсутствует. Исторический опыт заставил русских любой политической ориентации бояться крушения власти больше, чем крушения деспотии, и отрицать насилие как инструмент политических перемен. До 1917 г. русская интеллигенция безгранично верила в прирожденную доброту и демократичность народа... нынешнее поколение излечено от революционного романтизма... Испытав революцию во всем ее неистовстве, русские познали не только ее страшную цену, но и ее бесплодность.

Таким образом, оба лагеря оппозиции согласны в одном: Россия может выйти из кризиса только путем постепенных, мирных перемен; если для этого Политбюро и номенклатура должны оставаться у власти — пусть будет так, на некоторое время. ... Оппозиция стремится не низвергать и захватывать власть, а ограничить ее влияние расширением частной сферы деятельности; это может быть опасным для тоталитарного режима, но не грозит бесконтрольным насилием. Так что, если революция исключается, то перед советским режимом стоят три возможности: возврат к сталинизму, усиление внешней агрессии или внутренние реформы”.

Далее Пайпс показывает, что, хотя ностальгия по бывшему при Сталине „порядку” и существует, возврат к 1930-м годам невозможен, потому что антиисторичен; голое насилие не может править несравненно усложнившимся обществом, проблемы которого проистекают именно из пережитков сталинизма.

Усиление агрессии — самый легкий и самый опасный путь выхода из кризиса. Жупел войны — стандартный продукт советской пропаганды, начиная с 1920-х годов; он требует трудовых жертв и затыкает рот оппозиции. Той же цели служит бесцеремонное возвеличивание „Великой отечественной” и отождествление „империалистов” с „фашистами”. Но жупел войны — рискованная вещь: он может превратиться в войну. Как такой риск будет взвешивать советское руководство — зависит от Запада и от его военной готовности.

Если риск войны слишком велик, то единственный выход — реформы. Советские правящий слой отнюдь не первый в истории, который стоит перед дилеммой — поступиться долей власти или потерять ее всю. Истории знакомы и то, и другое решения. Вопрос, в основном, сводится к тому, какой остроты должен достигнуть кризис, то есть опасность потерять всю власть, чтобы правящий слой пошел на уступки. Мнения по этому поводу расходятся. Но все согласны, что к а к о е т о обострение кризиса необходимо, как толчок к реформам. И Пайпс, и Бжезинский напоминают, что в императорский период такими толчками к реформам послужили внешние поражения во время Крымской войны 1855 г. и Японской войны 1904 г. Факт тот, что только опасность для режима, а отнюдь не благополучие режима, как думали западные архитекторы разрядки, может толкнуть режим к реформам.

Режим сейчас живет в худшем из возможных миров — он лишился большей доли преимуществ, которые давала сталинская централизация, не обретя при этом преимуществ открытого общества. Основная задача состоит в том, чтобы развязать творческие силы народа, узаконить те проявления общественной энергии, которые сейчас развиваются.

Это требует, во-первых, законности; не обязательно участие народа в принятии законов — на это номенклатура не пойдет, пишет Пайпс, но необходим контроль судебных органов над партией и над бюрократией.

Во-вторых, это требует децентрализации управления промышленностью, роспуска колхозов, принятия в промышленности и сельском хозяйстве принципа договорных отношений как правила, а не как исключения, и передачи значительной доли сектора потребления и услуг частному предпринимательству. Такое решение все еще оставит за номенклатурой значительную долю руководства народным хозяйством, решительно подыняв его производительность.

В-третьих, это требует административной децентрализации. „Советское руководство никогда не распустит Советский Союз на составляющие его республики, но какая-то форма реальной автономии и самоуправления меньшинств не исключается: она требует всего-навсего претворения фикции нынешней конституции в действительность”.

„Подходя поверхностно, реформы в коммунистическом обществе могут представлять для граждан других стран лишь теоретический интерес; ведь не им же объяснять русским, как устраивать свою жизнь; их касается лишь прекращение советской внешнеполитической агрессии. Но на деле милитаризм и экспансия укоренены во внутренних советских условиях существования: они — побочный продукт системы. Именно поэтому судьба советских граждан касается жителей всего мира прямо и непосредственно. Пока номенклатура остается тем, что она есть, пока СССР живет в состоянии бесправия, пока его народная энергия не может найти творческого применения — никто во всем мире не может жить в безопасности. Советский Союз, обративший свое внимание вовнутрь, по необходимости станет менее милитаристским и экспансионистским ... если кто-либо в этом сомневается, ему следует всего лишь обратить внимание на эволюцию Китая после смерти Мао” (стр. 207—208).

Вводной фразой к третьей теме: а что может сделать Запад? — Пайпс выбрал слова китайского военного мыслителя V века до Р. Х. Сунь-цзы, который сказал, что решающим является наступление не на войска противника, а на его стратегию. Основная трудность в том, что советская стратегия рассчитана именно на природу плюралистического общества, которому не свойственно мыслить в категориях дальнего прицела, а свойственно бросаться из одной эмоциональной крайности в другую. Пайпс дает блестящий исторический обзор этих колебаний в американско-советских отношениях, начиная с 1917 г., затем рассматривает принципы политики „сдерживания”, за которой стояли разработанные Джорджем Кеннаном теоретические основы,

и политику „детанта”, которая теоретического обоснования была лишена. Сквозь ту и другую политику красной нитью проходит „дидактическая дипломатия”, согласно которой США должны поощрять хорошее и наказывать плохое поведение противника. Построенный на примитивной психологической теории Джона Уотсона, пишет Пайпс, этот самонадеянный подход снимал с руководителей американской политики необходимость конкретного изучения стран, с которыми они имели дело: полумиллионная армия была отправлена во Вьетнам, когда ни в одном из американских университетов не было даже кафедры изучения этой страны.

Хотя демократия по своей природе не может противопоставить советской глобальной стратегии собственную целостную стратегию, в которой полностью были бы интегрированы военные, дипломатические, политические и экономические элементы, более согласованное использование этих элементов возможно, пишет Пайпс, равно как и нацеливание их на основные слабые места советской системы, которые лежат, как было сказано выше, в экономической и внутривластной областях.

Первой задачей американской стратегии автор считает нейтрализацию советской ракетно-ядерной угрозы реальной контрстратегией, а не „устрашением”, которое на деле может оказаться блефом. При этом переговорах об ограничении вооружений место не в центре, а на периферии американо-советских отношений. Попутно он отмечает, что договор 1972 г. содержит в себе целый ряд односторонне невыгодных для США положений (касających методов учета, проверки и классификации) и что с момента начала переговоров в 1970 г. и по 1984-й количество советских стратегических ядерных боеголовок увеличилось, вероятно, с 1 400 до 7 900, а американских — с 2 200 до 7 400. Спрашивается, чем такое „ограничение” отличается от гонки вооружений? Затем, в то время как СССР может нанести по США превентивный ядерный удар, оставшиеся после него американские ракеты могут лишь истребить много населения, но не вывести из строя командную структуру советского режима и его армии. Такое соотношение сил существенно изменится, если американцы установят антибаллистическую защиту своих наземных ракет. Недаром именно эта перспектива заставила советскую сторону отбросить все пред-

варительные условия и согласиться на Женевские переговоры 1985 г.

„Военная мощь — лишь одна из стрел в колчане советской стратегии, и было бы трагической ошибкой для Запада ограничивать свой ответ производством оружия... Для демократий предельно важно использовать свои невоенные способности, чтобы парировать советскую экспансию и ослабить ее в своем источнике”, пишет Пайпс (стр. 246). Здесь он останавливается на важности умелого политического руководства партизанскими и антипартизанскими движениями, на важности выработки единой двухпартийной внешней политики в США, на важности единства политики НАТО. Он считает, что „разрешать Советскому Союзу вмешиваться в дела западных стран, воздерживаясь при этом от вмешательства в его собственные внутренние дела, — значит играть на руку советской стратегии”. Методами такого контрвмешательства могут быть радиопередачи, а в будущем, возможно, и телепередачи, включающие выступления ответственных политических деятелей. К сожалению, возможно, что благодаря „деликатному” характеру этой темы, Пайпс ее глубже не развивает.

Заканчивает он тем, насколько важно — в интересах ускорения внутренних экономических реформ в странах „социалистического содружества” — по возможности затормозить и перекрыть приток туда новейшей западной техники. Он напоминает, что механизмы управления советских ракет работают на минишарикоподшипниках, изготовленных на американском импортном оборудовании, и приводит много других примеров пресловутых „веревек”, которые капиталисты продали, чтобы быть на них позже повешенными. Однако, как известно, полностью отгородить Советский Союз от притока новой западной технологии в наши дни представляется малореальным.

Хотя книга Пайпса не лишена некоторых пробелов, она впервые в американской литературе дает цельную картину советско-американских отношений, обращает внимание не на симптомы советской внешней политики, а на ее первопричину — на систему.

Этим она поднимает дискуссию на данную тему на совершенно новый уровень. Цельный ряд заложенных в ней мыслей необходимо развивать, но обойти их уже будет нельзя. Книга эта важна не только для борьбы с левыми иллюзиями в западной политике, но и для стратегии российской оппозиции.

Торунское судилище

Роман РЕДЛИХ

Казалось бы, все сорвалось на пустяке. Шофер о. Ежи Попелюшко, Вальдемар Хростовский, бывший парашютист, каскадер и человек с крепкими нервами, сумел выбраться из машины похитителей и рассказать, как 19 октября три человека в милицейской форме захватили и увезли настоятеля храма св. Станислава Костки в Варшаве, о. Ежи Попелюшко.

С этого начался провал. Вместо того, чтобы отступить, растерявшиеся оперативники довели свое дело до конца: они зверски замучили священника и утопили изуродованный труп в Висле. Но „исчезновения” не получилось. Свидетельство Хростовского сработало. Польша уже не догадывалась, а просто *знала*, кто ликвидировал любимого всей страной негсибаемого проповедника, а за что погиб о. Ежи, было понятно каждому.

В своих проповедях о. Попелюшко настойчиво требовал допустить открытую деятельность „Солидарности”, которая, по его словам, „была не просто профсоюзом. Она выражала стремление к правде, справедливости и свободе”. И еще в сентябре не кто иной, как спикер правительства Ярузельского, Ежи Урбан (правда, под псевдонимом), писал, имея в виду Попелюшко, о „неистовом Саванароле”, проповедующем „фанатическую ненависть к социалистической Польше” и служащем „черные мессы”, на которых ему прислуживает известнейший деятель „Солидарности”, Адам Михник, „чертычим хвостом раскачивающий богослужебный колокольчик”. Никто в Польше не сомневался, что о. Ежи в черном списке тех, кого нельзя взять открыто, но желательно ликвидировать втихую.

Не будем вспоминать о покушении на Папу. Не он — первый, не он — последний. Гандитские избиения и убийства из-за угла, с тяжелой руки железного Феликса, прочно вошли в практику карательных органов победившего социализма. В тот же день 19 октября 1984 г., когда капитан Пиотровский с лейтенантами Хмелевским и Пекалой выехали на охоту за Попелюшкой, кем-то другим был похищен и зверски избит Станислав Чац, бывший председатель комитета „Солидарности” люблинского автозавода. Его нашли

умирающим на дороге с иголками под ногтями. В апреле 1983 г. был найден в реке труп главы „Солидарности” катовицкого металлургического завода Ковальского. В мае около двадцати неизвестных хулиганов ворвались в Варшаве в бюро комитета помощи политическим заключенным и избили до потери сознания Барбару Садовскую. В июне на железнодорожных рельсах было найдено тело создавшего группу „Солидарности” школьного учителя Фрася. В феврале 1984 г. мертвым в канаве нашли председателя крестьянской „Солидарности” Бартоша. Убийцы не были найдены — операции прошли „успешно”. И это только примеры. Всего, по хвастливым оценкам самих чекистов, „исчезает” чуть ли не до 200 человек в год.

Капитан Гжегож Пиотровский (рост 1,92 м, 33 года, математик с высшим образованием), проводивший операцию по ликвидации Попелюшко, поступил, по его словам на суде, „нелогично”, доведя операцию до конца. А что он должен был делать? Извиниться перед о. Ежи и отвезти его поскорей в костел св. Станислава?

*

А что должен был делать Ярузельский? „Не найти” ни тела убитого священника, ни его убийц (на что наивно надеялся прямой начальник Пиотровского, полковник Адам Петрушка) было бы опасно и глупо. Свидетельство Хростовского, что о. Ежи взяла милиция, уже облетело страну; о. Ежи, проповедь которого слушали тысячи человек, уже был *народным героем*, а трагическая гибель сделала его в глазах народа *мучеником*. И если бы даже операция прошла успешно, было бы то же самое. Возмущение народных масс было искренним и всеобщим. Гибелью Попелюшко как морозом ударило по хилым росткам надежд, начавшим было кое-где пробиваться после отмены военного положения, амнистии политическим заключенным, отмены ряда судебных преследований, выхода на свободу Валэнсы, Михника, Лиса...

Конечно, политику национального примирения точнее было бы назвать политикой национального смирения. Но возмущение рас-

правой над о. Ежи сломало и это смирение. На месте похищения замученного священника люди водрузили мемориальный крест. Сотни тысяч поляков собрались в Варшаве у костела, где служил о. Ежи, и превратили похороны своего новомученика в грозную демонстрацию. Предприятия и школы Варшавы в эти часы были пусты. Милиция не вмешивалась. Власть поняла, что вмешательство вызовет революцию. Инцидентов не было, но никто не скрывал своих чувств. О режиме высказывались с открытой ненавистью.

Могила о. Ежи и сейчас утопает в цветах, около всегда стоят люди, всегда горят лампы и свечи, к ней тянутся все новые и новые паломники.

Вся запретная пресса, — а читают ее куда больше, чем казенную, — весь польский самиздат до сих пор полны статьями об о. Попелюшко. В статье Яна Литынского „Мы и они” в „Тыгоднике Мазовше” уже 13 декабря 1984 г. убийство Попелюшко определяется как „один из редких в истории случаев, когда народ разделяется с предельной ясностью по лишенной извилин прямой... Все размышления становятся осмыслены, лишь если все время помнить об этой прямой линии фундаментального разделения между Добром и Злом”.

Сделать эту линию сколько можно извилистой, смешать черное с белым, ввести рассуждения в стиле „да, конечно, но с другой стороны...” — вот в чем была, если смотреть в корень, единственная задача расследования и суда в Торуню.

Было ли решение пожертвовать четырьмя чекистами принято на том же уровне, на котором было задумано ликвидировать Попелюшко, или на уровне выше, мы не знаем. Но одновременно со следствием заработала и традиционная „наступательная политика” коммунистов, заработал генератор лжи, ползали слухи. Собравшиеся в Кошалине члены ПОРП прослушали, оказывается, сообщение о ходе расследования и узнали, что „убийство Попелюшки было делом католических кругов, несогласных с Примасом”. Эти круги получали, якобы, поддержку от ЦРУ и сумели подкупить отдельных работников министерства внутренних дел, согласившихся совершить преступление. Редакция подпольного издания „Праворяднош” уже 6 ноября справедливо отметила, что Ярузельскому безразлично, кого обвинить, ЦРУ или КГБ, солидаристов или догматиков,

лишь бы получалось, что преступники также враги и его, Ярузельского, лишь бы оказать, хоть в свете нелепых слухов, но вместе с народом.

Параллельно пошла накачка партийных работников. Первый секретарь лодзинского парткома и член ЦК ПОРП М. Чехович в начале декабря так определил задачи партийной пропаганды:

- Подчеркивать постоянство политики партии в отношении культов.

- Популяризировать анализы проповедей ксендза Попелюшко с целью помешать его беатификации* и показать, что он погиб за свои политические убеждения, а не за церковную деятельность.

- Продолжать распространять данные об оружии, взрывчатке и печатных материалах, найденных в квартире Попелюшко.

- На всех курсах и сессиях напоминать о темных страницах истории Церкви, об инквизиции и т. д.

- День за днем анализировать проповеди священников, в частности тех, о которых шла речь, и тотчас же начинать их преследовать.

- Проверить все разрешения на постройку храмов, с тем чтобы жители должны были решить, хотят ли они построить на своей территории храм или детские ясли.

- Интенсифицировать посылку писем, „написанных верующими” своим епископам, с требованием, чтобы священники перестали заниматься политикой в церковных стенах.

- Показывать единство партии — никаких виноватых, никаких чисток.

Чехович добавил к этому, что первые секретари региональных комитетов партии, якобы, боятся, что „противник организует собственные террористические группы для ликвидации членов партии”.

Подпольная печать сообщила и о спецоперациях. „9 ноября около 23.30 час. группа работников госбезопасности вышла из двух служебных машин, разошлась в разные стороны и покрыла стены грубыми и оскорбительными для священника Попелюшко надписями” („Бюллетень лодзки” № 53). „Листовки, распространявшиеся службой госбез-

* Причисление католической Церкви к лику блаженных (от лат. „беатус”), основой которого является мученичество за веру; место и форма церковного почитания блаженного определяется Ватиканом. Впоследствии, после определенного процесса, блаженный может быть причислен к лику святых.

опасности на предприятиях Тчева, показывали, как на будущие жертвы, на священников Янковского и Циневича. Последний — настоятель прихода св. Марии, инициатор богослужений за родину” („Вядомощи” № 126).

*

Артур Куява, председатель судилища в То-руни, жесткий и верный партийный судья. Во время военного положения он безотказно приговаривал всех солидаристов к максимальным срокам. Но здесь дело было сложнее. Обеспечить надо было две совсем другие задачи:

Во-первых, не допустить, чтобы в процесс был втянут начальник ведающего делами религий 4-го отдела министерства внутренних дел генерал Зенон Платек, а тем более министр внутренних дел Кишак, чтобы не было речи о каких бы то ни было приказах, чтобы ранг обвиняемых не поднимался выше заместителя Платека, полковника Адама Петрушки, с которым капитан Пиотровский обсуждал направленные против Попелюшко „решительные действия”, ну, например, „хорошенький несчастный случай”, в результате которого Попелюшко должен был „исчезнуть”.

Во-вторых, показать, что зверская расправа над священником была реакцией преданных наукому социализму офицеров, глубоко возмущенных антиправительственными, а следовательно и антинародными, проповедями Попелюшки. Речь прокурора Петражинского была скорее обвинительной речью против замученного священника, чем против его палачей:

„Он (Попелюшко) обращался к революционным действиям, находящимся в противоречии с действующим законодательством и принципами его профессии”. Он стал *„жертвой обвиняемых, которые чувствовали себя призванными к действиям, не связанным никаким правом, и, как и сам Попелюшко, полагали, что будут защищены...”*

Яснее не скажешь. Убийство Попелюшки раскрывается как результат столкновения двух непримиримых и неспособных к компромиссу начал, причем зачинщиком оказывается, конечно, Попелюшко. Своим наглым противозаконным поведением он, якобы, вызвал патристический гнев убежденных защитников социализма, спровоцировал их на незаконные действия. И суровые приговоры суда — 25, 25, 15 и 14 лет заключения, — вынесенные людям, пусть не вполне корректно, но защищавшим золотую мечту челове-

ства, лишь подчеркивают нелепость суда, его преданность идеалу права, которое не позволено нарушать никому в социалистическом обществе...

Процесс нанес тяжелый удар по искренней готовности к компромиссу как председателем „Солидарности” Леха Валэнсы, так и Примаса польской Церкви кардинала Юзефа Глемпа. И если 8 февраля, говоря о торунском судилище, Валэнса еще мог сказать: „Мы хотели бы видеть в этом процессе знак того, что власти стремятся к национальному примирению”, то после ареста 14 февраля у него на квартире Лиса, Михника и Фрасынюка, он вместе с Яском Куронем призвал своих соотечественников „непоколебимо противостоять ненависти и репрессиям, так чтобы было ясно, что поляки не отнесутся пассивно к этой новой волне”, и сам, подавая пример, несмотря на вызов к прокурору и прямую угрозу тюремного заключения, повторил призыв к назначенной на 28 февраля всеобщей пятнадцатиминутной забастовке протеста против намеченного правительством повышения цен на продукты первой необходимости.

И правительство отступило, применив испытанный прием подсказанной партией „инициативы низов”. Казенным профсоюзам было, очевидно, подсказано от имени рабочего класса ходатайствовать о пересмотре решения о повышении цен. Ходатайство было удовлетворено, и назначенная „Солидарностью” забастовка стала беспредметной. Формально сыграли вничью. Фактически же каждый рабочий знает, что власть отступила под угрозой забастовки, понимая, что потеря 15 минут рабочего времени в случае повышения цен ей не отделаться.

На жесткий отпор наткнулась и начатая на торунском суде травля польской Церкви. Примас Польши кардинал Глемп 11 февраля заявил, что проповеди о. Ежи Попелюшко с богословской точки зрения были безупречны и что, хотя поведение некоторых священников не нравится властям, „нет никаких доказательств какого бы то ни было нарушения законов”.

А польский Епископат 15 февраля пошел значительно дальше и опубликовал коммюнике с решительным протестом против антицерковной кампании властей и с прямым утверждением, что „подрывать авторитет Церкви, которая находится на службе народу, несправедливо и направлено против общенационального блага”.

Что происходит в Югославии

Редакцию „Посева“ посетил Михаил Николаевич Михайлов, писатель и общественный деятель, русский, ролившийся и выросший в Югославии. Мировую известность принесли ему путевые записки „Лето московское 1964“, переведенные на многие языки; в феврале 1965 г. — 20 лет тому назад — по-русски их начал печатать журнал „Посев“. В том же году наше издательство выпустило их отдельной книгой. За эти записки М. Михайлов начал подвергаться преследованиям властей: советский посол в Белграде заявил протест, Тито обругал книгу — и автор тут же был арестован.

Впоследствии за ряд статей и высказываний, а также за попытку создать в Югославии независимый оппозиционный журнал, М. Михайлов отбывал тюремные сроки в 1966—1970 гг. и в 1974—1977 гг., в общей сложности 7 лет. В 1968 г. по-русски вышла его вторая книга „Русские темы“ („Посев“ публиковал ее части: „Абрам Терц или бегство из реторты“ и „Мертвый дом Достоевского и Солженицына“).

В мае 1978 г. под давлением властей М. Михайлов вынужден был выехать из Югославии и с тех пор преподает русскую литературу и философию в разных университетах США; в настоящее время — в Западной Германии. За эти годы он опубликовал еще две книги: „Ненаучные мысли“ и „Планетарное сознание“.

М. Михайлов на Западе не прекратил общественной деятельности: он председатель Совета Демократического Интернационала — международного объединения диссидентов из коммунистических стран и стран правой диктатуры.

Интервью, которое у М. Михайлова взял Я. Трушнович, посвящено нынешнему положению в Югославии.

— Коммунистическая Югославия была неотрывно связана с именем Иосипа Броз Тито. Но уже почти 5 лет, как страна существует без него. Произошли ли там за это время какие-нибудь перемены?

— Известная американская журналистка Флора Люис написала недавно: трагедия Югославии в том, что там после смерти Тито ничего не изменилось. Это неверно, изменения есть, и большие. Начать хотя бы с требований изменить существующее положение: почти сразу после смерти Тито (4 мая 1980 г.) Югославию буквально захлестнула волна писем, петиций, обращений с требованиями либерализовать режим, амнистировать политических заключенных, отменить статью о „клевете на социалистический строй“ (которая примерно соответствует советской 190-1, но сроки за нее у Тито давали больше). Эти документы подписывали сотни известных людей в Сербии, Хорватии, Словении и т. д. Пока был жив Тито, на такие шаги не решались.

В следующем, 1981, году произошло важное событие, которое тоже, надо думать, навряд ли было бы возможно при жизни Тито: в автономной области Косово, населенной главным образом албанцами, начались волнения, переходившие местами в вооруженные столкновения с милицией, а потом и с войсками: в Косове было объявлено военное положение — за полгода до введения военного положения в Польше, — фактически не отмененное до сих пор.

— Чего, конкретно, хотят косовские албанцы?

— В основном они требуют, чтобы Косовская автономная область стала одной из фе-

деративных республик. Логика тут есть: в республике Словении 1,8 млн. населения, а в республике Черногории всего около 560 тысяч. Население же Косова насчитывает 2 млн., из которых 83% албанцы. Но с другой стороны, само название Югославия подчеркивает, что это славянская страна.

Как в большинстве национальных движений, его носители в Косове — студенческая молодежь, интеллигенция. А поскольку в главном городе Косова, Приштине, после 1956 г. был создан университет и Академия наук, то культурная жизнь албанцев стала бурно развиваться. Мы знаем, что такие периоды часто сопровождаются национальными порывами.

— Теперь, может быть, мы вернемся к общему положению в Югославии?

— Прежде всего следует отметить, что Тито ушел, оставив в наследство очень сложную систему управления. Глава государства меняется ежегодно, и невозможно сказать, у кого конкретно власть. За годы и годы все привыкли, что решает все Тито. Югославская же конституция (кстати, после войны ее меняли 4 раза), как и все коммунистические конституции, обещает много свобод и прав, в том числе республикам и автономным областям. Но в то время как при Тито все покорно соглашалось, что конституция нужна для показа и пропаганды, — теперь, когда не стало центральной личности, началось то, что Джилас назвал „феодализацией“. В стране 8 коммунистических партий: 6 в республиках и 2 в автономных краях — а хозяина над ними больше нет. Доходит до абсурда: в то

время как в Европе разные страны давно объединились в Общий рынок, — в Югославии все еще не удастся создать свой межреспубликанский общегославский рынок. По конституции решения должны приниматься единогласно — следовательно, каждая партия может наложить вето на решения других. В результате — вообще невозможно принять никакого решения. Недавно ЦК компартии Сербии внес революционное предложение изменить конституцию, поскольку при нынешней вообще невозможно стабилизировать экономику в стране.

Как и следовало ожидать, против этого сразу же выступили компартии Словении, Боснии-Герцеговины... вообще все локальные „феодалы“.

— Вы упомянули о стабилизации экономического положения в Югославии. 20 лет тому назад, когда „Посев“ получил сначала Ваше „Лето московское“, а потом статьи, — Вы уже писали о тяжелом экономическом положении Югославии и о том, что она уже тогда должна была западным странам около 6 млрд. долларов. Насколько известно, экономический кризис там не уменьшился?

— Экономический кризис в Югославии достиг громадных размеров и еще усугубляется общемировым кризисом. Сегодня Югославия должна Западу уже 21 млрд. долларов. Если это разложить на душу населения, то каждый югослав должен на 100 долларов больше, чем поляк, а о польских долгах сколько писалось! Причем это — официальные данные. Есть обоснованное подозрение, что на самом деле задолженность еще больше, что в указанной сумме отражены лишь федеральные долги, долги же отдельных югославских республик вообще не публикуются.

— Как относятся к этому западные страны? Могут ли они прекратить финансирование югославского режима или поставить определенные условия югославскому руководству?

— Соединенные Штаты, если упомянуть главного заимодавателя Югославии, всячески стараются помочь югославским лидерам выйти из экономического кризиса. В 1984 г. они снова получили 6 млрд. долларов от США и Международного валютного фонда. Западные политики не видят никакой альтернативы нынешнему югославскому коммунистическому режиму и опасаются, что страна может распасться и в ней может начаться резня, подобная той, что была в Югославии во время Второй мировой войны. И

что во время этих беспорядков Советский Союз попытается прибрать ее к рукам.

— Но ведь все специалисты неоднократно говорили о выгодном географическом положении Югославии — это единственная социалистическая страна, у которой нет общих границ с СССР, и, чтобы в нее вторгнуться, советские войска должны были бы пройти через одну из социалистических стран.

— Все это верно. Но эти страны — члены Варшавского договора и связаны определенными обязательствами. Очевидно, и обязательством в случае надобности пропускать войска через свою территорию. Но главная опасность не в этом. Сам Советский Союз войска не двинет, надо, чтобы его „пригласили“. И вот, внутри самой Югославии какая-то догматическая группа вероятно готова была бы сыграть роль Гусака.

— Как велика эта группа и какой ее возрастной состав? Не остатки ли это старых коммунистов, навчавших свою карьеру в сталинские времена?

— Нет. Например, хорватские партийные деятели среднего возраста (вокруг 40 лет), которые сейчас очень активны, выступают почти что со сталинских позиций. Пока что восхваляя Тито („при нем был порядок“). Но завтра, если потребуются, они могут обвинить Тито в том, что он порвал со Сталиным и развалил страну и что спасение Югославии в тесной связи с Советским Союзом. Сегодня передачи радио Загреба звучат, как в 1945—1948 годах, — в частности восхваляется советская коллективизация.

Или вот другой пример. В начале 1984 г. идеологическая комиссия ЦК компартии Хорватии составила „Белую книгу“ об „антисоциалистических тенденциях“ в югославской прессе, причем для подтверждения своих точек зрения Комиссия использовала цитаты из „Правды“ и материалов ТАСС — вещь в нынешней Югославии небывалая. Из примерно 100 авторов „неправильных“ высказываний, упомянутых в Белой книге, примерно 70 — сербы. Потом произошла другая знаменательная вещь: эту Белую книгу, чтобы познакомить с ней возможно больший круг людей, быстро опубликовали в Белграде — без ведома руководства компартии Сербии. А это руководство тут же ее запретило — хотя она и была составлена Комиссией ЦК хорватской компартии!

Но вскоре на зажим пошла и компартия Сербии — очевидно, под влиянием хорватских, боснийско-герцеговинских и словенских коммунистов. Так, например, в Белгра-

де 20 апреля 1984 г. во время доклада на частной квартире было задержано 28 диссидентов и среди них Джилас.

— Вы говорите о деятельности группы, которая устраивала доклады на подобие тех, что читались в Польше?

— Да. В Белграде уже с 1975 г. существовал так называемый Открытый университет, созданный по частной инициативе. Его участники из этого тайны не создавали, об Университете упоминали даже в прессе (например, его критиковала сараевская газета „Освобождение“). От 20 до 50 человек, студенты и профессора, по своим убеждениям скорее „новые левые“, собирались 2 раза в месяц, слушали доклады и обсуждали их. До апреля прошлого года...

Задержанных отпустили — кого через несколько часов, кого через несколько дней. Но вскоре один из участников этих собраний, Радован Радович, был найден под Белградом убитым. Убийцы не найдены, и даже было сообщение, что он скорее всего покончил самоубийством. Однако, если учесть, что это был один-единственный рабочий среди участников Университета и что он намеревался начать создавать свободные профсоюзы наподобие польской „Солидарности“ — возникает много обоснованных подозрений насчет виновников этого убийства.

Хотя убийство Радовича вызвало взрыв возмущения, преследования продолжались, и в июле 1984 г. один из участников этих собраний, доцент сараевского университета д-р Воислав Шешель, был приговорен к 8 годам по обвинению в том, что он „намеревался собрать вокруг себя большое количество единомышленников и вовлечь их в совместную деятельность, направленную на свержение власти рабочего класса“. Единственным материалом, который оказался у обвинения, была довольно большая рукопись Шешеля — ответ на анкету белградского журнала „Коммунист“. В ней были очень смелые мысли, — но во-первых, он рукопись никак не распространял (она была найдена во время обыска в его письменном столе), а во-вторых, судить только „за намерения“... Сегодня даже в недемократической стране общество такого уже не согласно терпеть. Суд над Шешелем вызвал также целый ряд протестов, и власти вдруг решили, что он занимался не „враждебной“, а „пропагандной“ деятельностью, и снизили срок до 4 лет.

— Несмотря на протесты, зажим продолжается. Насколько опасно его усиление „всерьез и надолго“?

— Усилить зажим, а главное запугать общество, власти сегодня явно не уйдутся. Новые репрессии вызывают не страх, а новую волну протестов, причем количество протестующих не только растет, но начало приобретать организационные формы. Так, когда 5 ноября 1984 г. в Белграде начался суд над 6 участниками Открытого университета, обвиненных в том, что они намеревались заняться подстрекательской деятельностью с целью „свержения власти рабочего класса и трудящихся“, — сразу начались протесты. А 16 ноября 19 наиболее известных интеллектуальных деятелей Сербии (среди них 12 членов Академии наук и искусств!) во главе с писателем Добрицей Чосичем образовали „Комитет защиты свободы мысли и высказываний“, который пока что выступает в защиту Шешеля и шестерых подсудимых, но заявил, что и в дальнейшем будет выступать в защиту свободы мысли и высказываний — поскольку „каждый человек обладает неприкосновенным правом на собственное мнение и высказывания на основании Конституции СФРЮ и Всеобщей декларации ООН — и обязан признавать это право за другими“.

Власть с этим процессом оказалась в трудном положении. Начались протесты, подсудимые и свидетели ведут себя необычайно смело, между прочим, рассказывая, как их пытались запугать югославские органы госбезопасности — причем, иногда довольно неуклюже. Так, одному из обвиняемых глава белградской госбезопасности грозил, что его может постигнуть „судьба Йована Баровича“. Но Йован Барович, адъютант, а затем защитник Джиласа, а потом и мой, погиб в автомобильной катастрофе и, следовательно, гебист ковенно признался в убийстве. Сын Баровича, тоже адвокат, выступающий защитником на этом суде, тут же потребовал привлечения того к суду.

Процесс все тянется. При нынешней волне протестов просто „засудить“ обвиняемых трудно. Кроме того, в дело вмешалась западная общественность, а лидеры „зеленых“ из ФРГ даже приехали протестовать в Белград. Но просто прекратить процесс было бы для власти прямой капитуляцией, потерей лица и незаконным шагом, который показал бы, что и предыдущий шаг, предание суду, был незаконным.

— Вы сказали, что в Югославии вообще сегодня много протестов. О каких еще протестах, наиболее характерных, Вы могли бы рассказать?

— Пожалуй, самое характерное событие, показывающее, как далеко зашел кризис в стране, — протест бывших участников Испанской гражданской войны. На борьбу против Франко югославская компартия посылала в интербригады самых отборных, самых надежных коммунистов, готовых идти на смерть. Впоследствии в Югославии было создано Общество бывших участников Испанской войны, в котором было больше тысячи человек, сегодня в живых осталось около 160 человек. 22 октября 1984 г. в Сараево они устроили съезд, на котором резко критиковали положение в стране, требовали созыва внеочередного съезда компартии Югославии, требовали освобождения шестерых обвиняемых, о которых мы только что говорили. Особенно было знаменательным выступление генерала в отставке Гойко Николиши. Конечно, они выступают с позиций „истинного социализма“, — но ни в коем случае не со сталинистских позиций, как, казалось, можно было бы ожидать и как делают молодые хорватские партийные лидеры. Их позиции скорее диссидентские, которые ближе всего к позициям, с которых начал Джилас и которые он изложил в книге „Новый класс“.

— В Югославии вышло немало книг о терроре в Советском Союзе, и к ним большой интерес. Так в частности, книга сподвижника Тито, австрийца, члена югославской компартии Штайнера выдержала 20 изданий. Но уже выходят и книги о лагерях в Югославии...

— Да, такие книги есть. Только в 1983 г. в Югославии вышло 3 книги о лагерях при Тито. Автор одной из них („Второе мгновение“), член Сербской академии наук и искусств Антоний Исакович. В 1948 году, когда произошел разрыв между Тито и Сталиным, коммунистам на собраниях предлагали свободно высказываться. А тех, кто высказывался против разрыва со Сталиным, — тут же на выходе арестовывали и сажали в лагерь как сталинских шпионов. Никакими шпионами они, конечно, не были — настоящих шпионов Тито расстрелял.

Титовские лагеря были в некотором смысле утонченнее и хуже сталинских: если в сталинских над политическими издевались

уголовники, да и то как бы противозаконно, то в титовских было официально введено „самоуправление“ заключенных, причем политических нужно было „перевоспитывать“, избивая их (часто до смерти, погибла примерно 1/3 всех заключенных), заставляя зубрить наизусть покаяния и другие тексты, заниматься самообвинениями на собраниях заключенных. Лагеря Тито скорее можно сравнить с лагерями Мао.

— Можно ли делать какие-нибудь прогнозы — политические и экономические — по поводу будущего Югославии?

— Запад и в дальнейшем будет делать искусственное дыхание руководству Югославии, так как не видит альтернативы коммунистическому режиму. Да сегодня и на самом деле в стране нет организованного оппозиционного движения, как нет его и в других коммунистических странах. Обстановка в Югославии напоминает обстановку в Польше за год или два до появления „Солидарности“. Но Югославия многонациональная страна, и партия все время натравливает одну национальность против другой — к сожалению, не без успеха. Однако за последние годы начали появляться документы, подписанные совместно диссидентами из разных югославских республик. Так, сербы и хорваты подписали несколько петиций в защиту албанских студентов. Такие многонациональные документы вызывают наибольшую тревогу властей и наиболее резкие нападки. Лидеры хорватской компартии даже придумали название этому явлению — „петиционизм“.

Экономическое положение в Югославии ужасно. С 1 января 1985 г. снова повысились (на 40%) цены на большинство товаров, якобы „по требованию западных финансистов“ и якобы для того, чтобы улучшить экономическое положение. Однако с югославским „самоуправлением“ положением не улучшишь: специалисты открыто говорят, что это „самоуправление“ идет не дальше решений, какого цвета покупать туалетную бумагу для заводских уборных. Начиная с 1948 г., по сей день Югославию экономически несет на своих плечах Запад.

— Чтобы югославские лидеры не переметнулись на сторону СССР?

— Не только. Запад, особенно США, опасается, чтобы в случае краха власти не началось межнациональная резня, как в 1941–1945 годах. Как-то в разговоре с одним высоким

американским чиновником я сказал, что США в 1983 г. дали Югославии 6 млрд. долларов, в 1984 дадут больше — и все как в бездонную бочку.

Он ответил, что они готовы дать и 10 и 20 миллиардов. Это будет дешевле, чем если в Югославии начнется „Вьетнам“ — тогда надо будет бросать туда по 100 миллиардов в год. Поскольку Югославия не входит в Варшавский договор, Запад не может вести себя так, как он ведет себя по отношению к Польше: в Югославии он должен будет помогать одной из сторон.

— Вы считаете, что западные политики не видят возможности демократизации Югославии? А как думаете Вы лично?

— Я думаю, что впервые в истории Югославии существует возможность ликвидировать однопартийный коммунистический строй своими собственными силами. Хотя мы и говорили об обязательствах социалистических стран, связанных с Варшавским договором, Югославия все-таки не находится в такой близости от Советского Союза, как Польша. С другой стороны — Югославия уже в 1948 г. впервые разрушила монолитность социалистического лагеря. Если бы в ней была разрушена монополия коммунистической партии — это могло бы иметь еще большее значение для коммунистических стран, чем 1948 год. Запад этой альтернативы пока не видит.

Получается парадокс, как и в экономическом плане: в то время как чиновники США и другие западные политики всеми силами экономически поддерживают режим в Югославии — югославские экономисты открыто утверждают, что без политико-экономических реформ любая поддержка Югославии международными банками только осложнит экономическое положение в стране, только загонит болезнь в глубину и продлевает агонию режима, продлевает жизнь нежизнеспособных структур и помогает догматикам не проводить реформ. Американские политики оправдывают финансовую помощь Югославии, крупнейшие же югославские экономисты, такие как Бранко Хорват, даже коммунисты, говорят: „Если мы будем брать деньги, не проводя реформ, то нам будет только хуже“.

А если вернуться к оппозиционным силам в стране, то следует отметить, что если 10 лет тому назад оппозиционерами были

люди вроде меня — не обладавшие (если не считать Джиласа) никакой властью, то теперь в оппозиции сотни и сотни людей, участвующих в управлении страной.

— А каковы настроения „среднего слоя“ в Югославии? И еще: мы много говорили о критике, но мало о том, какие решения предлагают оппозиционеры?

— „Средний слой“ занимается главным образом тем, что ругает режим на чем свет стоит. Причем некоторые даже говорят: „При Тито было лучше“, подобно тому, как в СССР есть говорящие: „При Сталине было лучше“. Конечно, никогда не знаешь, не маскировка ли это, не метод ли обругать власть и одновременно обезопасить себя. ных обвинений.

Но часть левой интеллигенции и на самом деле все еще мыслит догматически. Так, например, когда Шешель — давший глубокий анализ и критику положения в стране — предлагает конкретные меры для улучшения положения, он начинает говорить о необходимости национализации залежных земель (которых в Югославии становится все больше — крестьяне уходят в города или уезжают на работу на Запад), предлагает повысить цены на бензин, на табак, на алкогольные напитки, на частные автомашины и общественный транспорт. То есть предлагает провести меры, которые только ускорили бы экономический крах.

Г Р А Н И 134

В номере: Стихи Ивана Елагина, роман Феликса Канделя «На ночь глядя» (окончание), очерк из России об Оптиной пустыни (с фотографиями и исторической справкой М. Рубцовой), статья А. Чедровой «Христианские аспекты романа М. Булгакова 'Мастер и Маргарита'», глава «Дело гражданина Миронина» из книги «Измена родине...» Виталия Рапопорта и Юрия Алексеева, «Письмо ученому коллеге» Д. Толмазина, статья Екатерины Юнг «Понимают ли они нас» (Западные писатели об СССР). Библиография.

Ужесточение наказаний за воинские преступления

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Президиум Верховного Совета СССР почти одновременно издал два указа. Первый — о присвоении звания Героя Советского Союза за шестерым офицерам: подполковнику Щербакову, старшему лейтенанту Плосконосу и другим. Второй — о внесении изменений и дополнений в закон о воинских преступлениях. Казалось бы, нет ничего общего между наградой за „выполнение интернационального долга в Афганистане“, как сказано в тексте первого указа, и ужесточением уголовного наказания за воинские преступления, о котором идет речь во втором. Но связь есть. Кнут и пряник, наказание и поощрение — две стороны одной проблемы, имя которой — дальнейшая милитаризация Советского Союза.

Закон „Об уголовной ответственности за воинские преступления“ был принят 25 декабря 1958 г. и действует вот уже четверть века. Закон состоит из 33 статей и текстуально воспроизведен в уголовных кодексах союзных республик. Новое внесено в Закон от 25 декабря 1958 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г.

Особенностью воинских преступлений является то, что субъектом воинских преступлений может быть только военнослужащий или военнообязанный. В связи с тем, что миллионы людей в СССР несут службу в Вооруженных силах, состоящих из трех самостоятельных армий, входящих как в систему Министерства обороны СССР, так и в систему Министерства внутренних дел СССР и в Погранвойска КГБ СССР, а кроме того, трудятся в широко разветвленной сфере оборонной промышленности, сейчас в юрисдикцию военной юстиции входит не менее 12 миллионов советских военнослужащих.

Коренным изменениям подверглись 6 статей. В законодательство включены два совершенно новых состава преступления. Это статья 15¹ (нарушение правил обращения с оружием, а также с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих — с максимальным сроком наказания 15 лет) и ст. 24¹

(халатное отношение к службе — с предельным сроком до 10 лет).

И до издания нового указа ответственность за воинские преступления была суровой. В 16 статьях была предусмотрена высшая мера наказания — смертная казнь. Однако новый закон еще более ужесточает наказание по ряду составов преступлений, которые по мнению „законодателя“, т. е. руководства КПСС, грешат мягкостью и либерализмом. Усилено наказание за оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного; за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности; за нарушение уставных правил караульной службы; за злоупотребление властью, превышение или бездействие власти. В прежней редакции по многим статьям предусматривалась дисциплинарная, а не уголовная ответственность — при смягчающих обстоятельствах. Теперь перечень деяний, по которым предусмотрено применение „Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Союза ССР“, сведен к минимуму.

Не секрет, что ссоры, драки и даже убийства в среде военнослужащих за последние годы приняли такие катастрофические размеры, что руководство партии и армии видят выход из тупика лишь в ужесточении наказания. Именно для этого юристы по заданию партии прибегли к „военной хитрости“ и исключили из диспозиций прежних норм такой квалифицирующий признак, как нахождение субъекта преступления либо потерпевшего „при исполнении обязанностей по военной службе“ во время правонарушения, а ответственность по ст. 8 Закона не стала ограничиваться лишь случаями оскорбления.

Усилена уголовная ответственность за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Кроме того, виновные в уклонении от военной службы продолжают ссылаемые свыше месяца теперь наказываются более строго.

Чем же вызвано усиление наказания за воинские преступления?

В последние годы в советском юридическом лексиконе появился термин „актуальный”: актуальное дело, актуальный приговор. С актуальностью связаны правовые кампании, периодически проходящие в СССР и отражающие политические и экономические изменения, происходящие в советском государстве. Если внимательно просмотреть республиканские кодексы, то можно увидеть частокол значков „1”, „2”, „3” в дополнительных статьях. За последние 15 лет уголовное законодательство Советского Союза обновилось почти наполовину. Такого парадоксального явления не знает ни одна правовая система стран свободного мира.

Если вчера под понятие „актуальное преступление” в СССР подпадали преступления в сфере народного хозяйства, то сегодня актуальными стали воинские преступления.

Какие же факторы обусловили эту актуальность?

Прежде всего это 5-летняя война в Афганистане, война настоящая, где награждают боевыми орденами и звездами Героев, назначают пенсии инвалидам и выписывают похоронки родственникам убитых. Война — это реальная возможность быть убитым. Или взятым в плен. Или оказаться под трибуналом. Вот как объяснил корреспонденту „Посева” причину сдачи в плен рядовой Нико Варварян: „У меня были плохие отношения с моим лейтенантом и он обещал, что посадит меня в тюрьму.”

Другой фактор — это общая военизация жизни в СССР, а отсюда увеличение числа военнослужащих и расширение штатов оборонных предприятий, военных заводов, „почтовых ящиков”, и, следовательно, соответствующее увеличение конфликтов между этими людьми.

Есть еще один аспект в проблеме усиления наказания за воинские преступления. Советское руководство не признает как факта войны в Афганистане, так и факта милитаризации советского государства. Давайте сравним старый и новый тексты ст. 10 Закона. В ней говорится о самовольном оставлении части. По прежнему тексту максимальной мерой наказания в мирных условиях было 5 лет, а в военное время — 10 лет лишения свободы. В измененной редакции наказание в военное время оставле-

но прежним, а вот в мирное время повышено до 7 лет. Этот „маневр” законодателя свидетельствует о том, что руководство КПСС искусственно приближает наказание за действия, которые якобы произошли в мирное время, к наказанию военного времени. Иными словами, партия нашла лазейку для расправы правовыми средствами с непослушными военнослужащими в Афганистане, не прибегая к объявлению войны в этом регионе мира.

Нам осталось лишь попытаться прогнозировать, какое влияние окажет новое законодательство на вспышку воинских преступлений. Думается, что ужесточение наказания — смертная казнь и длительные сроки лишения свободы — на первых порах снизят преступность в армии. Но эти жесткие меры не дадут ожидаемого властями профилактического эффекта, поскольку, и это хорошо знают советские руководители, эффективная борьба с преступностью требует системно-комплексного подхода. Для ослабления криминогенных факторов нужны крупномасштабные политические, экономические и социальные мероприятия по повышению благосостояния и культурного уровня членов общества. Но прежде всего, необходимо искоренить причины, порождающие преступность. И как первый шаг для сокращения воинских преступлений необходимо прекращение военных действий в Афганистане и прекращение военизации советского общества и государства.

Тенденция только что вступившего в действие законодательства о воинских преступлениях находится в явном противоречии со словами идеолога советского коммунизма К. Маркса, который сказал, что „со времен Каина жестокость еще никогда и никогда не исправляла”...

Военное обозрение

● Официально военный бюджет СССР на 1985 г. определен суммой 19 млрд. 50 млн. руб. (он был увеличен по сравнению с 1984 г. на 12%). Но на эти деньги можно более или менее поддержать боеспособность армии лишь такой страны, как Италия. Один только строящийся в настоящее время в Николаеве атомный ударный авианосец будет стоить около 8 млрд. руб. А содержать надо армию численностью в 6 млн. чел. (это больше, чем китайская и американская ар-

мии вместе взятые). Очевидно, что постройка казарм, оборудование полигонов, различных ракетных позиций и т. д. засчитываются как „мирное” строительство, финансирование же военных училищ и академий идет из бюджета министерства образования, а ядерные вооружения проходят по смете министерства среднего машиностроения. Сколько на самом деле стоит СССР его армия?

● С 1950 г. в СССР было построено свыше 650 подлодок. Однако качество советских подводных лодок оставляет желать лучшего. Виновата, разумеется, прежде всего коммунистическая экономическая система, — но также и гонка за количеством в ущерб качеству. За последние годы стало известно о нескольких катастрофах на подлодках, хотя любая авария на военных советских судах является стражайшей тайной.

● В „Правде” от 2 февраля 1985 г. маршал СССР В. И. Петров был представлен как первый заместитель министра обороны. Столь высокое назначение Петрова, поставившее его на четвертое место в военной иерархии (после маршалов Соколова, Ахромеева и Куликова), сосредоточивает в его руках огромную власть. Будучи с 1976 г. членом ЦК КПСС, маршал Петров (1917 г. р.), выступая время от времени в военной печати, никогда не писал на политические темы — его статьи всегда касались лишь боевой подготовки войск, освоения новой техники и укрепления дисциплины. В 1978 г. маршал Петров руководил военными действиями в Эфиопии. Работавший под началом Петрова известный диссидент генерал Петр Григоренко характеризует его в своей книге следующим образом: „Василий Иванович — быстродум и человек весьма самоуверенный. Очень высокого мнения о своих дарованиях. В результате часто принимает необдуманные решения. Обидится, примет высокомерную позу, упрется. Но если ему возражат не настойчиво, просто выскажут сомнения, он способен перерешить, принять более благоразумное решение... Это все свидетельствует о высокомерии и повышенном самолюбии при безусловном наличии здравого смысла”.

● В декабре 1984 г. произошел взрыв на подземном военном заводе близ Ленинск-Кузнецкого (Кемеровская обл.). Сразу после взрыва район был окружен частями внутренних войск. Человеческие жертвы исчисляются сотнями.

Новое о «Сторожевом»

Почти 10 лет назад, 8 ноября 1975 г., на советском эсминце „Сторожевой” вспыхнул мятеж... Капитан-лейтенант ВМС США, в настоящее время военно-морской инструктор Колорадского университета, Грегори Янг посвятил этому мятежу свою докторскую диссертацию. Командование ВМС США отказалось официально дать оценку работе Янга, но в частном порядке отдельные высшие чины признали, что ему удалось наиболее полно и правдиво описать трагедию „Сторожевого”.

Эсминец „Сторожевой”, водоизмещением 3 800 т, входил в состав Балтийского флота, и к ноябрю 1975 г. он был на плаву всего около трех лет. Душой и возглавителем выступления моряков был заместитель командира корабля по политической части Валерий Михайлович Саблин. Замполитом он был явно не стандартным: в описании Янга Саблин предстает человеком, душевно вовлеченным в дело, радетелем за интересы простых матросов, разделяющим с ними тяготы морской службы. Без обычного формализма пытался он поставить и политучебу на корабле: основы научного коммунизма в его изложении и освещение текущих политических событий заметно отличались от очередной генеральной линии партии. Янг приводит любопытную деталь: еще в 1974 г. армейская газета „Красная звезда”, почуяв неладное, обрушилась на замполита Саблина с персональной критикой за уклонизм и пренебрежение политработой на корабле.

Вечером 7 ноября Саблин, как и положено, держал в кубрике „Сторожевого” торжественный доклад по случаю годовщины Октября. Часть плавсостава, также по случаю праздника, находилась в это время на берегу. Тогда-то и было принято предложенное Саблиным и поддержанное верными ему офицерами дерзкое решение: уходить в Швецию. В ночь на 8 ноября восставшие офицеры — Янг называет фамилию одного из них: Марков; всего же было их чуть более десятка — связали капитана и его помощников и заперли их в каюте, морякам же был отдан приказ сняться с бочки на рижском рейде и выйти в открытое море, держа курс на шведский остров Готланд. Дальнейшие события, по данным Грегори Янга, разворачивались примерно так.

Еще в виду советских берегов одному из матросов, несогласных с восставшими, удалось незамеченным выпрыгнуть в море и добраться до пригородного пляжа. Об этом рассказал Янгу недавний эмигрант из СССР, со слов водителя автобуса, подбравшего на берегу обессиленного матроса. Через два часа этот матрос уже сидел в штабе рижской военно-морской базы, докладывавая дежурному офицеру о событиях на „Сторожевом”. Его, видимо, сочли по случаю праздника сильно пьяным, ибо эта новость желаемого действия не возымела. Опомнились позже, когда одному из помощников капитана удалось освободиться от уз, пробраться в рубку радиста и передать на берег о случившемся.

„Сторожевой” шел полным ходом, и 320 км, отделявших Ригу от Готтланда, он мог пройти за каких-нибудь семь часов. И командование советских ВМС приняло решение остановить его любой ценой и любой кровью. В те часы операторы шведского радиоперехвата с изумлением вслушивались в идущий открытым текстом радиообмен между „Сторожевым”, с одной стороны, и истребителями-бомбардировщиками и кораблями из группы преследования, с другой. Экипаж взбунтовавшегося судна отказался выполнить приказ командования, и тогда, судя по всему, его начали бомбить. „Сторожевой” пытался, маневрируя, выйти из-под обстрела, но ответного огня не открывал. Между преследователями, видимо, отсутствовала всякая координация действий, так как в неразберихе от бомбежки и перекрестного огня пострадали больше преследующие корабли, чем „Сторожевой”. По данным шведов, в 8 часов утра 8 ноября, когда до шведского острова оставалось всего 48 км, экипаж „Сторожевого” сдался на милость победителей.

„Я много думал над причинами этой смуты, — пишет капитан-лейтенант Грегори Янг, — и пришел к выводу, что причин было множество. Тут и недовольство советской действительностью, и отвратительные условия службы и быта на корабле, и национальные трения, и запойное пьянство, и необычная личность замполита, которому экипаж привык подчиняться, и, конечно же, близость Запада... В подходящий момент эти причины и вызвали мятеж”.

При задержании „Сторожевого” погибло не менее десяти моряков. Саблин и его друзья были судимы военной коллегией

Верховного Суда, приговорены к смерти и расстреляны — все это в течение трех дней. Военный корабль „Сторожевой” был на всякий случай переведен в состав Тихоокеанского флота.

О кровавых событиях, ознаменовавших собой Октябрьские праздники 1975 г., говорили и писали — и, как мы видим, продолжают писать — везде, но только не в Советском Союзе. Там до сих пор пишут о броненосце „Потемкин”...

НТС

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, развивавшаяся в названии организации, — построение свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. НТС борется за установление существующего режима. Сегодня НТС считает необходимым проведение в нашей стране следующих перемен:

- отказ от насаждения во всем мире „братских” режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы; сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;
- обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;
- поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на ненужное нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономику принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;
- восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальных культур всех народов нашей страны; обеспечение свободы религии;
- создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

В СССР группы НТС действуют подпольно: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свои силы. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самопринимом. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу:

Postbus 902, NL—Rotterdam, Nederland (Голландия)

Энергетическая проблема в СССР

Г. ИВАНОВ

В последнее время в СССР, кроме продовольственной, появилась новая проблема — энергетическая. Специальные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР и вся советская пресса призывают экономить топливно-энергетические ресурсы.

В чем дело? Может быть, их мало добывается? Или истощаются их природные кладовые?

Обратимся к статистике. В 1982 г. в СССР было добыто 718,1 млн. т угля (второе место в мире); 613 млн. т нефти вместе с газовым конденсатом (первое место в мире); 501 млрд. куб. м газа (второе место в мире) и 24,8 млн. т торфа (первое место в мире).

Для наглядности сравним с добычей энергоресурсов в США.

В 1982 г. там было добыто 720 млн. т угля; 425 млн. т нефти; 540 млрд. куб. м газа.

Как видим, объем добычи энергоресурсов в СССР вполне сопоставим с американским. И если учесть, что мощности советской экономики составляют примерно 2/3 мощностей экономики США, то уж совсем непонятно, откуда взялась энергетическая проблема в СССР, которой нет в Америке?

Природные запасы энергоресурсов в СССР, несмотря на колоссальный объем добычи, также не истощаются, так как он обладает почти 60% мировых запасов угля, занимает второе место в мире по запасам нефти и газа, обладает большей частью мировых запасов торфа, большими запасами горючих сланцев и более 10% мировых ресурсов гидроэнергии.

Первое, но только частичное объяснение парадокса появления энергетической проблемы в СССР — это экспорт энергоресурсов, в основном нефти и газа, порядка 25% от их добычи. США же, напротив, — крупный импортер нефти.

Сократить экспорт энергоресурсов для СССР совершенно невозможно по двум главным причинам: с одной стороны, экспорт нефти и газа в капиталистические страны дает стране более 80% всех валютных поступлений, из которых почти четверть идет на по-

купку у этих же стран зерна, мяса и других продовольственных продуктов (таким образом „решается” продовольственная проблема); с другой стороны, советский экспорт энергоресурсов (нефти, газа, угля и электроэнергии) в социалистические страны привязал их экономику к советской и уменьшение экспорта энергоресурсов в эти страны может вызвать у них серьезный экономический кризис, так как 2/3 потребляемых в них нефти и газа импортируется из СССР.

Второе объяснение энергетической проблемы — нарастающая диспропорция между потребностью в энергии экономики страны и возможностью ее удовлетворения. За последние 15 лет потребность в энергии почти удвоилась. За период 1980-1985 гг. она возрастет еще на 18% за счет увеличения энергоемкости транспорта, главным образом автомобильного, сохранения большой энергоемкости химии, топливных отраслей, черной и цветной металлургии. Производство электроэнергии и добыча первичных энергоресурсов не удовлетворяют быстрорастущей потребности в них.

Производство электроэнергии за два года 11-й пятилетки увеличилось только на 5,6%, и оно, вероятно, увеличится за всю пятилетку не более чем на 10-11%. Добыча нефти за период 1980-1982 гг. выросла на 1,5%, и к 1985 году можно ожидать увеличения не более чем на 5% за всю пятилетку. Добыча угля топчется на месте: 716,4 млн. т в 1980 г., 704 млн. т в 1981 г. и 718,1 млн. т в 1982 г. и даже возможное увеличение добычи угля к 1985 г. будет крайне незначительным. Только добыча газа выросла с 1980 г. по 1982 г. на 15% и возможен ее дальнейший рост еще на 15-20% к 1985 г.

Итак, статистика ясно показывает диспропорцию между потребностью в энергии и возможностью ее удовлетворения.

Для поддержания и некоторого увеличения добычи угля, нефти и газа приходится все более вовлекать в эксплуатацию месторождения в районах со сложными природно-климатическими условиями и высокими затратами на их добычу и доставку потребите-

лям. Развитие топливно-энергетических отраслей и транспортировка энергоресурсов обходятся все дороже с каждым годом. Капитальные вложения в этих отраслях в последнее время растут в 1,5 раза быстрее, чем уровни их производства, главным образом из-за огромных затрат на поддержание уже достигнутого уровня добычи топлива. Тенденция опережающего роста удельных затрат на добычу топлива сохраняется и в перспективе на будущее. Академик А. Г. Аганбегян в своей книге „Управление и эффективность” (М., 1981) пишет:

„Если 20 лет назад увеличение добычи топлива и сырья на 1 рубль требовало 2 рубля капиталовложений, 7-8 лет назад — 3 рубля, то в настоящее время удельные капитальные вложения выросли примерно до 4 рублей, а в 11-й пятилетке превысят уже 5 рублей”.

О масштабе капиталовложений для решения проблем энергетической обеспеченности советской экономики выразительно говорит следующий пример: в 11-й пятилетке сооружается 6 магистральных газопроводов общей протяженностью в 20 тысяч км и стоимостью в 215 млрд. рублей, что превосходит суммарную стоимость сооружений БАМа, КамАЗа и „Атоммаша”. Капиталоемкость топливно-энергетических отраслей в 3-4 раза выше, чем в среднем по промышленности.

Экономисты констатируют, что „советская экономика вступает в период замедления прироста основных видов производственных ресурсов” („Вестник Московского университета”, серия экономика, № 1, 1984).

Таким образом, дальнейший экстенсивный рост топливно-энергетических отраслей невозможен, так как это потребовало бы громадных дополнительных капиталовложений.

Невозможность дальнейшего экстенсивного роста добычи энергоресурсов приводит к необходимости экономии энергии во всех отраслях промышленности, транспорта и сельского хозяйства. И Госпланом СССР была разработана особая энергетическая программа о переводе экономики страны на путь интенсивной экономики энергии и энергоресурсов. (Длинный перечень технико-экономических мероприятий этой программы читатель может найти в журнале „Плановое хозяйство” №5, 1984 г., так как нет возможности привести ее полностью в этой короткой статье.)

Этот комплекс мероприятий рассчитан на ближайшее 20-летие, а диспропорция произ-

водства и потребления энергии будет обостряться с каждым годом, так как в себестоимости большинства видов продукции топливно-энергетические затраты составляют только от 2 до 7% и при необходимости выполнять план, предпочтение будет отдаваться выполнению плана любой ценой, чем экономии топлива и энергии.

Кандидат экономических наук С. Щавелев пишет в журнале „Экономические науки” № 4 за 1984 г.:

„В большинстве случаев отрасль интересуется исключительно надежностью топливо- и энергоснабжения, так как нарушения его всегда связаны с большими потерями. В среднем по народному хозяйству ущерб от недопоставки электроэнергии оценивается не менее чем в 30 копеек за 1 квт-ч., что в 15 раз выше среднего тарифа на электроэнергию (1 квт-ч. стоит 2 копейки. — П р и м. а в т о р а). Отрасли-потребители топливно-энергетических ресурсов стремятся создавать заделы соответствующих энергоемностей, а также запасы топлива, но особенно считаясь с затратами на них”.

И даже некоторое повышение цен на топливо и электроэнергию не меняет ситуации в расточительном использовании энергии. В пересчете на единицу валовой продукции советская экономика использует энергии на 43% больше, чем Англия; на 107% больше, чем ФРГ; на 120% больше, чем Франция.

Причина неэкономного использования энергии в СССР связана не только с обязательным выполнением директивных планов любой ценой, но и с устарелым техническим оснащением почти всех отраслей экономики, имеющих высокие удельные расходы энергии и топлива.

Необходимость серьезной модернизации энергоемких отраслей — единственный способ решения энергетической проблемы. Это понимают и руководители советской экономики. Заместитель Председателя Госплана СССР А. Лалаянц сообщает, что модернизация энергоемких отраслей промышленности уже в ближайшее время могла бы уменьшить потребление энергии и топлива в среднем на 10-15%, а модернизация транспорта уменьшила бы потребление топлива на 32-36%.

К этому надо добавить, что в результате устарелой техники и технологии при добыче энергоресурсов остается в недрах и не используется (от общего объема добычи) около 30-40% угля, 50% газа и 70% нефти. Тогда как современная технология могла бы резко повысить процент использования этих энергетических ресурсов.

К потерям неиспользуемого топлива в недрах нужно добавить громадные потери высококачественного каменного угля при транспортировке, которые исчисляются в размере 71 миллиона т, то есть 10% от общей добычи угля (включая малокалорийный бурый уголь) и 13% от общей добычи высококалорийного каменного угля. Эти потери связаны уже не с техническим отставанием, а с типично социалистической бесхозяйственностью в советской экономике.

Советские потери угля во время транспорта равны примерно 1/3 добываемого угля в ФРГ и в 3,5 раза больше всей добычи угля во Франции. Между тем, в энергетической про-

грамме Госплана намечается уменьшить транспортные потери угля только на 6-7 млн. т. И реализация этой программы рассчитана... на 20 лет!

Не входя в обсуждение директивного планирования и бесхозяйственности советской экономики, как ее постоянного фактора, можно констатировать, что для значительной модернизации энергоемких отраслей нужны колоссальные капиталовложения и масштабные закупки новейшего технологического оборудования в капиталистических странах. Возможностей и средств для этого у советских руководителей в настоящее время нет.

● СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Экология в СССР сегодня

Борис КОМАРОВ

Б. Комаров, автор книги „Уничтожение природы“ (написана в 1977 г., опубликована в изд. „Посев“ в 1978 г., переведена на многие иностранные языки) работал старшим научным сотрудником в азербайджанских заповедниках (занимался вопросом питания птиц в условиях нефтяного загрязнения), затем в центральной лаборатории Управления заповедников в Москве. Готовил программы по охране природы для Научно-популярного кино и телевидения, в связи с чем имел возможность ездить по стране и собирать материалы, часть из которых вошла в его книгу. Выехал из СССР в 1981 г.

Публикуемая статья — сокращенное изложение доклада, прочитанного на собрании рабочей группы „Посева“ в Нью-Йорке.

В наше, насыщенное техникой время экология — не только вопрос уважительного отношения к природе. В большом плане это вопрос будущего существования жизни на земле. В меньшем — это проблема влияния окружающей среды на человека. Проблема эта чрезвычайно сложна и связана с многими факторами. Один из них

Разработка природных ресурсов

Неэкономичность разработки ресурсов, в особенности железной руды и руд цветных металлов (в которых заинтересована в первую очередь военная промышленность), достигла в СССР такой степени нерентабельности, что появилось много статей в советской печати, призывающих к реформам способов хозяйствования. Академик Федоренко, директор Института экономико-математических исследований, уже давно пытается заняться исследованиями, во сколько обходится пренебрежение экологическими факторами. В открытой печати уже появляются какие-то его оценки, а в закрытых докладах

ЦК КПСС он приводит конкретные данные о том, насколько доставка ресурсов из Сибири увеличивает их стоимость; к тому же доставка эта не может не давать перебоев. Группа ученых, возглавляемых Федоренко, делает очень мрачные прогнозы. Они считают, что основной природный капитал нуждается в обновлении, и предлагают на несколько лет сократить план добычи, а за это время реорганизовать промышленность и ввести в ней элемент разумного природопользования.

Добыча энергии

Пренебрежение охраной природы приводит к тому, что губятся огромные территории леса в Западной Сибири, громадные пространства тундры заболачиваются и превращаются в непригодные земли. Нефтяные горизонты заводняются, и добытая нефть содержит все больше и больше воды. За последние 2—3 года в Западной Сибири нет прироста добычи нефти, хотя туда брошена

техника и проведены трубы. Теперь в Западной Сибири основной упор делается на добычу газа.

В этом районе, где больше всего сосредоточена добыча энергии, погублены сотни тысяч квадратных километров тундры, что отрицательно влияет на климат всей Сибири. Почва тундры весьма уязвима: гусеничный транспорт, вездеходы сдирают мох и вскоре после этого на месте дороги образуются промоины в полтора-два метра глубиной и шириной более 15 метров. Эти дороги с правом можно назвать дорогами „одноразового пользования”: каждый год ездят по новой дороге, метрах в 30 в стороне от старой и между буровыми установками постепенно образуются полосы грязи километров в 20 длиной и в 3—4 км. шириной. Грязь постепенно превращается в болото. Болота превращаются в озера, озера соединяются протоками одно с другим, а потом с океаном: ведь тундра лишь чуть выше его уровня. Фактически тысячи квадратных километров постепенно превращаются в дно океана, — а ведь это была живая земля, нужная людям. В озерах там (природных, конечно, не „новообразованных”) водилась рыба, летом туда слетались утки, гуси, лебеди. Теперь, вдобавок ко всему, большое количество озер Западной Сибири погублено: в них собирается вытекшая во время бурения нефть. Попадает нефть и в океан: в Карском море полоса воздействия нефти губит все живое и меняет ледовой режим.

Советский Союз никогда не откажется от сибирского газа, — без газа он существовать не может. Но если бы и случилось чудо и добычу газа прекратили бы, то погубленная тундра сама уже не может восстановиться. Посадка же квадратного километра леса в районах лесотундры, где он был истреблен, стоит около 10 тыс. руб.

Поскольку добыча нефти не возрастает, а добыча газа мало увеличивается, то электростанций, потребляющих газ, больше не строят. Руководство возлагает теперь надежды на атомные электростанции. И на угольные. Колоссальные запасы угля в Казахстане, в Якутии. Самые большие в мире запасы угля имеются на юге Сибири — Канско-Ачинский бассейн. Добывают там лигнит — бурый уголь невысокого качества, который перевозить невыгодно. Экономически выгодно построить прямо на месте несколько больших ТЭС. И проект построить такой комбинат существует — уже строится одна электро-

станция и проектируется вторая. Один котел такой (в 3 раза превосходящей крупнейшие в мире) электростанции сжигает 500 тонн угля в час, 12 тыс. тонн в сутки. А котлов на одной станции — восемь.

Но бурый уголь содержит очень много примесей, в том числе ядовитые — свинец, кобальт, кадмий. Выбросы в атмосферу газов из этих электростанций будут отрицательно влиять на очень большую территорию. К тому же газы смешиваются с облаками и потом где-то выпадают дожди, от которых меняется кислотность почвы и воды, что губит растительность в местах, никакого отношения к промышленным зонам не имеющих. В данном случае возможен выброс кислых дождей в Монголию и Китай, что может дать серьезный повод для международного конфликта. (Так, ФРГ уже неоднократно протестовала против загрязнения своей территории газами, выбрасываемыми в атмосферу при сжигании большого количества бурого угля в ГДР.)

Надо сказать, что советские экологи все же оказали какое-то воздействие и как минимум затормозили строительство этих станций, склонив, очевидно, руководителей КПСС к осуществлению другого проекта. Дело в том, что из лигнита можно делать жидкое топливо. Но и тут, чтобы добиться производительности, нужны колоссальные масштабы, а технологии для станций, которая производила бы миллионы тонн в год, в мире еще вообще не существует. (В Южной Африке производят бензин из более качественного угля и сравнительно мало.) В СССР же вообще еще не сумели разработать технологию переработки угля в жидкое топливо, и ее нужно будет закупать на Западе.

Альтернативный путь развития энергетики — атомная энергетика. Сегодня еще очень трудно сказать, насколько она угрожает окружающей среде и здоровью людей, — для того, чтобы определить степень этой угрозы, надо еще произвести серьезные исследования, о которых общественность не узнает, т. к. в СССР все засекречено. К тому же атомная энергетика не может восполнить всего недостатка энергии, и теперь решили вернуться к старой идее о строительстве ГЭС на сибирских реках — несмотря на печальный опыт прошлого, когда ради ГЭС губились леса, заливались огромные пространства сельскохозяйственных земель, губилась рыба...

В СССР есть еще одна, на первый взгляд странная, проблема: влияние на окружающую среду военной промышленности. Хотя военная промышленность окружающей среде ничего хорошего не может принести ни в одной стране, в демократических странах общественность может контролировать ее деятельность. В СССР, как мы хорошо знаем, этой возможности нет. Кроме того, на советскую военную промышленность работает большое количество заводов, в военном ведомстве не числящихся и финансируемых другими министерствами, — в том числе и заводов сельскохозяйственного машиностроения...

В конце 60-х, начале 70-х годов на Кубани стали падать урожаи пшеницы — даже в благополучных колхозах, даже на правильно обрабатывавшихся землях. Исследование установило, что причина этого — сверхтяжелые трактора. Когда „Кировец” проходит по плодороднейшему кубанскому чернозему, то от его давления меняется вся подструктура почвы, ухудшается структура гумуса и других веществ, а структура водоносных артерий разрушается настолько, что вода перестает проникать вглубь почвы, а растекается по поверхности. Землю вспахивают, сеют, боронуют правильно, дождей выпадает достаточно — а хлеб гибнет от недостатка влаги, которая не проникает к корням.

Краснодарский и Ставропольский крайкомы, которые все время получали выговоры за снижение урожаев, ухватились за результаты исследования почвы, и Горбачев, бывший тогда секретарем Ставропольского крайкома, поддержал ученых-агрономов и других сельскохозяйственных экспертов, которые требовали выпуска легких тракторов. Возражений не было — пока дело не дошло до ЦК.

В ЦК стали возражать военные. Почти все тракторные заводы в СССР — одновременно танковые заводы. Если начать выпускать легкие трактора, то военным придется строить новые танковые заводы и выделяться из министерства сельскохозяйственного машиностроения... В результате тяжелые трактора продолжают выпускать.

Слишком тяжелые трактора работают и в лесном хозяйстве. Они настолько уродуют лесную почву, что на ней впоследствии приживается лишь 10—15% из того, что должно было бы прижиться.

Около 30 лет назад началась разработка проектов по переброске сибирских рек в Среднюю Азию. А Вычегды и Сухомы — в Волгу, с тем, чтобы пополнить дефицит воды в Каспийском море. Сейчас есть решение ЦК о воплощении проектов в жизнь. По всей вероятности эти проекты задевают население страны больше, чем все другие проекты власти, поскольку они, кроме всего прочего, врываются в историю страны, уродуют реки, которые все знают и с которыми много связано.

В 133-м номере „Граней” опубликован большой материал, показывающий, насколько озабочены серьезные ученые, имеющие отношение к этому проекту. Ведь за 30 лет так и не удалось получить минимальных данных чтобы решить, можно и нужно ли перебрасывать эту воду и сколько именно. Хотя каждое ведомство при разработке этого проекта отстаивало свои собственные интересы, ученые московского Института географии (и другие ученые) все же сумели высказать свое мнение. Было проведено несколько исследований, которые показали, что переброска сибирских вод в Среднюю Азию чревата опасными последствиями. В частности, тот факт, что в Ледовитый океан прекратится поступление большого количества пресной воды из Оби и Иртыша, будет способствовать ухудшению климата.

Также большой вопрос, необходима ли вообще Югу эта сибирская вода.

Я не согласен с мнением, что существует угроза опустынивания Юга, и считаю, что в Средней Азии достаточно воды. Просто воду расходуют до безобразия нерационально, бесхозяйственно. Если бы там ввели современную технику орошения, дефицит воды сократился бы до 80%. В Израиле, например, где тоже засушливый климат и есть пустыня, используется капельное орошение: вода подводится по трубам и к растениям поступает через капельницы (а не по арыкам, в которых масса воды теряется и которые губят землю). И то считают, что там немало воды расходуется бесхозяйственно.

Что касается Аральского моря, то его высыхание не является катастрофой. Уровень же воды в Каспийском море то повышается, то опускается. Сейчас есть данные, что он идет на подъем. Во всяком случае, вопрос о высыхании Каспийского моря — неясный вопрос. Угроза опустынивания идет не от па-

дения уровня в Аральском море и в Каспии. Угроза опустынивания идет от методов ведения сельского хозяйства на Кубани, в Ставрополе, в Калмыкии, — где переэксплуатируют землю выпасом животных и сухая степь начинает превращаться в песок.

Разумеется, какие-то переброски вод надо произвести, в соответствии с нормальным развитием сельского хозяйства, без вмешательства власти. А здесь власть хочет получить на Кубани нехватящее количество хлеба и намеревается для этого перебрасывать

волжскую воду. Но для того, чтобы вырастить этот хлеб, вовсе не нужна волжская вода; нужно всего лишь отменить колхозно-совхозную систему. Но даже если рассматривать положение с позиций ЦК КПСС, то и тогда нет надобности губить или Север, или Юг — можно найти компромиссные варианты переброски допустимого количества воды для разумного его использования. Пока же просто пробивается идея выполнения продовольственной программы — ничего хорошего не получится.

Итог пьяного безумия

Распространяемое Самиздатом краткое изложение социологического исследования, проведенного группой ученых Сибирского отделения АН СССР в 1983 г.

Русскую интеллигенцию всегда мучили три вопроса: что происходит? кто виноват? что делать? На наш взгляд, эти три вопроса стоят сейчас особенно остро в отношении проблемы алкоголизма в нашей стране.

Мы построили график потребления алкоголя на душу населения с 1900 по 1980 г. Расчеты делались в литрах абсолютного алкоголя. Литр абсолютного алкоголя — это литр стопроцентного спирта; он равен соответственно 2,5 литрам водки.

1905 г., „пьяная“ царская Россия. Мы пили 3,5 литра абсолютного алкоголя на человека в год. 1910 г. — 3,6 литра. Затем производство и потребление алкоголя в стране резко возрастает, и в 1914 г. — 4,7 литра. В 1914 г. в нашей стране был введен „сухой закон“, который продержался 11 лет, до смерти В. И. Ленина. В 1924 г. „сухой закон“ был отменен, и в 1925 г. мы потребляли 0,8 литра абсолютного алкоголя на человека в год. В 1940 г. — 1,9 литра. Во время войны производство и потребление алкоголя резко упало (статистические данные отсутствуют), большинство винокуренных заводов было закрыто. На уровень 1940 г. — 1,9 литра — мы вышли только в 1952 году. А начиная с 60-х годов с алкоголем у нас в стране стало твориться нечто невообразимое. В 1980 г. мы превысили уровень потребления алкоголя по сравнению с „пьющими“ странами в 2,5 раза и потребляли 10,8 литров абсолютного алкоголя на человека в год. Построенный нами график показывает, что прямая потребления алкоголя к 2000 г. выводит нас на уровень 20 литров абсолютного алкоголя на человека в год.

С 1980 по 1983 г. никаких радикальных изменений не произошло. Скорее можно говорить об ухудшении положения: в 1983 г. была снижена цена на водку — появилась дешевая водка по цене 4 руб. 70 коп., а также снижены наценки на водочные изделия в ресторанах. В 1983 г. мы выпили по 12 литров абсолютного алкоголя на человека. Это 30 литров водки. В 1983 г. на каждого советского человека — и на младенца, и на старушку, и на непьющего мусульманина, и на пьющего христианина — на каждого было выставлено в магазинах по 60 бутылок водки, эта водка была куплена, и все это море водки было выпито.

В 1980 г. в нашей стране было 40 миллионов алкоголиков и пьяниц — причем только официально зарегистрированных. И если в ближайшие годы не будут предприняты чрезвычайные меры, то к 2000 г. у нас в стране будет 80 миллионов алкоголиков и пьяниц. Это 65% всего трудоспособного взрослого населения.

С нами никто не собирается воевать. Все разговоры о „Першингах“ и напряженных взаимоотношениях — все это блеф. Зачем с нами воевать, если через 12–15 лет мы просто сами развалимся как суверенное государство? Государство, в котором более половины взрослого населения состоит из алкоголиков и пьяниц, не дееспособно и не обороноспособно в принципе.

В сибирских деревнях началась алкогольная разруха. В подавляющем большинстве деревень пьют все, начиная от председателя и кончая конюхом. Наш институт в этом году выращивал свеклу для Академгородка,

потому что деревня, которая должна была эту свеклу вырастить, просто спилась, там некому работать.

Самый страшный итог этого двадцатилетнего пьяного безумия — прогрессирующее вырождение нации, и в первую очередь — русской. Среди русского населения пьянство получило самое широкое распространение. Мы составили график так называемого коэффициента популяционной деградации нации. Это процент школьников, обучающихся в специальных школах для дебилов. График сдвинут относительно графика потребления алкоголя на 13 лет: мы пьем-веселимся, зачали ребенка, через год он родился, через 7—8 лет мы отправили его в подобную школу, где его будут учить говорить, держать ложку, одеваться и т. д.; плюс еще средние 4 года (в этой школе учатся 8 лет); итого — 13 лет. У этого графика идеальная корреляция с графиком потребления алкоголя. Обрывается наш график 1975 г., так как позже данные о школах для дебилов перестали публиковаться где бы то ни было: данные эти нас сильно дискредитируют. На семинаре общества „Знание” по алкогольной проблеме доцент педагогического института Меерович сообщил следующие данные: в 1982 г. 3,5% родившихся в стране детей имели тяжелые отклонения в психическом и физическом развитии, а 13% имели отклонения средней тяжести. 16,5% детей, родившихся в 1982 г., — дебилы, а это значит — каждый шестой родившийся ребенок. И все это — результат потребления алкоголя.

На одном совещании академик Углов привел следующие данные: в 1960 г., когда пьяное безумие только начинало охватывать страну, в Октябрьском районе города Ленинграда не было ни одной школы для дебильных детей, сейчас — 4. В Вологодской области в 1960 г. было всего 2 таких школы, сейчас — 18. В Донецкой области таких школ было 4, сейчас — 38.

Такое вырождение нашего народа — самая страшная трагедия за всю его тысячелетнюю историю. Трагедии случались и раньше, но рождалось здоровое потомство, способное к поступательному движению. А кого мы оставляем после себя?.. В 1983 г. мы нарожали столько дебильных детей, что в 1993 г. в таких школах будут учиться не менее 15% детей. Даже если прямо сегодня ввести „сухой закон”, то эти люди у же повиснут тяжелейшими гириями на шею на-

шего общества еще на 60—80 лет. Живительный родник, который десятилетиями питал нашу интеллигенцию, безнадежно отравлен водкой.

Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что алкоголизм — это программа вытеснения нас как нации с лица земли. За 40 лет (1940—1980) производство алкогольных напитков возросло почти в 8 раз, а если за изначальную точку взять 1950 г., то более чем в 10 раз. Тогда как население выросло всего на 35%. В 1960 г. на 1000 человек населения родилось 25 детей. В 1980 г. — 18 детей, из них трое — дебилов. За 20 лет рождаемость снизилась на 25%. Данные по смертности: в 1960 г. на 1000 человек населения — 7,1, в 1980 г. — 10,4. За 20 лет смертность возросла на 47%. Практически единственная причина этого возрастания смертности — алкоголизм. В нашей стране работает четверть всех врачей мира, все демографические показатели должны были бы улучшаться, а смертность у нас в 1,5 раза выше, чем в Китае.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, алкоголики живут в среднем на 17 лет меньше, чем непьющие. В сибирских деревнях практически нет пенсионеров-механизаторов. Люди просто не доживают до 60 лет — из-за постоянного употребления алкоголя. Они кое-как работают до обеда с единственной мыслью: после обеда напиться. Встретить в деревне вечером трезвого мужчину — все равно что встретить марсианина.

В 1975 г. сессия Всемирной Организации Здравоохранения признала алкоголь таким же наркотиком, как марихуана, героин и т. п. У нас же алкоголь до сих пор считается „пищевым продуктом”. Главный нарколог СССР Бабаян в своей книге очень изящно доказывает, что алкоголь не является наркотиком. Он задает вопрос: является ли алкоголь наркотиком? И отвечает: конечно же, нет: ведь наркотик нельзя купить в магазине, а алкоголь — пожалуйста!

Утверждается, что русский народ — извечный пьяница. Водка у русских в крови и даже в генах (есть уже и такое мнение). Однако это ложь. Пьяницами мы стали только в последние 15—20 лет. До этого мы были самой непьющей нацией из всех пьющих. До 1960 г. мы пили меньше финнов, шведов, норвежцев, американцев, итальянцев и французов.

Утверждается также, что водка продается потому, что это выгодно государству. Это тоже ложь. Алкоголь разоряет нашу страну. В настоящее время в бюджет государства ежегодно поступает 45 миллиардов рублей от продажи алкоголя. Однако убытков от его потребления — в 4 раза больше. Это подсчитывалось английскими, американскими, французскими, немецкими экономистами. Русские экономисты тоже производили подсчеты — в 1913, 1928 и 1973 гг. Вывод один: продажа алкогольных напитков обществу убыточна. В среднеазиатских деревнях, где почти не пьют, — великолепные дома, полно всякого добра, автомашины, мотоциклы. Еще тяжелее потом смотреть на умирающие русские деревни.

До 1960 г. мы выполняли и перевыполняли все пятилетние планы. Начиная с 1960 г. наша экономика как бы наткнулась на стену. Алкоголь и есть фундамент этой стены.

В 85% таких тяжких преступлений, как убийство, изнасилование, разбой и грабеж, повинен алкоголь. Хулиганство же у нас вообще не бывает трезвым.

В 1913 г. в среднерусских губерниях проводился социологический опрос, и было выяснено, что в этих губерниях 43% мужчин — трезвенники. Почти половина мужчин не брала в рот ни капли спиртного. Подобный опрос в тех же областях был проведен в 1979 г.; трезвенников при этом оказалось 0,6%. 99,4% наших мужчин пьют. Непьющих женщин в 1913 году оказалось 90%, а в 1979 году — 2,4%. 97,6% наших женщин пьют. А пьянство женщин — это самый короткий путь к нашему концу. Академик Углов рассказывает о женщине-алкоголичке, которая родила пятерых детей от пяти разных мужей. Все пять детей оказались дебилами.

В 1913 г. юношей и девушек до 18 лет, не употребляющих алкоголь, было 95%. В 1979 году таких непьющих юношей и девушек было уже менее 5%.

3 сентября 1980 г. в „Литературной газете“ академик Петровский, бывший тогда министром здравоохранения СССР, писал:

„Прежде всего следует отметить, что если в капиталистических странах потребление алкоголя продолжает расти быстрыми темпами, то в нашей стране наблюдается значительное замедление употребления спиртных напитков“.

И пишет это министр здравоохранения, человек, которому мы должны верить! И

пишет он это тогда, когда мы находимся в высшей точке нашего национального бедствия — алкоголизма!

Далее академик Петровский писал:

„Как ни парадоксально это звучит, но нас радует, что по статистике наблюдается увеличение больных алкоголизмом, потому что такое увеличение обусловлено более интенсивным выявлением этих больных“.

Министра здравоохранения радует, что у нас растет число больных алкоголизмом!

В книге „Майн кампф“ по поводу политики на восточнославянских территориях Гитлер писал: „Для них (для славян) — никакой гигиены, никаких прививок, только водка и табак“.

Этот наказ Гитлера мы сейчас и выполняем.

Рост смертности

В СССР и в восточноевропейских коммунистических странах смертность от различных сердечно-сосудистых заболеваний за последние 10 лет увеличилась на 16%, а в сельских местностях — на 52%.

Статистические данные в США указывают, что у каждого четвертого мужчины-американца от 55-ти лет и старше бывают сердечные приступы, но что смертность от сердечно-сосудистых заболеваний упала за последние 10 лет в США на 15%. Причин тому много. Во-первых, резко поднялся общеобразовательный уровень населения. Сейчас громадное большинство американцев знает о кардиологически нежелательных пищевых продуктах. И американцы в возрасте 40 лет уже знают, как правило, каково содержание холестерина в их крови. Если оно повышено, тем более если пришлось пережить приступ, американец уже не будет употреблять яйца, жирное мясо, сливочное масло (заменит его, например, растительным) и некоторые другие продукты. Во-вторых, по сравнению с 1964 г., потребление сигарет и алкоголя в США уменьшилось на 35%. В-третьих, стала в США повседневной операция по фиксации сердечных стимуляторов. В-четвертых, в США имеются тысячи кардиологических лекарств, кроме того, значительно улучшилось качество медицинского обслуживания и оборудования кардиологических центров.

При полном коммунизме будут жить одни дебилы

А. ЮГОВ

Цифры в документе новосибирских социологов звучат сильнее любых слов. Они вопиют. Мы дошли уже, оказывается, до 12 литров абсолютного алкоголя на человека в год. А к рубежу нового века выйдем, если так будет продолжаться, на отметку 20 литров (100 полулитровых бутылок водки) в год. 12 литров чистого алкоголя — это „поллитра“ с „чакушкой“ в неделю на каждого человека, включая грудных младенцев, беременных женщин и глубоких стариков. Сколько же „банок“ в неделю потребляет тогда среднестатистический взрослый строитель коммунизма?

Могут сказать, что из этой статистики нужно бы вычесть водку, идущую на экспорт. А ее тоже идет все больше. И расходов на рекламу не жалеют. Отчего не спавать и остальной мир, особенно если за твердую валюту? Правда, качество здесь должно быть лучше, иностранцам нельзя поставлять ту плохочищенную отраву, что для своих. Но экспортное количество наверняка уравновешивается неучтенным самогоном. И какой суммарный градус крепче — еще неизвестно. Зато доподлинно известно, что вреднее для здоровья.

Кривая роста алкоголизма идет круто вверх. За 30 последних лет производство алкогольных напитков возросло более, чем в 10 раз. Как следствие, за 20 последних лет рождаемость снизилась на 25%, а смертность возросла на 47%. Нет, казалось бы, страшнее цифр, чем эти, — страшнее для всего национального существования страны. Но, оказывается, есть — это стремительный рост числа рождающихся дебилов, идиотов и полудиотов, зачатых в алкогольном дурмане. Каждый шестой, родившийся в 1982 году, — дебил. Через 7—8 лет 15% детей школьного возраста будут дебилами... Где, когда, в какой стране было что-то подобное?! И что же будет дальше, если учесть, что кривая потребления алкоголя в стране непрерывно растет? Если идущий процесс решительно не пресечь, то при многократно нам обещанном коммунизме будут жить одни лишь дебилы. Не хочется шутить на эту тему, но здесь есть своя сермяжная правда...

Среди маститых теоретиков, знатоков марксизма-ленинизма, было много споров на животрепещущую тему — что такое коммунизм? Какие черты определяют эту высшую форму развитого социализма? Сейчас мы начинаем понимать, что такое коммунизм на практике. Лишь немного скорректировав Ленина, мы получим точную формулу: „Коммунизм — это советская власть плюс дебилизация всей страны“. То, что сейчас в Советском Союзе происходит, это уже не просто генетическое засорение, это — идущий полным ходом процесс генетического распада.

Авторы исследования довольно четко ответили на второй из „проклятых“ трех вопросов, постоянно мучающих русскую интеллигенцию, — „кто виноват?“. Виноваты не привычка, не климатические особенности, не исторические традиции, хотя именно на них некоторые „специалисты“ любят сваливать все беды современной России. Алкогольные „графики роста“ показывают это весьма убедительно.

Вполне понятно, что авторы исследования не могут более конкретно анализировать причины нынешнего столь необузданного пьянства. Они лишь подводят читателя к ним вплотную. Суть в том, что коммунистическая власть не устранила на деле ни одной из первопричин пьянства, бытовавших в стране до нее, — скудная жизнь, тяжелая работа, суровый климат. Зато она добавила два мощных фактора, ставших, пожалуй, основными побудительными мотивами поголовного алкоголизма: 1) экономическая безнаказанность пьянства и 2) попытка утопить в алкоголе мучительный разлад со своей совестью.

Если в любой, самой „пьющей“ стране Запада человек становится хроническим алкоголиком, то он сразу же выскакивает из общественной колес. Он быстро и неотвратимо теряет работу, возможности карьерного роста, водительские права, дом, семью. Ему есть что терять, и это, конечно, служит дополнительной преградой для разлива алкоголизма. Не то в Советском Союзе. Алкоголик теряет одну работу и тут же находит другую: люди нужны всюду и постоянно. Он знает, что даже если станет завзятым трезвенни-

ком, то не сможет купить себе квартиру или тем более дом, не сможет на „честную“ зарплату приобрести машину с гаражом, ездить с семьей на юг в отпуск, путешествовать по другим странам и т. п. И на сэкономленные деньги все равно купить нечего: на руках у населения и так скопилось свыше 200 млрд. рублей, не покрытых товарной массой. Старая поговорка „Пей, не пей, — одна живем!“ все больше трансформируется в несколько измененную — „Пей, не пей, — одинаково живем!“. Во всяком случае, пока человек замечает, что это не совсем так, он уже заключен в крепкие объятия алкоголизма.

Второй коммунистический „вектор алкоголизма“ действует во всех слоях населения. Советские люди на каждом шагу принуждены лицемерить, бояться начальства, становиться стукачами, предавать, поступаться своими принципами и идеалами, одним словом, — „жить по лжи“. И это не единичные случаи, как в свободных или даже полусвободных странах, а — система. Алкоголь же дает иллюзию освобождения от мучительных внутренних вопросов, иллюзию товарищеской солидарности, наконец, иллюзию смелости. Так уж повелось, что сегодня пьяным прощаются даже антисоветские высказывания, за которые трезвые наверняка привлекли бы к ответственности. Пьянство стало отдушиной, „экологической нишей“, эликсиром смелости, индульгенцией за совершенные и будущие грехи. Никакой наркотик ни в какой другой стране не несет и доли столь ответственных функций.

Усиленная „дебилизация страны“ есть следствие не только количества потребляемого алкоголя на душу населения. Важен еще возрастной и структурный состав алкоголиков. Кто становится алкоголиком в других „пьющих“ странах? Это обычно потерявшие жизненные ориентиры пожилые мужчины (много реже — женщины), которые и не думают больше заводить детей. А если это молодой человек, то ему крайне трудно найти партнершу, которая пошла бы на риск родить от него ребенка. Если начинает пить молодой отец семейства, то его жена будет всячески остерегаться нежелательной беременности, тем более, что в нормальных странах это, в отличие от Советского Союза, несложно.

Здесь проблема алкоголизма переплетается с другой, крайне важной социальной проблемой — сознательным планированием се-

мьи. Борьба с „дебилизацией“ не может быть успешной, пока советская женщина будет лишена естественных для сегодняшнего мира условий, позволяющих подходить к вопросу рождения ребенка продуманно, с минимальным риском напороться на генетическую или алкогольную катастрофу. В СССР нет для этого необходимого комплекса — ни всестороннего сексологического воспитания, ни доходящей до самых глухих углов системы письменных и устных консультаций, ни специализированного врачебного контроля, ни широкой гаммы противозачаточных средств и методов и непрерывных новых поисков в этом направлении. Если советская женщина опасается родить неполноценного, „алкогольного“ ребенка, то дилемма перед ней весьма узкая: либо надеяться на „авось пронесет“, либо разрушать свое здоровье бесконечными абортми.

Обеспечение нужного комплекса условий, оберегающих здоровье матери и будущего ребенка, должно было бы стать первоочередной задачей. Но у тоталитарной сверхдержавы нет для этого свободных денег: противозачаточные средства — это ведь не предметы первой необходимости, как, например, баллистические ракеты или глушительные станции...

Подобно рода „закрытые“ документы адресованы, по сути, высшему партийному начальству „для принятия мер“. За рубеж они попадают если не случайно, „по недосмотру“, то в явном расчете путем „зарубежного ажиотажа“ усилить давление на тех, от кого зависят конкретные решения. Этой же цели служит и своеобразие аргументации, в частности, сравнения с другими коммунистическими странами. Так, в публикациях ряда экономических семинаров в качестве положительных примеров указывались результаты венгерских реформ. В известном докладе Т. Заславской неоднократно в качестве образца для подражания упоминались высказывания болгарского генсека Живкова. И в данном документе промелькнуло сравнение с Китаем, — разумеется, коммунистическим. В подобных сравнениях — алиби от возможных обвинений в том, что авторы порочат социалистическую систему как таковую. („Вот, мол, в других соцстранах с данной проблемой дела обстоят гораздо лучше, чем у нас.“)

Что тут можно сказать? Конечно, национальные традиции играют немалую роль. И, например, в России или Польше всегда пили больше, чем в Румынии или Китае. Так что

сравнивать эти страны по абсолютным показателям или последствиям не совсем корректно: надо бы и для Румынии или Китая знать их „кривые роста“. Возможно, они тоже достаточно круты.

Главное же в другом. Авторы формулируют вывод четко: „Пьяницами мы стали только в последние 15–20 лет“. И это не случайно: именно 1960–70-е годы — годы полного разочарования, крушения бытовавших надежд на здравые экономические реформы, на демократизацию или хотя бы либерализацию режима. Строго говоря, с другими странами ситуацию можно будет сравнивать, когда они сравняются с нами по стажу социалистического идиотизма, медленно, но верно переходящего в идиотизм генетический.

Но, может быть, господство безысходности и ощущение полного тупика в других соцстранах не будет столь длительным? Примеры Венгрии или КНР обнадеживают. У миллионов людей в этих странах, в первую очередь, у крестьян, вместо утопий и фиктивных деклараций появились реальные цели — лучшее средство борьбы с алкоголизмом. Одни уже сельскохозяйственные реформы на уровне китайских, без всякого сомнения, нанесли бы мощный удар по той „алкогольной разрухе“, которая торжествует в советской деревне, — увы, не только в сибирской.

Такой же психологический „натяг“ и во „внутренних“ сравнениях. В среднеазиатских деревнях „полно всякого добра“ лишь по сравнению с нищими среднерусскими деревнями. И то, что там „почти не пьют“, — полемическое преувеличение. Пьют, и все больше. А война в Афганистане, без сомнения, дает еще дополнительный толчок и алкоголизму, и наркомании.

Конечно, национальные и религиозные традиции еще предохраняют среднеазиатские и закавказские народы. Антиалкогольные заповеди ислама возникли не случайно: алкоголизм в условиях жаркого климата — это верный путь к вырождению и исчезновению нации. Но коммунистическая система расширяет и разрушает даже очень прочные традиции, особенно когда она берется за дело, засучив рукава. В песне „Летела жизнь в плохом автомобиле“ герой Владимира Высоцкого весьма образно рассказывает о новых — советских! — традициях чеченцев, непьющих в прошлом мусульман:

Мы пили всё, включая политику,
И лак, и клей, стараясь гниль сболтнуть.

Мы спиртом обманули пулю-дуру,
Так что ли умных нам не обманут?

Пьем водку под орехи для потехи,
Коньяк — под шлов с узбеками
(по-ихнему — пилав).
В Норильске, например, в горячем цехе
Мы пробовали пить стальной расплав.

Да, на Юге пьют меньше, чем на Севере, на Западе — меньше, чем на Востоке (а как же пьют на Северо-Востоке!). Но причины нищеты не только, а может, и не столько в этом. Сравнительное (весьма!) благосостояние тех же среднеазиатских сел и деревень — результат в основном того, что можно назвать „солнечной рентой“: спекуляции овощами, фруктами, вином, цветами. В условиях вечного советского дефицита эта спекуляция внеконкурентна и беспроигрышна. В то же время, потенциальные преимущества собственно России — большое удельное количество земли на каждого человека, изобилие вод, рек, озер, лесов, богатая фауна, богатейшие запасы полезных ископаемых — все это Система перемалывает в ничто. В условиях здоровой экономики, при *равном* уровне организации производства, все эти факторы, несомненно, дали бы большие преимущества российскому Северу перед перенаселенным Югом. Что, собственно, видно на примере других регионов мира: „солнечная рента“ никак не компенсирует южанам вышеозначенные плюсы северных стран.

Поэтому зависимость, о которой пишут авторы исследования, не столь однозначна. Да, нищета есть безусловное следствие „развитого алкоголизма“. Но и алкоголизм — тоже функция стойкой нищеты. Особенно, если никакого выхода из этой нищеты не видно.

И, наконец, третий „проклятый“ вопрос русской интеллигенции — „что же делать?“. Академик Ф. Углов и другие социологи и токсикологи страны, профессионально занимающиеся вопросом алкоголизма, выход видят только в „сухом законе“. И к этому можно лишь присоединиться.

Издержки „сухого закона“ совершенно очевидны: бурный рост самогеноварения, огромное количество паразитирующих „посредников“, необходимость жесткой борьбы с этими двумя категориями „спайвателей“, для чего нужно существенно увеличить милицейский аппарат (состоящий, кстати, тоже из людей пьющих...). Но другого выхода нет. Все паллиативные способы борьбы с „разви-

тым алкоголизмом” уже запоздали, положение более чем трагично.

Трагизм положения осознается все больше, особенно интеллигенцией. Не зря в последнее время в советской печати стали публиковать очень резкие антиалкогольные статьи под выразительной рубрикой „Пить или.. быть? Вот в чем вопрос”*. Но с помощью статей и лозунгов бороться с теми стимулирующими алкоголизм факторами, о которых говорилось выше, — это все равно, что идти с саблей против танка. Нужны не призывы и увещевания, а целенаправленная и последовательная антиалкогольная политика правительства. Однако на протяжении последних десятилетий власти не только не предпринимали, в сущности, никаких мер против раскручивающегося маховика алкоголизма, но, напротив, лишь добавляли ему оборотов. 12 лет назад, анализируя проблему алкоголизма в стране, автор этих строк писал:

„...и в будущем партийные правители России обречены метаться между Сциллой колоссальных издержек от всенародного пьянства и Харибдой быстрого финансового и политического краха без планового снаивания народа” („Закон социалистической циркуляции”, „Посев” № 12, 1972).

Должен признаться, что я переоценил не только гуманистические наклонности партийных правителей СССР, но и их здравый смысл. Никакого метания, никакого лавирования не было и в помине. Советский корабль на всех парусах неся на скалу катастрофических последствий. Все усилия власти были направлены исключительно на то, чтобы с помощью водки изъять как можно больше денег у народа. Если власти „увлекались”, и после повышения цен на водку или коньяк потребление их существенно падало, то цены на них быстро опять снижали, пока спрос не устанавливался на „плановом” уровне. Социальные, демографические и медицинские последствия „развитого алкоголизма” советской прессой замалчиваются, бурный рост числа рождающихся дебилов остается в разряде государственных тайн. Цифры, которые приводят в своем докладе новосибирские социологи, скрываются от общественности страны, их распространение трактуется как „антисоветская пропаганда”.

* См., напр., подборку „Алкоголь угрожает нашему будущему”, стр. 13.

Партийные капитаны и штурманы боятся лишь политического краха — своего и своей касты. Издержки алкоголизма, включая катастрофические последствия генетического распада, их, похоже, волнуют мало. Им самим и их отпрыскам „дебилизм” не грозит: им есть что терять. (И есть чем закусывать...) А на их правящий век здоровых людей в России еще хватит. Тем более, что и дебилы ведь могут работать, исполнять простые технологические операции. Так сказать, роботы по-коммунистически...

Доказывая властям преержающим экономическую убыточность алкоголизма, авторы исследования ломаются в открытую дверь. Это понимает каждый здравомыслящий человек. Для любого правительства, любой государственной власти, искренне обеспокоенной общенациональными интересами, здесь нет вопроса: никакие миллиарды рублей или даже долларов не перевесят здоровья нации.

„Сухой закон” представляется единственным, хоть и нелегким, выходом из создавшегося катастрофического положения. Тем не менее, вряд ли партийные власти страны пойдут на него. И дело не только в 45 миллиардах рублей „водочной прибыли”. (Хотя, как же и их отобрать у народа? Создавать изобилие товаров и услуг социалистическая экономика за 2/3 века так и не научилась.) Но, может быть, еще существеннее — чем заполнить освободившееся время? Одними телевизионными зрелищами, футболом да хоккеем, его не заполнишь. А что же тогда, без алкоголя, будут делать „широкие массы”? Думать? Сравнить? Обмениваться мнениями на тему, например, почему Россия стала регулярно покупать зерно за рубежом? Читать неположенные книги? Слушать недозволённые „голоса”? И все это всерьез, по-трезвому? Что же получится в результате? Нет, идти на „сухой закон” для этой власти чрезвычайно рискованно.

Сегодня для партийной номенклатуры алкоголь — не только средство, позволяющее практически бесплатно использовать для своего блага колоссальное количество народного труда. Но это и отдушина, спуск пара, бессмысленное заполнение свободного времени людей — „иначе будет хуже”. Если бы возглавители КПСС были честными людьми, они должны были бы провозгласить и на всех видных местах вывесить лозунг: „Да здравствует алкоголь — верный и надежный помощник партии в борьбе за построение дебильного общества!”.

«Энтристы» за работой

НТС приходится сталкиваться с охранниками режима, органами государственной безопасности. Большинство из этих столкновений весьма шаблонны. Но об отдельных ловушках, которые ставят гебистские мастера провокации, полезно, думается нам, рассказать читателю.

На ниве эсперантизма

Так, полезно знать, что КГБ использует в своих целях само по себе вполне безобидное движение эсперантистов. Эсперантистский Союз Обществ дружбы (СОД) возглавляют тесно связанные с КГБ (или просто там работающие) Кисляк и Сааков. Эти люди систематически внушают советским эсперантистам, что хотя это движение интернациональное, советские эсперантисты не должны иметь связи с внешним миром, даже с болгарскими, чехами, словаками, восточными немцами. На конгрессы, однако, советских эсперантистов посылают. Поездка официально стоит 600 рублей. Но очень часто эсперантиста вызывают и говорят: „Вам поездка будет стоить 300. А когда вы вернетесь, то вам вернут и эти 300 рублей. Единственное, чего мы от вас хотим, — наблюдайте за тем-то и тем-то. Да и вообще советуем с нами дружить. Тогда будете еще ездить на конгрессы”.

Поездка за границу, даже в соцстраны, для гражданина СССР большой соблазн и, конечно, есть эсперантисты, готовые „дружить”. Например, известный эсперантист, профессор Исаев, не скрывает, что сотрудничает с КГБ — „в интересах эсперанто”.

Плохо скрывали свою связь с органами и советские распространители выходящей на Западе эсперантистской газеты „Герольдо де эсперанто” Йоханнес Палу и его жена Рая (Сальмо 21, 200016, Таллин, ЭССР). Супруги Палу были выездными, бывали и в капиталистических странах... КГБ использовало их для „первого знакомства” при вербовке людей: их дело было — завязать контакт, а дальнейшая „обработка” велась уже без них. Так, еще в 1967 г. Рая Палу познакомилась с представителем НТС в Голландии. Восторгу у НТС это знакомство не вызвало — оно сразу показалось сомнительным. Палу несколько раз пересылали брошюры НТС, „Посев” и

другую литературу. Но цель у КГБ была, естественно, другая. Не добившись ее и, очевидно, потеряв терпение, КГБ допустило ошибку и провалило супругов Палу: в январе 1981 г. в „Неделе” была напечатана статья „Операция супруги”, после которой порядочные эсперантисты просто перестали с Палу здороваться. Трудно сказать, зачем понадобилась КГБ статья, в которой были недостаточно замаскированы их сотрудники и не было учтено, что в узком кругу эсперантистов провокаторов будет нетрудно расшифровать. Такой „удар в спину”, естественно, привел супругов в немалое уныние и недоумение. Чтобы несколько замазать ошибку, супруга вскоре вызвали „наверх” и сказали примерно следующее: „Мы не хотели причинять вам вреда. В статье, как вы сами знаете, ваша фамилия была изменена на Паульсон, а местожительством был указан не Таллин, а Пярну. Мы не хотели вас подводить. Но мы нанесли удар по штаб-квартире НТС во Франкфурте. В результате этой статьи штаб-квартира НТС ликвидирована, а знакомая вам Ширинкина лишилась места, и теперь у нее не будет пенсии”.

Дело в том, что с помощью „эсперанто” КГБ хотело заманить представителя НТС, а конкретно А. Е. Ширинкину, на эсперантистскую конференцию в одну из социалистических стран.

Отключив супругов Палу, КГБ пыталось перестроить операцию. НТС был предложен — уже не для „невинной” эсперантистской, а для якобы „серьезной” политической связи — адрес, гебистский, конечно, в Ленинграде (С. Н. Подкаминер, 197010, Ленинград, ул. Школьная, д. 48, кв. 7), а для углубления контакта на встречу с членом НТС Александром Милицем приезжал в Стокгольм работник КГБ покружнее чином, оставивший вот такую визитную карточку:

HARRY LISTRA
prezidento de Esperanto klubo de
frandiafabriko „Kalev”

Labo/adreso: **535-160**
Pienra mut. 139, tel. 535-160
200 013 Tallinn, Estonia, USSR

Hejm/adreso:
Ehtujato tee 59-54, tel. 534-553
200 031 Tallinn, Estonia, USSR

Ловушку для представителя НТС он пытался устроить в Будапеште, обещая „весьма серьезную встречу” во время конгресса

эсперантистов в Будапеште. Там, сказал он, — в семье Сабо (Szabo, Magyordi и. 140) будет ждать Йоханнес Палу, ваш старый друг. Он и познакомит вас с теми, кто действительно интересуется работой НТС.

На „весьма серьезную встречу” никто не поехал, а „штаб-квартира во Франкфурте” со своей стороны „операцию супруги” прекратила, отнюдь не „лишая пенсии” А. Е. Ширинкину.

Под лозунгом „энтризма”

Не надо, однако, думать, что в КГБ одни глупцы, ставящие издала видные ловушки. Операция „энтристы”, задуманная в КГБ СССР, — более тонкая. Носителей идеи „энтризма” КГБ сумело подставить, и на этот раз довольно ловко — играя на чрезвычайно живом интересе НТС к конструктивным силам в правящем слое и их роли в будущем России, к бытующим в некоторых кругах номенклатуры надеждам своим влиянием добиться реформ сверху.

В операции КГБ идея „энтризма” (от латинского „интраре” — войти, но взяли английское „энтри” — вход), сформулирована так: „Тихо подкрадываться к рычагам власти — вот долгосрочная стратегия нашего действия”. Иначе говоря, „войти в силу”. Для этого вступить в партию, делать карьеру, занять место в номенклатуре, добиться влияния и веса, продвинуться вверх. До времени не проявляя себя вовне. А потом заняться реформами.

На этой позиции „энтристы” стояли непоколебимо, отказываясь от каких бы то ни было активных действий. Уже основательно ознакомившись с „Программой НТС”, „Стратегическими проблемами освободительной борьбы” и иными материалами, после нескольких лет стерильного обмена мнениями гебистские псевдозаговорщики писали: „По поводу наиболее важного вопроса — проблемы энтризма. Мне кажется, что вряд ли стоит оглядываться назад. Эта проблема — плод наших мучительных раздумий, поисков и дискуссий. Иначе говоря, энтризм — наш проверенный принцип дальнейшей работы, наша главная линия, по которой мы идем уже не первый год. Поэтому для нас это в известной мере уже отработанный вариант”.

„Энтризм”, без сомнения, — удачная гебистская находка. „Энтристы” представили НТС как группа технической интелли-

генции из 10—12 человек, уже достигшая номенклатурного уровня и озабоченная будущим человечества. Решение они якобы видели в более или менее демократических реформах в стиле предложений академика Сахарова, взгляды которого, по его собственным словам,

„формировались в среде научно-технической интеллигенции, которая проявляет большую озабоченность в принципиальных и конкретных вопросах внешней и внутренней политики, в вопросах будущего человечества”.

Была ли формулировка „тихо подкрадываться к рычагам власти” изобретена самими гебистами или подслушана именно в этой среде, установить невозможно. Но принцип „энтризма” служил „группе”, во-первых, обоснованием для проповеди общественной бездеятельности, во-вторых, он позволял подбрасывать в НТС определенные мысли и настроения, с его помощью пытались посеять надежды, что не в столь уж далеком будущем — допустим, при очередной смене генсека — притаившиеся до поры „энтристы” ухватятся, наконец, за рычаги и начнут переводить власть на рельсы спасительных реформ. Специалистам в КГБ, конечно, известно, с каким вниманием и в НТС, и в редакции „Посева” прислушиваются к голосам из России, с каким интересом взвешиваются мысли и настроения, идущие „оттуда”.

Со стороны КГБ дело вели:

Игорь Владимирович Стариков, Ленинград, Авангардная ул. д. 11, кв. 19, телефон 135-22-73. Фотография его снята еще до знакомства с НТС, не меньше 10 лет тому назад, но сходство сохранилось. Стариков, по-видимому, „агент-любитель”, не профессионал.

Сергей Пряников, очевидно, кадровый работник КГБ, 1946 года рождения. Адрес: Ленинград, ул. Скороходова, д. 11, кв. 1, телефон 38-51-17. Именно Пряников, плохо скрывая это, руководил операцией и указывал Старикову, что тот должен говорить и делать. Фотографии Пряникова нет, но есть сделанный по описанию так называемый „фото-робот”.

С самого начала операции членов НТС смущала робость, несамостоятельность и нерешительность Старикова. Больше настораживала полная бездеятельность самозванных „энтристов”, тот элементарный факт, что, отказываясь от какой бы то ни было активно-

сти, отделяваясь отписками даже в теоретических вопросах, никто из „энтристов” ни на шаг не подвинулся ни к какому рычагу власти.

Вызывали подозрение постоянные выпады по адресу творческой интеллигенции, „гуманитариев, не знающих народа”, „дурачков-диссидентов” и других „беспочвенных мечтателей”. А еще больше — непонятное при столь трогательной заботе о судьбе всей планеты равнодушие к России и русской судьбе и прямо-таки презрительное отношение к Солженицыну и русскому национальному самосознанию.

Настораживало и назойливое повторение одного и того же мотива: мы — технократы, дети технической революции и электронно-вычислительного прогресса, мы — будущие хозяева жизни. История работает на нас, и национальных привязанностей и политических революций нам не надо. Ваши печатные материалы мы ценим и сумеем их использовать. А вот широкой пропаганды — не надо! Народ трогать не надо! Наш народ, если его раскачать, новую пугачевщину устроить может. Надо только переставить людей на верхах и провести реформы.

„Энтристы”, по-видимому, не имели полномочий „сверху” даже на незначительный тактический маневр. Переписка шла вяло. Какие именно реформы они предполагали провести — не уточнялось. В то же время (вероятно, чтобы показать, что они — люди со связями, много могут и что-то уже делают) Пряников стал деловито отстраивать технику, дал для связи в Ленинграде номер телефона, около которого якобы днюет и ночует некий „дедушка в качалке”. Были даны также адреса двух конспиративных квартир для возможных встреч.

Конспиративные квартиры КГБ

В этих квартирах не живут — там де жу р я т.

И тут уже до конца стал понятен и назойливый интерес к технике работы НТС, к его материальным возможностям, к его связям на Западе. „Штаб-квартира во Франкфурте” не собирает специальных сведений о явках КГБ, но уж если она их знает, то зачем их скрывать? Вот они:

Телефон для тайной связи с КГБ в Ленинграде: 393-49-32. На этом телефоне до сих пор было круглосуточное дежурство.

Стариков И. В.

Пряников С.

Розова С. М.

Розова А. В.

Якобы жилая конспиративная квартира для тайных встреч и приема агентов: Ленинград, проспект Шверника, д. 8, кор. 1, кв. 106. В ней дежурит женщина, которая даже кухней не пользуется.

Нежилое конспиративное „ателье” для тех же целей на Гатчинской улице, д. 7.

А, кстати, уж заодно, вот и еще несколько явок КГБ в Москве:

Москва, 4-ая Гражданская ул. д. 43, корп. 5, кв. 58, Смирнова Елена Гавриловна.

Москва, 1-ый Лазаревский пер. д. 20, кв. 31, Зайцев Анатолий Федорович.

Москва 109029, Нижегородская ул. д. 11, кв. 71, Розова Светлана Михайловна и Розова Александра Васильевна.

Москва, 125319, ул. Усиевича 16—17, телефон 151-16-37, Кузнецова Мария Павловна.

Москва, ул. Садовая-Спасская 12/23, телефон 295-96-64, Кавтаридзе М. О. Там тоже пресловутый „дедушка” круглосуточно сидит „в качалке”, т. е. установлено дежурство. Прием только после сговора по телефону.

Иван Денисов

Публицистика Солженицына — опыт нравственного исследования

В. ЖЕЛЯГИН

А. И. Солженицын довольно неохотно отрывается от своего основного художественного творчества — осмысления глубинных причин постигшей Россию катастрофы в 1917 г. — и только в самых неизбежных случаях обращается к публицистическому жанру. (Не говоря уже о политической полемике, в которой, по его собственным словам, „не место художнику“, ибо она „огрубляет аргументы“.) А вместе с тем, статьи и речи, общественные заявления, интервью и пресс-конференции писателя уже заняли целых два тома в собрании его сочинений: почти тысячу страниц*!

О каждой из этих страниц уже много (и не всегда добросовестно) писалось в свое время. Стоит ли возвращаться? Не поздно ли? То ли еще у нас не поздно! Как отмечает сам писатель: „Мы и полстолетия ничего не успевали ни называть, ни обмысливать, нам и через 50 лет ничего не поздно“... И не утерял своего значения ни отзыв писателя на трактат академика А. Д. Сахарова (1969), ни его Нобелевская лекция (1972), ни его речь в Гарварде (1978), ни одна его мысль.

После выступления писателя по французскому телевидению в 1983 г., поэт Пьер Эрманюэль, обращаясь к тем, для кого Слово — призвание, отмечал: „Мысль должна быть отточена как секира, чтобы Слово, которое так удручающе уродуют легионы посредственностей, дошло до умов“. И действительно, острота мысли — первая характеристика солженицынской публицистики. Она объясняется прежде всего полнотой освобождения писателя от интеллектуальных мод эпохи и навязываемых догм, и выражается в точности слов и четкости формулировок.

Вторая характерная черта этой публицистики — нравственное беспокойство, которое является как бы двигателем всего творчества Солженицына и которое несомненно сближает его с Достоевским.

Все попытки критического анализа политической линии Солженицына только показа-

ли бессилие критики против основной „внутренней“ правды, которую писатель умеет иногда выразить одной фразой или одним даже словом: „самоограничение“, „жить не по лжи“, „мировой коммунизм и мировая человечность“, „коммунистические убийцы народной души“, „Россия в коммунистическом плену“, и т. д. Например, в послании Патриарху Солженицын пишет: „Мы обкрадываем наших детей, лишая их неповторимого, чисто-ангельского восприятия богослужения, которого в зрелом возрасте уже не наверстать“. Тот, кто хоть раз в детстве испытал это неповторимое свежее и чистое чувство, не может не понять всю правду этих слов.

Такие примеры можно найти в каждой статье Солженицына, в каждом его выступлении. Они говорят о том, что секрет солженицынской публицистики, прежде всего, в самом ее характере, который мы и попробуем определить как „опыт нравственного исследования“ современного мира, по симметрии слов с „опытом художественного исследования“ советской концентрационной системы, каким является, по определению самого автора, Архипелаг ГУЛАГ.

Как раз в Архипелаге есть такие слова: „Глаза твои, очищенные страданием, безошибочно видят всякую мусть в других глазах, например, безошибочно различают стукачей. Этого видения глазами правды за нами не знают ЧК—ГБ, это — наше секретное оружие“. Вот это второе зрение — „глазами правды“ — и характеризует лучше всего творчество Солженицына, в том числе и его публицистику. Оно объясняет и ее силу, и ее глубину, и ее основную особенность: постоянное нравственное переживание, которое возвышает автора до уровня целостного, религиозного, восприятия мира и позволяет ему видеть истинную расстановку предметов и смысл событий. В этом — специфика „нравственного исследования“, его принципиальное отличие от политического обобщения отдельных явлений.

Только таким методом исследования возможно объяснить, что, например, Политбюро „никогда не содержало в себе ни человек-

* Александр Солженицын. Публицистика. Собрание сочинений, тт. 9-10. ИМКА-Пресс, Вермонт—Париж, 1981-1983.

ных, ни миролюбивых людей”, потому что „такие не могут даже подняться до верху по условиям коммунистической бюрократии”, потому что „они тотчас бы задохнулись и умерли там”. Своим объемным взглядом Солженицын ясно видит, что: „люди, отдавшие себя коммунистическому руководству, уходят душой не только от своей нации, — но и от человечества вообще”.

Только такой метод исследования мог объяснить, что обличать коммунизм надо не в нарушении прав человека и Хельсинкских соглашений, „а в его нечеловеческой жестокости, хладнокровных зверствах, атеистических преследованиях, за его коррупцию, бесхозяйственность, безумную его систему, умерщвляющую голодом целые народы”.

Только такое исследование могло вскрыть природу коммунизма „как концентрацию непримиримого и динамического зла, как явления интернационального и всеисторического, а вовсе не локально русского”.

И только такое исследование, наконец, могло раскрыть перед Солженицыным перспективу приближающегося „поворота истории”, который потребует от человечества духовной вспышки, подъема на новый уровень жизни. „Этот подъем, подчеркивает Солженицын, подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх”.

Эта мысль о восхождении человечества на новый уровень жизни созвучна идее Христоцентрической Эволюции Вселенной французского священника и ученого-палеонтолога Тейяра де Шардена, которого Солженицын сам упоминает. В построении Тейяра Вселенная пребывает в состоянии непрерывного изменения (интериоризации) и целенаправленности: от Космогенеза и биологического „процесса очеловечения”, через „восхождение сознания”, к „Центру Омега”, то есть к высшей точке бытия и Эволюции, отождествляемой автором с самим Богом. В этой Эволюции, отмечает Тейяр, „христианство обнаруживает все признаки рывка вперед, потому что из самого факта новых обличий, которые принимает на наших глазах Вселенная, оно разом открывается и как более мощное само по себе, и как более необходимое миру чем когда-либо”. Через христианство „отныне воистину — как оно это и утверждает — проходит главная ось Эволюции”^{*}. Но Тейяр не считает, что этот подъем к „Центру Омега” — обеспечен и неизбежен.

Для успеха Эволюции нужны и внешние условия, обеспечивающие продолжение жизни на Земле, и условия внутренние: желание и воля самих людей, их устремленность к высшему добру, то есть — любовь к Богу.

И Солженицын отнюдь не считает, что восхождение на следующую антропологическую ступень (нравственный и духовный подъем человечества) — заранее обеспечен и неизбежен. Он видит, что мир расколот „и глубже, и отчужденней, и большим числом трещин”, чем это видно на первый взгляд. И накопление зла в мире не позволяет думать, что человечество обязательно выйдет из тупика, совершит необходимый поворот. „Не когда-то наступит, а уже идет — физическая, духовная, космическая! — борьба за нашу планету. В свое решающее наступление уже идет и дает мировое зло”.

Это видение надвигающейся „планетарной битвы между мировым коммунизмом и мировой человечностью” неизбежно вызывает у писателя желание взвесить возможности еще свободной от коммунизма части мира и оценить ее шансы на победу в этой космической борьбе. Поэтому критика западной демократии, — одна из блестящих страниц публицистического творчества Солженицына, — занимает центральное место в его нравственном исследовании состояния современного мира.

Солженицын предлагает признать, что свобода — под видом „развития” — деградировала и что ни в одной стране на Земле нет той „высшей формы свободы одухотворенных человеческих существ”, которая состоит в „добровольном самоограничении и в полном сознании ответственности”. А по наследию от предыдущего тысячелетия все права признавались за личностью лишь как за Божьим творением, то есть свобода „вручалась личности условно, в предположении ее постоянной религиозной ответственности”. Путь, пройденный от Возрождения, пишет Солженицын, обогатил нас опытом, „но мы утерли то целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности”. В этом — катастрофа гуманистического автономного безрелигиозного сознания, которое и обеспечило постепенный „переклон свободы в сторону зла”.

^{*} Пьер Тейяр де Шарден (1881-1955). Феномен Человека (Pierre Teilhard de Chardin, L'apparition de l'homme). Эта книга французского священника и ученого была издана в Москве в 1965 г. Но вся ее последняя часть, касающаяся христианства и проблемы зла, была изъята из русского перевода.

Сегодня на Западе Солженицын видит падение общественного мужества, душевную расслабленность и потерю воли к защите самого себя. „Западное мышление стало консервативным: только бы сохранилось мировое положение, как оно есть, только бы ничего не менялось. Расслабляющая мечта о статус кво — признак общества, закончившего свое развитие”.

Это суровое суждение можно, вероятно, нюансировать — тем более, что оно по сути относится к правящим и интеллектуально ведущим прослойкам западного общества и что сам Солженицын видит в глубине „великодушной мощной американской нации” еще здоровые корни. Можно спорить, но — по существу, не упрекая облыжно писателя в том, что он усматривает на Западе только одно пустое свободолобие, а не драгоценный дар свободы. Солженицын ведь потому и всматривается в западное общество, что оно еще располагает этим драгоценным даром. Если оно его утеряет, то и говорить будет не о чем. С социализмом-то уже все ясно: всякий социализм, любых оттенков, если ему только отдаться, ведет к уничтожению духовной сущности человека, и, как пишет Солженицын, „нивелированию человечества в смерть”.

Таким образом, критику западной демократии следует, конечно, рассматривать в ее первичном замысле — как оценку соотношения сил, и воспринимать в основном ее смысле — как предупреждение, что любая ныне свободная страна может быть доведена коммунизмом „до обморока и полного подчинения”. „Я не критик Запада, я критик — слабости Запада”, — говорит Солженицын.

В этом плане стержнем всей публицистики Солженицына является стремление разъяснить суть коммунизма, его „тотальную враждебность всему человечеству” и распутать тот чудовищный узел, который был затянута послевоенной мировой левой мыслью на почве умышленного смешивания понятий: исторической России и СССР, русского национального сознания и коммунистической идеологии, русской национально-государственной традиции и интернационалистической практики коммунизма.

„Термины русский и советский, Россия и СССР — не только не взаимозаменяемы, не равнозначные, не однолинейные, но — непримиримо противоположные, полностью исключают друг друга”, — пишет Солженицын. И в 20-е годы, когда все левые (не только

в „стране советов”, а во всем мире) восхищались большевизмом, то эти понятия они не путали и предмет восхищения так и назывался „советским”. Россию же объявляли трупом („мы расстреляли толстозадую бабу Россию”) и оправдывали или в лучшем случае замалчивали соловецкие зверства, жестокий разгром Церкви, концентрационные лагеря (1918-1921) и беспрепятственные издевательства над всей русской духовной культурой. А после 1956 г. эти же левые для спасения своих „идеалов” ухватились за придуманное Хрущевым новое понятие: „сталинизм”. И оказалось, что Ленин был гений, что в его „субъективно чистых намерениях” невозможно сомневаться, что „пока старые большевики не были истреблены — над ЦК и ЧК клубился дух демократии” (!). Иными словами, большевизм попал в список античеловеческих идеологий только тогда, когда он, надругавшись над национальной Россией, начал пожирать своих собственных детей. Но как же это случилось? По общему закону всех бандитских захватов государственной власти? Отнюдь нет! Еще сегодня представители послевоенной мировой левой мысли стараются внушить, что „сталинское варварство — прямое продолжение варварства России”, что советский коммунизм не что иное, как „идеологическая рационализация русской имперской политики”, и т. д.*

Нельзя, конечно, не заметить, что во всех этих высказываниях звучит не столько осуждение советской политики и коммунистической практики, сколько все та же, — еще ленинская, еще марксова! — ненависть к России. И объяснить эту ненависть, очевидно, нельзя иначе, как только уяснив, что она рождена идеей уничтожения России.

Можно было бы не обращать внимания, и Солженицын, вероятно, не тратил бы времени на разоблачение этой специфической русофобской струи, если она не мешала бы свободному миру ясно видеть и понимать политические проблемы, не способствовала укреплению коммунистического режима в России.

Если считать, что коммунизм — явление исключительно русского происхождения, то логически можно сделать вывод, что коммунистическая (русская) опасность может

* Для более полного разбора этой мысли см. статью Солженицына „Наши плюралисты” из второго тома „Очерков литературной жизни”. „Вестник РСХД” № 139. Париж, 1983.

быть устранена удачными дипломатическими переговорами или равновесием вооруженных сил. Но это — иллюзия, основанная на ошибочном представлении, что СССР — как продолжение исторической России — есть нормальное государство, нормально заботящееся о своем народе и его благополучии. Солженицын же напоминает, что „Кремлевскому руководству народ бесконечно чужд, безразличен, эксплуатируется до полного истощения и вымирания” и что, „когда потребуется, его погонят на уничтожение миллионами без жалости”. В отношении советской системы надеяться не на что: никакого сговора с ней быть не может, ибо она не знает нормальных пределов, которые обычно знают руководители нормальных государств. (Результат этого непонимания у всех на глазах: непрерывное послевоенное отступление Запада перед мировым коммунизмом и внутреннее ослабление западных демократий.)

Если считать, что коммунизм — явление исключительно русского происхождения, то перед западными демократиями рано или поздно — но неизбежно — встанет выбор: капитулировать („лучше быть красным, чем мертвым”) или воевать. Коммунизм, естественно, предпочел бы вариант безоговорочной капитуляции, но и в перспективе возможного военного сопротивления Запада эта ошибка ему полезна и спасительна: она переворачивает реальность вверх дном, смещает акценты угрозы и тем самым обезоруживает Запад. И уже коммунистическая пропаганда эксплуатирует эту ошибку, утверждая, не без оснований, что в случае войны Запад будет воевать — как в свое время Гитлер — не против коммунистического режима, а против „русских”.

В 1984 году, в ходе предвыборной кампании в США, президент Рейган одиннадцать раз (!) ссылаясь на Откровение Иоанна Богослова и говорил о своем предчувствии приближающейся Армагеддонской битвы — последнего сражения, в результате которого силы зла потерпят окончательное поражение.

Президент Рейган, конечно, понимает, что границы „империи зла” никогда в истории человечества не совпадали с границами национальных государств. Но в случае войны „империя зла” будет неизбежно отождествляться с исторической Россией, ибо воевать можно только против конкретных людей и конкретных народов.

И что же тогда русскому народу останется делать? Еще раз из двух врагов выбирать

того, кто говорит на его языке, и своей жертвой еще раз спасти коммунистических угнетателей? И не может быть утешения даже в надежде, что советский коммунизм может все же потерпит в этом „атомном Армагеддоне” поражение и что какая-то часть коммунистических заправил, не успевшая сбегать, попадет на вторую Нюрнбергскую скамью. Как пишет Солженицын: не может быть утешения, „потому что истинно расплатится за то — обманутый и истерзанный народ”.

Если же признать, что коммунизм — явление интернациональное (как он это сам и утверждает!) и даже метафизическое, то перед Западом может открыться реальная возможность избежать и позорной капитуляции, и „ядерного Апокалипсиса”. Эта возможность открывается на пути твердого, нравственного стояния и объединения усилий в союзе с поработенными народами для освобождения мира от коммунистического зла.

В этом, как нам кажется, весь смысл солженицынских слов о „планетарной битве между мировым коммунизмом и мировой человечностью”. Надо ли объяснять? Ведь сегодня в Польше, например, только слепой может не увидеть, где коммунизм и где человечность. „Против мировой, хорошо продуманной стратегии коммунизма Западу только и могут помочь нравственные указания, — а других нет”, — отмечает Солженицын. А воображения любой конъюнктуры „всегда рухнут перед стратегией”.

В первую очередь, Западу следует ясно понять, что переход от дооктябрьской России к СССР есть не продолжение, „но смертельный излом хребта”, который „едва не окончился полной национальной гибелью”, и перестать приписывать „смертельно-больному” русскому народу „фантастическую идею мессианства” и воинствующих национализм. Русское национальное сознание, подчеркивает Солженицын, это — „сознание долго больного и при смерти больного человека, у которого одна мечта — о покое и о выздоровлении”. Все помыслы русской семьи, это: как-нибудь прекратился бы бесконтрольный произвол местного мелкого коммунистического сатрапа, да удалось бы наестись, да обути детей, да запастись топливом на зиму, да открылась бы церковь ближе, чем в 200 километрах, да не запрещалось бы крестить детей и воспитывать их в добре, да отвлечь отца семейства от пьянства...

Затем Запад должен еще понять, что „только совершенно безвыходные, безжалостные обстоятельства могут привести к совместным действиям коммунизм и поработанные им нации”. Так, во время Второй мировой войны, после 24 лет террора, „никакими силами, никакими убеждениями не удалось бы коммунизму оседлать русский национализм для своего спасения, — отмечает Солженицын, — если бы не оказалось, что с Запада на нас катится другая такая же чума”.

И, наконец, Запад должен осознать, что русское национальное сознание есть „то единственное, что реально ослабляет советский коммунизм изнутри”. В Кремле-то отлично знают, что национальная Россия „подсекает коммунистическое безумие”, что русское национальное сознание „отменяет коммунизм”. И только Запад должен еще до конца осознать, что сегодня „дела в мире стали так, что без возрождения здоровой национальной России не существовать и Америке, — все будет уничтожено в кровопролитном состязании”.

И может быть, только тогда, когда это будет понято, откроются перед Западом реальные перспективы борьбы с коммунизмом и определится верная антикоммунистическая стратегия, *направленная на создание союза свободного мира с поработанными коммунизмом народами, в первую очередь с русским, чтобы не дать коммунистическим „всадникам”, — ни в одной стране! — оседлать национальные чувства и почерпнуть из них народную силу.* А без этой силы, как же коммунизму воевать?

Все это — не призыв к Западу „спасти” Россию, а только лишь призыв спасти самого себя, — пока не поздно. Еще в Нобелевской лекции — в одном из первых своих публицистических выступлений — Солженицын, еще из СССР, предупреждал, что „Бесы Достоевского на наших глазах располазутся по всему миру”, встречая на своем пути чисто благоприятную атмосферу, которую принято называть „духом Мюнхена” или, добавив от себя, — духом Ялты, отнюдь не ушедших в прошлое. Что же касается России, то она будет самостоятельно искать свой путь к освобождению, надеясь лишь, что Запад не повторит ошибок прошлого, не предаст ее, как в 1945 г.

Один из возможных путей был указан Солженицыным в „Письме вождям Советского Союза”: откажитесь от коммунисти-

ческой идеологии, перейдите на путь умиротворяющий, родинолюбивый, заботливый к народу, перенесите центр внимания с внешних задач на внутренние. Солженицын, конечно, нисколько не утешал себя иллюзиями, а только считал — и справедливо продолжает считать, — что никто, даже сегодня, не может взять на себя ответственность „окончательно захлопнуть надежду на мирную эволюцию нашей страны”.

Но эта надежда отнюдь не снимает и, конечно, не противоречит Солженицынскому лейтмотиву о необходимости борьбы со злом коммунизма. Ибо в этой борьбе, в частности, происходит и „освобождение нашей души от участия в навязываемой лжи”. Это — второй путь, указанный писателем, путь „нравственной революции”: от отказа жить по лжи (доступного каждому отдельному человеку нравственного шага), через осознание каждым своего нравственного долга, к раскаянию и самоограничению (как категории национальной жизни). „Я не вижу никакого спасения человечеству кроме самоограничения каждого человека и каждого народа”, — пишет Солженицын как бы в заключение своей мысли, и добавляет: „В этом — дух идущего сейчас в России религиозного национального возрождения”.

На этом он обрывает свою мысль и лишь отдельными веками указывает то направление, в котором каждый из нас может продолжать думать.

Отказ от лжи, раскаяние и самоограничение, это — несомненные христианские истины, как и христианская любовь, о которой Солженицын говорил в интервью французскому телевидению в конце 1983 г. „Что любовь все спасет — это христианская точка зрения и абсолютно правильная”. Но, подчеркивал писатель, „мое возражение состоит в том, что в наш 20-ый век мы провалились в такие глубины бытия, в такие бездны, что дать это условие: „любовь все спасет”, это значит — вот сразу прыгай сюда, сразу поднимись на весь уровень. Мне кажется, что это практически невозможно. Я думаю, что надо дать промежуточные ступеньки, по которым можно как-то дойти до этой высоты. Сегодняшнему человечеству сказать: „любите друг друга” — ничего не будет, не выйдет, не полюбят! Когда мы спускаемся в бытовые области, то в ежедневном разговоре, в бытовом решении — призывать к любви сейчас, сегодня, это значит — не быть эффективным”.

И путь „нравственной революции“, при всем его неоспоримом значении, должен неосомненно быть отмечен „промежуточным“ политическим этапом, на который сам Солженицын довольно ясно указывает: „У нас в стране я рассчитываю на ту степень опаматования, которая уже разлилась в нашем народе и не могла не распространиться в сферах военных и административных. Ведь народ — это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занимающие ключевые посты. Есть же сыны России и там. И Россия ждет от них, что они выполняют сыновий долг“.

Вот это и есть, как нам кажется, та необходимая промежуточная, политическая ступень: *национальные, патриотические силы России должны выполнить свой долг перед родиной — лишить коммунизм, пока еще не поздно, государственной опоры*. Иными словами — лишить государственной власти тех, кто, по точному определению Солженицына, окончательно отошел душой не только от своей нации, но от человечества вообще. Это — первый, но необходимый этап на пути долгого „выздоровления“ России после коммунистической порчи, на которое, по мнению Солженицына, „русскому народу понадобится 150-200 лет мирной национальной России“. (Отметим, что эти сроки относятся к

„национальной России“, то есть — послекоммунистической. А для решения задачи освобождения от коммунизма перед национальными силами может быть уже нет и десятой доли этих сроков.)

Этим силам не может быть непонятно, что „всякая захватная война“, развязанная коммунистическими заправилками, будет „нашей национальной гибелью“. А, как чувствует Солженицын, такие силы есть и в административных и военных сферах советской системы: „Я хорошо помню наше офицерство Второй мировой войны, сколько пылких, честных сердец кончало ту войну с порывом устроить, наконец, жизнь на родине. И не могу допустить, чтоб они бесследно все ушли, как вода в песок. Чтoб они или их наследие были равнодушны к ужасной судьбе, которую готовят нашей родине, к гиблой международной авантюре, куда загоняют ее“.

Да — читать и перечитывать Солженицына никогда не поздно, тем более нам, русским. И не только потому, что он великий наш писатель, но и потому, что его душевная боль за судьбу России обострила в нем чувство настоящего, глубокого и ответственного патриотизма. А в таком патриотизме Россия сегодня больше всего нуждается.

Фильмы и размышления Василия Шукшина

Азарий МАРЬЯМОВ

В 1984 г. минуло десять лет, как умер Василий Макарович Шукшин. Любителей кино потрясла его смерть. О внезапной кончине большого художника говорили в очередях, в метро, в автобусах, у сельских лавок — повсюду, где сходились люди. Свыше 160. 000 писем пришло в Москву — на квартиру Шукшина, в союз кинематографистов, в Госкино — в них чувствовалось подлинное человеческое горе.

Люди выражали не только соболезнование, но и спрашивали, что случилось, неужели нельзя было сберечь Шукшина, почему так рано наступила смерть? Василию Макаровичу было всего лишь сорок пять лет, когда он ушел из жизни. Многие и многие инстинктивно чувствовали: что-то здесь не так, видно кому-то это на-руку... Под словами „кому-то“ подразумевали тех, о ком вслух не говорят.

С точки зрения присяжного советского историка или критика кино жизнь Шукшина была „прекрасна и удивительна“. Он мало жил, но так много сделал. Исполнил главные роли в нескольких фильмах, сам поставил четыре картины. При жизни был награжден государственной премией, после смерти — Ленинской. Казалось бы, можно ли говорить о какой-то предвзятости к Шукшину высших партийных чиновников?

Начнем с того, что Василий Макарович был яркой индивидуальностью. И притом сибирского характера человек. Со своими взглядами на жизнь, со своим **с о б с т в е н н ы м** ее пониманием. А это, как вы догадываетесь, уже большой минус. В чужих идеях он не нуждался, сам писал сценарии для своих фильмов, по собственным рассказам.

И режиссер не нужен был Шукшину. Сам был режиссером. А учил его этой профессии не кто иной, как Михаил Ильич Ромм — великолепный педагог и благородный человек. Мог обойтись Василий Макарович и без актера на главную роль. Сам был превосходным актером. Еще будучи студентом института кинематографии, исполнил главные роли в двух больших фильмах. А уж после института брали его режиссеры нарасхват.

Люди говорили: если бы Василий Шукшин был только актером, только режиссером, только сценаристом и драматургом и, наконец, только прозаиком, то и тогда, в этом каждом отдельном случае, мы имели бы перед собой выдающееся дарование. Но все эти дарования принадлежат одному человеку.

Как ни держат коммунисты русскую землю в тисках, а все продолжает она рождать таланты. Однако — и это нам тоже хорошо знакомо — печальна в стране социализма участь талантов. Не избежал этой судьбы столь рано погибший Шукшин. Почему не умерший, а п о г и б ш и й? Да потому, что его не только не берегли, но и подталкивали к могиле.

В юности и молодости ничего не предвещало раннего трагического конца. Биография Шукшина была похожа на тысячи других. Школа, армия, институт. Хотя не все легко дается, но в общем жизнь к нему была благосклонна. Это не может не наложить отпечаток на восприятие окружающей действительности. Пройдет не так уж много лет и отношение к ней резко изменится. Одному Шукшину будет верен до конца — своему пристрастию изображать народные характеры. Точнее, крестьянские характеры. В кинематографе и в прозе. Один из сборников рассказов так и называется „Характеры“.

Вот первый характер, выведенный Шукшиным в кино. — Пашка Колокольников. Весельчак, балагур, ласкатель прихвастнуть, богатый воображением. Он мечтает о подвиге и, в самом деле, совершает смелый поступок, которому и сам удивляется. А потом говорит о себе всякую чушь приезжей журналистке и, конечно же, „попадает в лужу“. Фильм „Живет такой парень“ режиссер поставил по собственному сценарию, написанному на основе своего же рассказа.

Возможна такая комедия? Безусловно. Но что общего, хоть отдаленно, имеет такая комедия с реальной жизнью? Разве этим живет деревня, где социалистическое государ-

ство более полувека назад отобрало у крестьян землю и с той поры безуспешно пытается заставить их коллективно трудиться? Разве подобная ситуация не рождает каждый день и каждый час социальные и политические конфликты?

Василий Шукшин, честный художник, не мог не понять этого. И напрасно высокое начальство пыталось задобрить его, „дав команду“ присудить фильму „Живет такой парень“ премию за лучшую комедию на всесоюзном кинофестивале. Как хотелось боссам от идеологии, чтобы талантливый режиссер „продолжал в таком же духе“.

Захлебывалась критика от восторга. В-первых — комедия, во-вторых — комедия на деревенскую тему. В-третьих, что самое главное, „в фильме показано стремление советской молодежи к подвигу“. Вряд ли Шукшин, творя свой первый фильм, думал о таком обобщении. Он просто экранизировал свой рассказ. Но экран, как известно, обладает способностью обобщать и характеры, и явления.

Как красную девицу обхаживали Шукшина критики и высокое начальство, надеясь, что он и дальше будет приукрашать жизнь. Не получилось. Вы знаете, какой характер вывел Василий Макарович во втором своем фильме, который называется „Ваш сын и брат“? Уголовника. Уголовника из деревенских. Почему из деревенских? А все по той же причине:

„И в литературе и кинематографе привязанности мои постоянны, — сказал Шукшин в беседе с журналистом. — Я исследую крестьянский слой, а точнее говоря — судьбы людей, вышедших из крестьян“ (некоторые высказывания В. М. Шукшина взяты мною из сборника „Экран, 1973—1974“, составитель и автор интервью С. М. Черток. — А. М.).

Результатом таких исследований были, в частности, рассказы „Степан“, „Змеинный яд“, „Игнаха приехал“. По их мотивам и написал Шукшин сценарий для своего второго фильма. Молодой художник пришел к выводу, что уголовник Степан более типичен для сегодняшней деревни, нежели легкомысленный Пашка Колокольников, фантазер и мечтатель.

Но и в этой картине голос Василия Макаровича не звучал еще в полную силу. Позднее он скажет о Степане:

„Тогда меня эта фигура в чем-то даже умиляла, вроде как Степан попал в лагерь чисто случайно, но на самом деле он хороший, добрый человек. И

родину свою он так любит, что даже вопреки логике из лагеря сбежал, когда и сидеть-то ему осталось самую малость”.

Шукшин говорил об этом в связи со своим фильмом „Калина красная”. Но о нем несколько позднее. Остановимся на третьей картине Василия Макаровича — „Печки-лапочки”. С виду безобидный сюжет: колхозный тракторист Иван Расторгуев едет из глухой алтайской деревни на отдых в Крым.

Автор использует поездку своего героя, которого он сам и играет, для того, чтобы столкнуть его в поездке с самыми разными людьми. Так познается характер с виду ограниченного, а на самом деле умного, бывалого, сообразительного и довольно вездельного крестьянина. Вместе с тем зрители знакомятся с характерами его попутчиков. Увы, в большинстве своем их нравственный облик оставляет желать лучшего. Один оказывается жуликом, другой примитивным наглецом, третий, хотя и профессор, но мало в чем смыслящий, кроме своей науки...

Профессор спрашивает Расторгуева:

„ — Как там в деревне? Я вот съездил — показало, что вроде веселее стало. Люди как-то веселее смотреть стали...

— Что вы! — отвечает Иван. — Иной раз прямо не знаешь куда деваться от веселья... Просто, знаете, целая улица как начнет хохотать, ну спасу нет. Пожарными машинами отливают. Да и сам, бывает, встанешь утром — еще даже не позавтракал, а уж смех берет. Креписья, креписья, ну, никак. Смешно! Иной раз так до полдня и прохохочешь. Во как весело!”

Сколько подтекста в словах колхозного тракториста, сколько язвительности к горожанам, мало что смыслящим в деревенской жизни! Это уже не простая реплика из в общем-то комедийного фильма, а эзопов язык умного крестьянина, понимающего печальную ситуацию в деревне.

Все загадочнее становится для начальства характер самого Шукшина. Трудный орешек, этот режиссер. О чем будет его новый фильм? Какого героя выберет из нашей жизни? Пора бы хорошего советского человека, пусть деревенского, но геройского труда, такого, чтобы примером был.

Так или примерно так рассуждали те, кто руководит идеологией и искусством по совместительству. Не сблизись их надежды. Героем четвертого, последнего, фильма Шукшина стал вор. Уголовник Егор Прокудин.

Вот какой характер вывел в „Калине красной” режиссер, не желающий идти против жизненной правды.

В одном из своих последних интервью Василий Макарович так объясняет свою позицию:

„Надо потрезвее взглянуть на жизнь. Это необходимо хотя бы уж из одного уважения к тому самому Человеку, о котором мы пишем и снимаем фильмы. И, может быть, высшая форма уважения в том и заключается, что не надо скрывать от человека, какой он. Говорить не сильно подслащенные комплименты, а полную правду, какой бы горькой и жестокой она ни была”.

Можно, конечно, выразить эту самую правду в форме детектива с драками, погоней и торжеством справедливости. Но автора прежде всего интересует нравственная сторона деяний Егора Прокудина:

„Крестьянин, ставший вором, паразитом. Тут такое разрушение личности, такая порча души, что пять-семь лет назад мне и в голову не пришло бы так поворачивать разговор”.

Свое интервью Василий Макарович так заканчивает:

„Про сельских людей, чистых душой и невинных телом, — писать становится все сложнее. Я и раньше не считал, что так писать надо. И все-таки что-то заставляло писать так. А теперь уж не могу... Тянет к разговору более трезвому, немного даже ожесточенному. Да ведь и жизнь в деревне стронулась. Все беспокойнее становится. И разговор в искусстве обо всем, что дорого, надо вести другой. Надо меняться самим. Вот таковы сейчас общие мои настроения”.

Простите за длинные цитаты, но без них, право, трудно было бы понять, как изменились взгляды Шукшина на современную советскую деревню. Его беспокоит, что старая деревня разбредается, уходит. Но вопрос — куда она приходит? Эта сторона проблемы его трогает больше всего. И в горькой истории с Прокудиным художника интересует не то, что человек сбился с пути истинного. Он хочет понять и рассказать зрителям,

„... как случилось, что человек, в жилах которого течет крестьянская кровь, кровь тружеников, человек со здоровой нравственной биологией, привитой ему крестьянской средой, вдруг вывихнулся, сломался. И тут, конечно, важна не сама история грехопадения, а предыстория”.

Тут уж, на мой взгляд, один шаг до анализа взаимосвязи насильственной и жестокой коллективизации с падением моральных устоев в деревне, где безысходность, заси-

лие всякого рода начальства, нередко материальная нужда — вызывают острые социальные конфликты. Хорошо известно, как пьянство и сопутствующая ему преступность разлагают крестьянство.

Может именно поэтому в двух из четырех фильмов Шукшина главные герои — уголовники из деревенских. Могло ли с этим примириться высокое начальство? Естественно, что „Калина красная” была принята более чем сдержанно. Ну, покажем в нескольких кинотеатрах, — решили в Госкино.

Но прием фильма у зрителей превзошел все, что до сих пор было. Слова „грандиозный успех” здесь не подойдут. Дело было не только в безукоризненной режиссуре и талантливой игре (роль Егора Прокудина исполнил Василий Макарович), но и в теме, столь близкой миллионам и миллионам наших людей. До слез волновала их судьба Прокудина, вышедшего после заключения на волю, но поначалу не знающего, как вернуться на стезю честной жизни. И они сочувственно вздыхали, видя, как что-то ломается в душе этого закоренелого рецидивиста, когда он встречается с простой русской женщиной (роль Любы исполнила жена Шукшина, Лидия Федосеева), доброй и отзывчивой, но по-своему тоже неустроенной и одинокой. Встречное добро способно перевернуть всю жизнь Прокудина. „Про это и фильм”, — считает Василий Макарович.

И хотя автору, как он признается, жаль Егора до боли, до содрогания, он „убивает” его. Проскудина находят дружки по разбоям и, за то что он „завязал”, сражают его бандитской пулей. Человек сильной воли, вот уже почти ставший на путь обновления, погибает, а банда уголовников будет продолжать свое злое дело.

Василий Шукшин объясняет свой сценарный ход нежеланием нарушить правды характера, правды жизни. Ему важно было в этом фильме „рассказать не о злосчастной судьбе рецидивиста, а рассказать о душе. Как неустроена она в жизни”.

Именно так и поняли зрители Василия Макаровича — фильм затронул их до глубины сердца. Отсюда и 160 тысяч писем людей, скорбящих о ранней смерти Шукшина, и постоянно ветки калины красной на его могиле...

*

Осталось досказать, почему я, впрочем, как и многие другие, считаю, что Шукшина

могли сберечь, но не сберегли. Многие годы Василий Макарович лелеял мечту сделать фильм о Степане Разине, написал о нем роман, сценарий. Если внимательно прочесть сочинения Шукшина, то нетрудно увидеть, что разинская тема звучит во многих работах. Где разговор о нем, где песня „Из-за острова на стрежень”, где манера поведения героя...

Много раз просил Шукшин разрешения приступить к постановке картины о Разине, роль которого собирался сам исполнить. И много раз отказывали. Не то что совсем. А все откладывали. Надеялись, либо самому надоест просить, либо увлечется чем-то другим.

А не хотели давать разрешения по типичной для СССР причине. Образ Степана Разина, нарисованный Шукшиным в сценарии, не вязался с „концепцией” советских историков. Те хотели его видеть более приглаженным, можно сказать более идейным. Вот и получилось расхождение между фальсификаторами от истории и художником.

Так из года в год откладывали наверху решение о Степане Разине, но наступил момент, когда надо было дать Шукшину окончательный ответ. А тут как раз Бондарчук начал снимать фильм „Они сражались за родину” по мотивам неоконченного шолоховского романа. И захотел Бондарчук, чтобы в роли бронебойщика Петра Лопахина обязательно снялся Василий Шукшин.

Знал режиссер, знали на Мосфильме и в Госкино, что съемки будут тяжелыми — летом на Дону жарича неимоверная. Шагать и вышагивать Шукшину с бронебойным ружьем, сниматься с рассвета до заката. Знали, что болен он, что недавно лежал в больнице, что не следует привлекать его к такой работе. Да и сам он отнекивался. Но обещали, твердо сказали: „После съемок начнете своего Степана Разина”.

Что было делать Шукшину? Во-первых, человек он дисциплинированный, во-вторых — дорогой для него Разин... Согласился. И умер Василий Макарович во время съемок в станице Клетской на Дону...

Самая собой отпала идея постановки фильма „Степан Разин”. Ушел из жизни художник, от которого власти могли ожидать многих неприятных сюрпризов. А спустя два года, посмертно, присудили Василию Макаровичу Ленинскую премию. Чтобы не было кривотолков.

Преображение князя Владимира

А. В. КАРТАШЕВ

За 25 лет своего христианского правления Владимир нашел в себе энергию не только выполнить план внешней христианизации Руси, но, что всего удивительнее, он сделал попытку реально, деятельно, можно сказать материально выполнить свое исключительное служение как главы христианского народа, чтобы воплотить осветившее его душу евангельское откровение в собирательную социальную жизнь народа. Формы этой жизни, в отличие от жизни личной, наиболее инертны и неподатливы на евангельские призывы к любви и к самоотречению /.../

Мы знаем из истории только один классический порыв христианской апостольской Церкви решить вопрос социальной и материальной правды путем общения имущества. Опыт показал, что этот порыв посилен лишь на краткое мгновение эсхатологических ожиданий, что „в долготу дней“ в истории, по немощи космической и человеческой природы, он естественно переходит в фазу компромиссных достижений церковного общества, христианизирующегося изнутри, неизбежно погруженного в естественную, управляемую космическими и зоологическими законами социальную жизнь человечества, обобщаемую в формах государственности. Так вопрос обычно сводится на практике к идеалу, вечно недостижимому — союзному согласованию церкви и государства, духа и плоти, неба и земли, совершенного и несовершенного, святого и ели не грешного, то естественно дефективного.

Как широкая русская натура, св. Владимир не только в деле крещения всей страны, но и внутреннего радикального изменения и обновления ее социальной жизни высылал желанием повторить опыт первоапостольской Церкви — употребить всю силу государственной власти, все средства государственной казны на то, чтобы крещенные люди почувствовали, как говорит книга Деяний, что

Глава из книги „Очерки по Истории русской Церкви“ А. В. Карташева, профессора Духовной академии св. Сергия Радонежского в Париже. Изд. ИМКА-Пресс, Париж, 1959 г., тт. 1 и 2. Публикуется с некоторыми сокращениями.

у них „одно сердце и одна душа“, что у них „все общее“. /.../ Можно себе представить, какое смущение, а может быть, и скрытое негодование вызвало такое „священное безумие“ киевского князя в части по долгу службы крещенного, но в душе еще языческого правящего класса. Владимир не озлоблял последних никакими ханжескими лишениями. Он хотел сохранить и расширить всеобщий пир и всеобщую радость братолюбивой христианской жизни. Сама летопись не без удивления сообщает об этих христианских пирах у Владимира. /.../:

„Каждое воскресенье решил он во дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридам (дружинникам), и соским, и десятикам, и лучшим мужам — и при князе, и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было в изобилии всякое яство“.*

У Владимира дело не ограничивалось пирами только праздничными. Летопись /.../ под 996 г. сообщает, как Владимир порывался буквально выполнить евангельский завет любви, милосердия и нищелюбия:

„И так как любил он книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: „Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут“ /.../ Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу, и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что „Немощные и больные не могут добраться до двора моего“, приказал снарядить телеги и, наложив в них хлеба, мяса, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: „Где больной, нищий или кто не может ходить?“ И раздавал тем все необходимое“.

* Для лучшего понимания современным читателям летописных текстов мы публикуем их в переводе, более близком к современному языку, взятом из книги „Повесть временных лет“, ч. 1, под редакцией чл.-корр. АН СССР В. Адриановой-Перец. Изд. АН СССР, Москва-Ленинград, 1950 г. Тексты митр. Илариона и мниха Иакова оставлены без изменений. А. Карташев использует перевод начала 19 в., сделанный проф. А. Горским. В отдельных случаях нами добавлены в скобках современные выражения. — Р е д.

Может показаться преувеличенным это место летописи. Но оно вполне подтверждается пространными свидетельствами и митр. Илариона, и мниха (монаха) Иакова.*

„Кто исповесть (поведаст), — восклицает митр. Иларион, — многие твоя ношныя милости и дневныя щедроты, яже к убогим творяще, к сирым (сиротам) же и к болящим, к должным и вдовам и ко всем требующим милости? Слышал бо глагол Господень... не до слышанное стави глаголанное, но делом сконча слышанное, просящим подавая, нагия одевая, жадныя и алчныя (жаждущие и голодные) насыщая, болящим всякое утешение посылая, должныя искупая, работныя свободяя. Твоя бо щедроты и милостыня и ныне в человецех поминаемы суть”.

Илариону вторит мних Иаков: „...Не токмо в дому своем милостыню творяще, но и по всему граду, не в Киеве едином, но и по всей земли русской — и в градах и в селех, везде милостыню творяще, нагия одевая, алчныя кормя и жадныя напоая, странныя покоя милостию, нищия и сироты и вдовицы и слепцы и хромыя и трудоватыя (больные) — вся милую и одевая и кормя и напоая”.

Мы только еще начинаем пристально вглядываться в учительный образ отца нашей нации по плоти и по духу. Только начинаем разглядывать святые заветы русского Красного Солнышка. Святой князь потряс сердца современников и, что особенно знаменательно, сердца простого народа своей сказочной щедростью /.../ Мних Иаков и святость князя Владимира не счел нужным доказывать от посмертных чудес — так она самоочевидна от его необычайных дел: „От дел познати, а не от чудес”.

Пусть это необычайное для наших ультрааскетических агнографов противопоставление „дел” „чудесам” есть памятник борьбы русских национальных церковных деятелей против греческих церковных властей, сопротивлявшихся по мотивам обиженной амбиции

* Митрополит Иларион, избранный в 1051 г. при вел. кн. Ярославе Мудром, был после крещения Руси первым киевским митрополитом русского происхождения. Летопись отмечает, что был он „муж благ, книжен и постник”. Митр. Иларион был высокообразованным человеком, талантливым писателем и эрудитом. Составитель известного „Слова о законе и благодати”, произнесенного им в киевской Десятинной церкви над гробом кн. Владимира. „Слово” заканчивается похвалой кн. Владимиру и молитвой к нему.

Мних Иаков — ученый монах второй половины XI в. Известны его „Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе” и „Память и похвала князю Владимиру”. — Ред.

канонизации крестителя России, но оно само по себе многозначительно, ибо и для русской богословской мысли оно ставило вопрос о сущности самой святости с новой, свежей и на опыте самоочевидной и бесспорной для русской совести стороны. Именно это звучит в принципиальном богословском тезисе, который формулирует мних Иаков: „От дел познати, а не от чудес”. И митр. Иларион, называя добродетели на словесную нить панегирика Владимиру, восхваляя его филантропию, ставит наряду с ней и его функции власти, добро социальное: „правду и крепость” /.../ Действительно, то, о чем говорит летопись и цитированные авторы, это — не личная только „милостыня” князя. Это социальная помощь в государственном масштабе. Это не откуп только куском хлеба или грошиком на жалобную просьбу нищего у окна, а активное снабжение из государственного центра по столице, по городам и захолустьям срочной помощью нуждающихся, здоровых и немощных...

/.../ Но есть вопрос гораздо более сложный. Это вопрос не милосердия, не филантропии, а вопрос правды, справедливости суда власти, государственной юстиции, как и принципов самого государства вообще /.../ И вот под 996 годом летопись записывает:

„Владимир же жил в страхе Божьем. И сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: „Вот умножились разбойники; почему не наказываешь их?”. Он же ответил: „Боюсь греха”. Они же сказали ему: „Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но после расследования”. Владимир же отверг виры (денежные штрафы) и начал наказывать разбойников”.

Проникаясь духом евангельским, Владимир переживал в своей совести со всей силой нравственную антиномию государственного права и личного всепрощения. Он тяготился долгом меча казнящего, и епископам приходилось успокаивать его чуткую совесть /.../ Церковная мудрость отвергает насильственное введение в жизнь евангельских норм через принудительный механизм государства.

Мудрый князь не превратил в мертвый закон и своих широких филантропических мер, подказанных ему лично горячий христианской любовью. Он не создал карикатуры „христианского государства”. Он осуществил его в пределах заповеди Христовой постольку, поскольку лично ему, благодете-

тельствующему властителю, даны были дары Духа „вспоможения и управления“ (1 Кор. 12, 23). В наследство своим преемникам св. Владимир не оставил никаких радикально измененных „Основных Законов“, предоставляя им быть слугами Христовыми в меру их даров духовных. И святые сыновья св. Владимира — Борис и Глеб не были социальными реформаторами. Они были аскетами и молитвенниками /.../

Таким образом, в начале русского христианства был момент исключительного порыва к исполнению евангельского идеала, подобный порыву первобытного неерусалимской Церкви к самоотверженному подвигу общины имуществ. Личным, а может быть и только единоличным, носителем этого порыва был наш исключительный князь-креститель /.../ За 1000 лет до Льва Толстого он ответственно, сидя на князем судилище, пережил антиномию меча и принял в сердце трагедию его /.../ Так же точно за 1000 лет до новейших соблазнительных хлебами св. Владимир сделал все, что мог, для помощи меньшей братии, как устроитель и реформатор государства. И не пролил рек крови и не заковал народ во имя „равенства и братства“ в цепи рабства, подобно антихристианским „народолюбцам“ наших дней.

В наши дни апокалиптических искушений мира и русского народа властью, хлебами и чудесами техники, пред русской Церковью во всей неотвратимости встал мировой социальный вопрос со всеми его соблазнами. Креститель наш дал нам пример, как вести себя на этом труднейшем пути. Христианский народ, христианские деятели, христианская власть прежде всего должны сделать все возможное для проведения во все стороны жизни нации заветов любви евангельской. Организовать дело христианского братолюбия на уровне современной нам социальной техники. Но народ и власть могут праведно осуществлять это дело только в меру действительной любви Христовой в сердцах самих и творцов и исполнителей всего дела. Без этого духовного, благодатного основания одна механика „добра“ превращается в бессильное, фальшивое и злое дело. Христианское социальное делание может быть только внутренне свободным. Так сумел вести себя не частный христианин, а государь всей земли русской. Его завет нам: христианизация общественной жизни не на путях внутреннего сектантского насилия или внешнего коммуноподобного насилия, а на

путях церковного разумения христианской свободы.

Само собой разумеется, что между примером св. Владимира и возможностью „подражания ему“ в наше время лежит бездна в глубоком различии эпох. Лишь наивные люди, ожидающие в наши дни реставрации патриархальной теократии, могут мечтать повторить буквально то, что уже неповторимо в силу безвозвратности совершившейся исторической эволюции. Вопрос социальной справедливости сейчас все равно решается и будет решаться независимо от Церкви на позитивных началах рационалистической культуры. Хронологически Церковь опоздала взять в этом деле инициативу и водительство. Но она никогда не опоздает внести в гущу даже чужеродных ей общественных отношений свой преобразующий дух, свой нравственный корректив внутренними путями: через сердца верующих, участников социального строительства, будут ли то отдельные лица, или их сообщества, или уже существующие органы Церкви в виде ее иерархии, соборов и т. д. Эти пути не закрыты пред ней ни при каком строе. Даже в коммунистической тюрьме всепроникающие лучи любви Христовой, неприметно для неверующих глаз, смягчают жестокость животной борьбы за существование. /.../

Исполнение завета нашего Крестного Отца — кн. Владимира лежит на ответственности не только невероятного в наши дни теократического монарха, но на ответственности всех нас, членов православной Церкви, при всех имеющих случиться политических и социальных режимах.

К ЧИТАТЕЛЯМ «НАДЕЖДЫ»

Спешим поделиться радостной вестью: выпуск сборников «Надежда. Христианское чтение» продолжается. Мы получили несколько дальнейших сборников (с одним пропуском — не пришел пока №11), которые, как и ранее, ходят по России в Самиздате. Подчеркнем, что «Надежда» по-прежнему составляется в России. Будем надеяться, что выход ее не прервется, несмотря на угрозу преследований и аресты.

Зимняя война

Г. БОНАФЕДЕ

Пятого октября 1939 г. Советский Союз предложил Финляндии прислать в Москву правительственную делегацию для обсуждения „важнейших, конкретных политических вопросов“. Когда финские представители прибыли в Москву, то сам Сталин объяснил им, что подразумевалось под „важнейшими и конкретными“ вопросами: для „укрепления безопасности Ленинграда“ от Финляндии требовали, чтобы она отодвинула на север свою границу на Карельском перешейке. Кроме того, СССР требовал предоставления ему военно-морской базы у входа в Финский залив, на полуострове Ханко.

Начавшиеся 12 октября переговоры трижды прерывались. Финны готовы были на уступки, но категорически отказывались отдавать Ханко и большую часть Карельского перешейка. 13 ноября финская делегация, не добившись соглашения, покинула Москву. 30 ноября советские войска напали на Финляндию.

Нажим на Финляндию начался уже в 1938 г., еще до заключения Пакта о ненападении между национал-социалистической Германией и интернационал-социалистическим Советским Союзом, когда еще не прекратились дипломатические попытки противопоставить гитлеровской агрессии союз Англии, Франции и СССР. 14 апреля 1938 г. министру иностранных дел Финляндии Рудольфу Хольсти позвонил молодой советский дипломат Борис Ярцев и попросил свидания, объяснив, что он привез из Москвы важное предложение. Обращение к министру через голову посла Деревянского было нарушением протокола. Однако Хольсти принял Ярцева: финны давно подозревали, что самоуверенный и назойливый 2-й секретарь посольства обладает большими полномочиями, чем полагалось ему по рангу.

Ярцев сказал Хольсти, что в случае вооруженного столкновения между Германией и СССР, Финляндия, без сомнения, может стать ареной боевых действий. Но что этого можно избежать, если она заранее согласится на военное сотрудничество с СССР. В чем должно было заключаться это сотрудничество конкретно, Ярцев не объяснил. Прав-

да, он сказал, что в Москве обеспокоены деятельностью финских правых и профашистских партий и группировок и хотели бы иметь гарантии, что в Финляндии к власти не придет враждебное СССР правительство. Как должны были выглядеть эти гарантии, Ярцев тоже не уточнил.

В марте 1939 г. в холодные и промозглые Хельсинки из солнечной Италии, чтобы „лечить пошатнувшееся здоровье“, приехал советский посол в Риме Борис Штейн. Штейн, опять-таки в обход Деревянского, встретился с новым финским министром иностранных дел Элиасом Эркко и передал ему, что Советский Союз хотел бы арендовать у финнов остров Готланд и еще четыре малых острова в Финском заливе, а взамен готов уступить на севере небольшую часть территории Восточной Карелии.

Эркко ответил, что правительство не в праве распоряжаться неделимой по конституции территорией Финляндии и что, кроме того, создание советских военных баз на финской земле нарушило бы традиционный нейтралитет Скандинавии, скрепленный рядом договоров между северными странами. Штейн, как и до него Ярцев, надеялись, что их дипломатические потуги встретят поддержку со стороны левого крыла социал-демократической партии и других „прогрессивных“ кругов.

Однако этого не произошло. Единственным близким к правительству человеком, который, узнав о предложениях Штейна, посоветовал проявить некоторую уступчивость, оказался барон Маннергейм. Генерал бывшей русской армии сказал, что острова для Финляндии большого стратегического значения не имеют, в советском же генеральном штабе многие считают их необходимыми для обороны Ленинграда и поэтому СССР от своих требований не откажется.

*

В конце 30-х годов, в ходе переговоров о заключении договора о взаимопомощи между Англией, Францией и СССР, советские дипломаты неоднократно давали понять своим западным коллегам, что, по мнению

советского правительства, Финляндия и Прибалтика входят в зону советских интересов. В начале весны 1939 г. посол Майский сказал английскому министру иностранных дел лорду Галифаксу: „Поймите, у нас есть тоже своя доктрина Монро”. А 18 апреля того же года Литвинов откровенно сказал, что договор о взаимопомощи должен включать право советской армии пересечь, в случае необходимости, польскую границу и взять на себя полностью ответственность за защиту западных соседей, — подразумевая под этим Финляндию, Прибалтийские страны и Румынию. В Варшаве, Риге, Таллине советские намерения вызвали законную тревогу. И хотя многие английские и французские политики готовы были признать законность притязаний СССР, — открыто поступиться интересами мелких стран союзники все же не могли.

Немцы в этом отношении оказались сговорчивее. В памятную ночь с 23 на 24 августа 1939 г. Риббентроп заверил Молотова, что Германия прекрасно понимает, где границы интересов Советского Союза. Заручившись немецкой поддержкой, в конце сентября и начале октября 1939 г., советские войска, не встретив сопротивления, заняли одну за другой военные базы в Эстонии, Латвии и Литве.

*

После того, как 13 ноября окончательно прервались финско-советские переговоры, финны все еще не теряли надежду на мирное разрешение конфликта. Наоборот, многим казалось, что угроза войны отодвинулась. Часть мобилизованных резервистов была отпущена домой, эвакуированные школьники вернулись в города, жители стали сдирать с окон защитные полосы бумаги.

В финских правительственных кругах надежды на мирный исход не ослабили ни прямые советы немцев — быть более податливыми по отношению к СССР, ни более завуалированные намеки англичан — о целесообразности благоразумия и уступчивости. И даже когда советская пресса запестрела сообщениями о кризисе финской экономики, о революционном брожении среди финского рабочего класса и о массовом дезертирстве мобилизованных, финны, не понимая зловещего значения этих „сообщений”, посмеивались, сравнивая корреспондентов ТАСС с бароном Мюнхгаузеном.

26 ноября 1939 г. Молотов вызвал посла Финляндии барона Коскиненна и вручил

ему ноту протеста, в которой говорилось, что 5 часов тому назад финская артиллерия якобы обстреляла советскую территорию в районе пограничного местечка Майнило*.

Финны и тут не поверили в серьезность советских угроз и в ответной ноте предложили провести совместное расследование пограничного инцидента. Они предлагали отвести свои войска от границы, если советская сторона сделает то же. В ответ в Советском Союзе вспыхнула яростная кампания против „бандитов белофиннов”, а 30 ноября 1939 г. войскам Ленинградского военного округа был отдан приказ перейти границу.

Во главе со старым работником Коминтерна Отто Куусиненом было создано — якобы на финской территории — „демократическое правительство Финляндии”. В обозе советской армии это правительство прибыло в Терйоки — первое крупное местечко, захваченное наступающими войсками. Там оно и просидело до окончания войны: надежды советского правительства на то, что Куусинену — одному из организаторов неудачной попытки захвата коммунистами власти в Финляндии в 1918 г. — на этот раз удастся поднять финнов на пролетарскую революцию, не оправдались. Наоборот, финны, забыв о политических разногласиях, дружно объединились вокруг правительства Рюти-Таннера и маршала Маннергейма. В правительство вошли представители всех партий, кроме коммунистов и участников профашистского Народно-патриотического движения (ИКЛ).

Против 4-х советских армий, насчитывающих около полумиллиона человек и поддерживаемых 800 самолетами, мощной артиллерией и танками, финны смогли выставить всего 9 дивизий, по 14 000 бойцов каждая. На Карельском перешейке наступление двух советских армий (в каждой по 6—7 дивизий) и 1000 танков сдерживали 6 финских дивизий (7-я была в резерве). Между Ладожским и Онежским озерами, на протяжении 100 км., советская 8-я армия (в составе 7 дивизий и одной танковой бригады) вела бои с двумя финскими дивизиями. На остальном фронте, тянувшемся на 1000 км., против 5 дивизий советской 9-й армии действовали отдельные финские батальоны, роты и отряды народного ополчения.

* Обстрел имел место, но огонь по советской территории вел советская же артиллерия, чтобы вызвать инцидент. — Р е д.

Военное превосходство не помогло. К 6 декабря советское наступление завязло в финских снегах. На севере от Ладожского озера несколько советских дивизий попали в мешок и были уничтожены. Десятки тысяч советских солдат оказались в финском плену. Финские лыжные группы бесшумно проникали в советский тыл, наводили панику и уничтожали штабы, финские снайперы — знаменитые „кукушки” — выбивали советских командиров. Против танков финны не без успеха пустили в ход бутылки с горючей смесью (в 1941 г., когда это простое, но эффективное финское оружие было применено советскими бойцами против немецких танков, на Западе оно незаслуженно было названо „коктейлем Молотова”).

Помогла финнам и зима: морозы достигали до -50° С. С тех пор, как в 1828 г. в Финляндии начали вести учет температур воздуха, всего лишь дважды выдавалась зима суровой этой.

Но неверным было утверждение советской пропаганды о неприступности так называемой „линии Маннергейма”. На 140 км. фронта на Карельском перешейке она состояла из 66 долговременных оборонных точек, 40 из которых были построены еще в 20-х годах и устарели. У большинства, даже более новых, ДОТов бетонные перекрытия не выдерживали прямых попаданий снарядов и бомб. Противотанковые рвы, наспех выкопанные финскими школьниками во время летних каникул 1939 г., тоже не шли ни в какое сравнение с мощной линией Мажино.

Помимо героического сопротивления финнов, главной причиной советских неудач были преступная неподготовленность советской армии к зимней войне и тупая бездарность высшего командования. Без теплых рукавиц и перчаток, обутое в сапоги, в ботинки с обмотками, тысячи солдат обмороживали руки и ноги. Укомплектованные (хотя официально воевал лишь Ленинградский ВО) жителями южных республик, незнакомых с суровыми зимами, ночевками на снегу, воинские части с трудом пробивались сквозь заваленные сугробами леса, а выйдя без маскхалатов на ледяные просторы озер, в темных шинелях, попадали под финские пули, изображая из себя, как тогда говорили бойцы, „мишень № 14” (фигурная мишень „силуэт в полный рост”).

В январе 1940 г. советскому правительству стало ясно, что надежды на скорую по-

беду столь же неоправданы, как и надежды на пролетарскую революцию в Финляндии. В Москве начали всерьез подумывать о заключении мира с „белофиннами” Рюти и Таннера. Официальные контакты с финнами устанавливались через шведское правительство, неофициальные через — „прогрессивную” финскую писательницу Хеллу Вулиоки, приятельницу советского посла в Стокгольме Александры Коллонтай. Вулиоки приехала в Стокгольм 10 января 1940 г. и там тайком встречалась с Коллонтай в течение трех недель. Из Москвы в Швецию прибыл в помощь Коллонтай уже упомянутый Борис Ярцев.

Советская сторона требовала от финнов значительную часть Южной Карелии, включая Выборг и Кексгольм, и право на создание военно-морской базы на полуострове Ханко. Финны, однако, медлили с ответом. Их твердость поддерживалась прокатившейся по всем западным странам волной симпатий. Муссолини открыто злорадствовал по поводу слабости коммунистического коллоса. Немцы, правда, официально вежливо молчали, а неофициально утешали московских союзников, что, мол, в условиях столь свирепой зимы никакая армия не может наступать.

В Москве стали не на шутку бояться, что обнаружившаяся слабость советской армии может неблагоприятно повлиять на договорчивость Гитлера. Но еще больше беспокоили советское правительство планы французों и англичан: в Париже и Лондоне начали подготовку экспедиционного корпуса в помощь финнам, и союзники обратились к правительствам Швеции и Норвегии за поддержкой и согласием на беспрепятственный пропуск войск на территорию Финляндии. Шведы ответили категорическим отказом. Норвежцы тоже отказали, но менее категорически. Помимо помощи Финляндии, северный экспедиционный корпус отрезал бы доступ Германии к шведской железной руде, что особенно привлекало генеральные штабы англичан и французів.

Во Франции был также разработан план южного экспедиционного корпуса, в задачу которого входило нанести удар Советскому Союзу через Ближний Восток. Таким ударом была бы оказана помощь Финляндии и, одновременно, перекрыто поступление бакинской нефти в гитлеровскую Германию. В Москве к угрозе с юга отнеслись всерьез и, когда на финский фронт в помощь Ленин-

градскому военному округу стали перебрасывать войска, то военные части, стоявшие в Закавказье, тронуты не были.

Неуступчивость и медлительность финского правительства советская сторона решила пробить „пушками Ворошилова“. Уже в январе были сформированы специальные лыжные батальоны из спортсмен-лыжников, студентов ленинградских высших учебных заведений*. Они сыграли немалую роль в борьбе против финских снайперов и лыжных патрулей, но и понесли большие потери.

6 февраля 1940 г. на Выборгском направлении началось новое советское наступление. Против 2 финских дивизий было брошено 20 свежих советских. К 12 февраля им удалось пробить в финском фронте брешь шириной примерно в полтора километра. Финны были вынуждены сдать остров Бьерке и к 21 февраля отступить от местечка Сумы.

Но продвижение советских частей было очень медленным. Финская армия упорно сопротивлялась и правительство, надеясь на помощь Англии и Франции, а также на поддержку нейтральных США и Швеции, не спешило соглашаться на советские условия. Англия обещала, что к 20 марта 20 000-й

* Автор этой статьи, тогда студент-химик Ленинградского университета, был в таком батальоне.
— Р е д.

корпус будет готов к отплытию в Финляндию. А премьер-министр Франции Даладье легкомысленно обещал даже 100 000-ю армию. Вопрос же о транзите союзных войск через нейтральную Скандинавию так и оставался неразрешенным.

Наконец, 28 февраля Коллонтай передала финнам последний ультиматум Молотова с требованием ответа в течение 48 часов. Финны, отчаявшись получить от союзников обещанную помощь, ответили, что готовы принять условия Молотова и предложили немедленно заключить перемирие, чтобы прекратить кровопролитие. Однако советское командование стремилось любой ценой занять Выборг до прекращения военных действий. На льду Выборгской бухты разгорелось ожесточенное сражение. Гибли тысячи советских солдат и сотни финнов.

7 марта 1940 г. в Москву прибыла финская делегация во главе с премьер-министром Рюти. Мир был подписан 12 марта. Советским войскам к этому времени удалось занять только предместье Выборга.

За войну Финляндия потеряла 25 000 убитыми и пропавшими без вести. С советской стороны в боях погибло 150 000. К этому надо добавить несколько десятков тысяч военнопленных, которые по возвращении в СССР попали в лагеря и погибли.

● ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

К кончине Б. Г. Меньшагина

25 мая 1984 г. в пос. Княжая Губа Кандакальского р-на Мурманской обл., в доме для престарелых, скончался Борис Георгиевич Меньшагин (1902 г. р.). Во время войны, под немецкой оккупацией, он был бургомистром Смоленска, потом Бобруйска. Заботился о нуждах населения, защищал людей от произвола оккупационных властей, добивался через немецких друзей перемен германской политики в пользу российской независимости.

Б. Г. покрывал деятельность НТС на оккупированной территории, предоставил руководителю НТС Г. С. Околовичу и его помощникам места в аппарате городского самоуправления, содействовал связям между разбросанными группами НТС.

О его дальнейшей судьбе говорится в публикуемом ниже свидетельстве.

С Борисом Георгиевичем Меньшагиным я встречался дважды в конце 70-х годов. При первой встрече мы проговорили с глазу на глаз не то два, не то три часа. Впрочем, это был скорее монолог: Борис Георгиевич рассказывал о своей судьбе, я изредка задавал вопросы. У него оказалась феноменальная память, в тюрьме он ее специально тренировал и мог восстановить не только время событий, но помнил, как был одет его давнишний собеседник, какого цвета был у него галстук.

Юрист по образованию, он хотел стать адвокатом, но оккупация немцами Смоленска, где он к началу войны находился с семьей, помешала этому. Не помню, по чьим рекомендациям, немцы предложили ему место бургомистра Смоленска. Он недолго колебался, поняв, что на этом посту сможет много сделать для своих соотечественников.

Первым делом он, добившись разрешения немецких властей, отремонтировал и открыл смоленский собор, много лет назад закрытый большевиками и бывший в крайнем за-

пустении. (В открытом им Успенском соборе Смоленска богослужения совершаются и по сей день.) Меньшагин помог тысячам граждан избежать отправки на работы в Германию, куда немцы брали и женщин и даже несовершеннолетних. Заранее зная, что предстоит отправка (как бургомистру ему были доступны списки тех, кого немцы намеревались взять), он придумывал всевозможные должности по всей Смоленской области и доказывал немцам, что таких-то людей необходимо оставить для работы на оккупированной территории. Удавалось ему спасать и евреев. Впоследствии, находясь уже в советском заключении, он узнал, что сотни советских граждан написали в НКВД письма в его защиту.

Как-то, рассказывал он, его вызвали в комендатуру, где уже собралось много высших немецких офицеров и штатских. Меньшагину сообщили, что он, как бургомистр и представитель русского народа, включен в международную комиссию по расследованию зверств, совершенных НКВД в его области. Всю комиссию повезли на запад, к селу Козьи Горы, примерно в 20 км от Смоленска, к месту, название которого тогда было мало кому известно — в Катынский лес. Производя какие-то земляные работы, немецкие солдаты обнаружили там огромное захоронение (4143 трупа). Все трупы были в польской офицерской форме. С жуткой аккуратностью трупы были уложены штабелями в определенном порядке, очевидно, чтобы больше поместилось в яму. У каждого руки связаны сзади и у каждого — пуля в затылке.

Меньшагин лично принимал участие в расследовании — он раскрывал солдатские котелки, бывшие при трупах. Во всех котелках была селедка — обычный паек заключенного на пересылке. Нашли также большое количество неотправленных польских писем... Ясно было, что офицеры не ждали смерти, а предполагали, что их просто перевозят в другое место.

Комиссия составила подробный акт и дала заключение, что это массовое убийство совершено НКВД. Акт был подписан всеми членами комиссии, в том числе и Меньшагиным. Впоследствии, когда шел Нюрнбергский процесс и было затронуто Катынское преступление, западные представители назвали как свидетеля Меньшагина. Но Руденко заявил, что он такого не знает. В советском акте о катынских расстрелах фигурировал в

качестве свидетеля заместитель бургомистра, о котором Борис Георгиевич отзывался как о скользком человеке, который мог работать как на Гестапо, так и на НКВД.

Был еще один документ, который подписал Меньшагин — Смоленское воззвание Русского комитета*. Борис Георгиевич сказал: „Моя подпись там — четвертая после генерала Власова”.

В конце войны Меньшагин отступил с немцами и весной 1945 г. был в Карловых Варах в Чехословакии, когда туда подошли американские части. Однажды во время обстрела Меньшагин перебежал мост и вдруг увидел, что навстречу ему быстро идет советская машина. Он прыгнул с моста в воду, успев заметить, что из машины выскакивают автоматчики. В этот момент в машину попал снаряд, и Борис Георгиевич спасся. Это — знак судьбы, решил он.

Во время дальнейшего отступления он потерял связь с семьей и почему-то твердо решил, что она захвачена советскими частями. Он пришел в совершенное отчаяние, и подойдя к высокой ограде какого-то памятника и сделав из галстука петлю, решил покончить с собой. Случайный прохожий не дал ему повеситься. Узнав причину горя Меньшагина, прохожий начал его убеждать, что Советский Союз объявил всеобщую амнистию и что он может вернуться и разыскать семью. И тут находившийся в полном отчаянии Меньшагин решил, что это тоже знак судьбы.

Он перешел на территорию, занятую советскими частями, нашел комендатуру и стал в очередь, которая состояла, как он видел, из вывезенных в Германию людей разных национальностей (у всех были разные нашивки). Узнав, что он русский, они сказали, что советских граждан принимают без очереди. Войдя в комендатуру, он обратился к сидя-

* Под давлением настроений населения в оккупированных областях и потока писем, авторы которых требовали предоставить возможность русским бороться против большевиков, а также с помощью дружелюбно настроенных немецких офицеров, немецкое командование допустило в конце 1942 г. опубликование написанного Власовым манифеста, в котором офицеры и солдаты Красной армии призывались к борьбе против коммунизма. Манифест был отпечатан в нескольких миллионах экземплярах — исключительно для распространения над расположением частей Красной армии, чтобы вызвать поток перебежчиков. Однако немецкие летчики „случайно” (по подсказке немецких друзей Власова) сбросили часть тиража в оккупированных областях. — Ред.

щему в приемной офицеру НКВД: „Я — Борис Георгиевич Меньшагин, бургомистр Смоленска”. В комендатуре поднялась суета, потому его проводили с охраной в отдельную комнату. „В общем отнеслись вежливо, — рассказывал он. — Вскоре принесли даже маркароны”.

О семье он так ничего и не узнал. И лишь через много лет дошло до него известие, что в 1945 г. они вовсе не попали в руки НКВД, а благополучно выбрались на Запад и впоследствии уехали в США.

Меньшагина доставили в Москву на Лубянку, где начались беспрерывные допросы. Он не преминул рассказать и о катынских расстрелах, но следователи на эту тему говорить с ним не захотели и в следствии ее не касались — все дело сводилось к его работе бургомистром Смоленска. Борис Георгиевич рассказывал, что следователь вел себя достаточно корректно, даже ни разу не бил. Но сидел Меньшагин все время в одиночке. Его много и подробно расспрашивали о том, как и каким людям он помогал, будучи бургомистром, — из этого он понял, что в НКВД есть немало свидетелей об этой стороне его деятельности, данных людьми в его пользу.

Однажды следователь задал ему совсем нелепый и нелогичный вопрос: „Вы говорите, что собственноручно никого не расстреливали — но как тогда объяснить, что на бланках смоленского НКВД сделаны записи Вашей рукой?” Борис Георгиевич ответил, что, убежав от немцев, смоленское НКВД бросило все свои архивы, и там на полу валялось множество таких бланков. Поскольку бумага была дефицитом, он набрал этих бланков и использовал их для разных записей. Прошло много времени и этой темы больше не касались. Но однажды следователь вдруг попросил Меньшагина точно описать комнату, где валялись бланки. Потом он долго расспрашивал, какие еще документы НКВД попали к немцам. А в заключение сказал: „Вы очень помогли следствию!” Борис Георгиевич понял, что „подвел” какого-то энкavedиста, убежавшего из Смоленска, не уничтожив, как было приказано, архивов.

В одиночке на Лубянке Меньшагин провел более 6 лет. Затем его вызвали с вещами („На расстрел...” — решил он), очень долго куда-то везли и привезли в другую тюрьму — Владимирскую, о чем он узнал позднее. Там ему объявили, что он приговорен к заключению на 25 лет и к лишению имени и фамилии, которые он теперь не имеет права

называть кому бы то ни было. Откликаться он имеет право только на свой номер. Обращались с ним негрубо; когда он заболел, перевели на больничное питание и потом еще долго давали белый хлеб. Он мог свободно пользоваться библиотекой. Как-то он показал охраннику свою изношенную одежду и спросил, нельзя ли ее сменить, добавив, что у него сегодня день рождения. „Вскоре мне преподнесли шикарный костюм, пришлось только заштопать в нем дырочку от пули”.

Весной 1953 г. к нему в камеру донесли какие-то гудки. Он подумал, что где-то пожар или иная катастрофа. Газеты он получал с большим запозданием и только через несколько недель понял, что гудки были по поводу смерти Сталина.

Через несколько лет ему объявили, что он может теперь пользоваться своим именем — „разоблачение культа Сталина”, таким образом, коснулось и его. Это не так уж много, поскольку все 25 лет „от звонка до звонка” он просидел в одиночке — кроме буквально нескольких месяцев, когда у него были сокамерники (один из них — американский пилот У-2 Пауэрс).

Выйдя из тюрьмы, Меньшагин нашел каких-то знакомых; родственников у него уже не было. Когда я с ним встречался, он жил в доме для престарелых и только изредка позволял себе поездки к друзьям в Москву и Киев.

Узнав, что я собираюсь выезжать на Запад, Борис Георгиевич просил меня, если удастся, передать от него привет друзьям из НТС, с которыми он работал вместе в Смоленске. Его просьбу я выполнил.

П. В.

«СТРЕЛА»

— акция с таким названием ведется Народно-Трудовым Союзом уже около 25 лет. Это отправка в СССР по почте из-за границы миниатюрных печатных изданий, укладываемых в формат и вес обычного письма. Только изданий НТС посылается ежегодно многие десятки тысяч, есть отклики из страны, присылаемые по надежным каналам. 25-летняя практика показала большую проходимость таких писем в СССР (не менее 50–70%) и безопасность этой акции для получателей: они не несут ответственности за письма, посланные без их ведома (цензура тоже известно, что адреса мы выбираем совершенно произвольно из адресных и телефонных книг, из периодической печати). Содержание материалов — политические, социальные, исторические, философские, религиозные и др. темы. Желающих принять участие в отправке таких писем просим обращаться по адресу „Посева” с пометкой „Стрела” на конверте.

«Говорит Неизвестный»

Под этим названием в издательстве „Посев“ в 1984 г. вышла книга известного скульптора Эрнста Неизвестного. В ней автор излагает свое художественное кредо и увлекательно рассказывает о причудливом сплетении его судьбы и творчества с политическими событиями в Советском Союзе вплоть до эмиграции в 1976 г.

Картина нравов высшей советской элиты — членов Политбюро, временщиков-референтов, радателей „либерального“ истеблишмента и художественной супермафии, — описанная Неизвестным исчерпывающе и со знанием обстановки, способна поразить своим „разбойничьим“ размахом даже искусственных специалистов по криминальной психологии. Беспристрастные наблюдения Неизвестного за аппаратчиками всех „калибров“, с которыми ему приходилось лично сталкиваться в течение двух десятилетий, делают его книгу уникальным и ценным источником для историков, политологов, социологов и эссеистов.

Эрнст Неизвестный родился в 1926 году. В войну храбро воевал. Несколько раз был ранен. После войны учился одновременно в художественном институте и на философском факультете МГУ, много раз получал премии на официальных конкурсах. Его талант, масштабность, щедрость, огромная продуктивность стали в „художественных кругах“ столицы предметом разговоров, вызывая, впрочем, не восхищение или уважение, а зависть и отрицательное отношение к скульптору. Пути к серьезным заказам, выставкам или членству в Академии художеств были для него „с порога“ перекрыты ортодоксальными коллегами вроде Вучетича, Кербеля, Томского, Манизера, Белашовой.

1 декабря 1962 г. Неизвестного пригласили в Манеж продемонстрировать на выставке свои произведения Хрущеву и Политбюро. Во время бурной ссоры, сопровождавшейся хулиганскими выходками высших советских функционеров, Неизвестный познакомился с Хрущевым.

„Должен подчеркнуть, что, разговаривая с Хрущевым, я ощущал, что динамизм его личности соответствовал моему динамизму, и мне, несмотря на ужас, который царил в атмосфере, разговаривать с ним было легко, это был разговор, адекватный

моему внутреннему ритму. Опасность, напряженность и прямота соответствовали тому, на что я мог ответить. Обычно чиновники говорят витиевато, туманно, на каком-то своем жаргоне, избегая резкостей. Хрущев говорил прямо, некалифицированно, но прямо, что давало возможность прямо ему отвечать. И я ему говорил, что это провокация, направленная не только против либерализации, не только против интеллигенции, не только против меня, но и против него“.

В главе „Катакомбная культура и официальное искусство“ Эрнст Неизвестный описывает всю сложную социальную ситуацию, с которой пришлось сталкиваться в Советском Союзе. Дело в том, что в середине 60-х годов в аппаратный истеблишмент начало вливаться новейшее сословие научных администраторов, экспертов, „либеральных“ идеологов и вовлеченных в процесс критиков. Эта публика, очевидно, намеревалась перенять функцию прослойки „спецов“, исчезнувшей, в основном, по возрастным причинам. Заполняя вакуум, образовавшийся в аппарате, они приобретали и высокий социальный престиж и многочисленные материальные привилегии. И заодно они создавали себе алиби „либералов“, играя, пусть в рамках домашнего театра, в невовлеченность в жизнь аппарата. Они обещали и себе и всем вокруг, что они, усилив бдительность консервативных партаппаратчиков и идеологических „птеродактилей“, проникнув в мозг ЦК, смогут обеспечить необходимые стране реформы либерального толка. В мастерской Неизвестного, рядом со Сретенкой, они, снисходя к эксцентризму хозяина, не без заносчивости объясняли ему, как устроена жизнь, и предлагали свое покровительство в обмен на отказ от самостоятельности и, следовательно, творчества. Паролем этой среды было выражение „сложилось“, означающее, что нужно уметь приспособиться к окружающей действительности.

Эрнст Неизвестный, не теряя хладнокровия, но и не оставаясь безучастным, весело и просто описывает, как ему удалось обнаружить за либеральным гримом чисто коммерческий характер этой публики. Его глубоко отвращали все попытки добиться „места наверху“ или обрести блага правительственных синекур, торгуя культурой, сохранившейся в „катакомбах“.

„Они хотят выглядеть страдальцами, не будучи таковыми. Они хотят славы повешенных декабристов и, одновременно, — комфортабельно и вкусно прожить свою жизнь. И если переполненный доброжелательной благоглупостью иностранный гость попадет в эту среду, ему может показаться, что он присутствует на конспиративной сходке действительных борцов и диссидентов. А если заглянуть в души рассматриваемых персонажей, то заветная мечта их откроется, как на ладони: быть главой КГБ, но иметь международную славу и престиж Сахарова и Солженицына”.

Однако к середине 70-х годов стало ясно, что стерилизовать Неизвестного невозможно. „Либеральные” аппаратчики перешли к радикальным действиям: скульптора подвергли остракизму и давлению, менее декларативному, но зато более эффективному, чем все попытки его устранения, предпринимавшиеся старшими коллегами. И их цель была, наконец, достигнута: „социальная гибель” противника, его физическое исчезновение с рынка — хотя бы в эмиграцию.

О. Александров

● ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Неразрешимые противоречия

Самые значительные сдвиги произошли, по моему мнению, в резком повышении интереса к событиям в Афганистане. И вообще обстановка в восточных республиках вызывает опасения среди думающих людей в Москве. По словам очевидцев, на улицах городов в областях, близких к иранской границе, стали появляться надписи типа „Наполним наши арыки русской кровью”. Особенно сильны антирусские настроения среди молодежи. Понятно, что это не вызывает в Москве симпатий даже у тех, кто весьма критически настроен к режиму. Антирусские течения в стране воспринимаются эмоционально, и лишь немногие понимают суть всей проблемы.

Что касается войны в Афганистане, то основным источником информации становятся солдаты, отслужившие свой срок в „ограниченном контингенте”. Некоторых из них можно встретить и в Москве. С одним из них мне недавно довелось встретиться лично. Ему 23 года, сейчас он работает шофером. По его словам, философия этой войны очень проста: „Не убьешь ты, так убьют тебя”. Он участвовал в нескольких операциях, в которых без разбора убивали всех жителей деревень, так как солдаты привыкли видеть врага в любом афганце. Он рассказывал про случай, когда была брошена граната в их столовую во время обеда, причем бросил ее паренек лет 10-и, на которого никто до того не обратил внимания.

Характерно, что когда я его спросил, что по его мнению оправдывает присутствие наших войск в Афганистане, он не раздумывая ответил, что ввод войск был просто необходим, так как афганцы начали бомбить советские города и была подготовлена высадка китайцев в Кабуле. К сожалению,

такой „прагматический” подход к этой авантюре власти встречается довольно часто. Пропаганда здесь действует пока еще эффективно, но мне кажется, что уже сам факт более широкого распространения информации об Афганистане теми, кто оттуда возвращается, со временем заставит людей задуматься о бессмысленности этой войны. Любопытно, что более глубокий интерес к такому рода проблемам стала проявлять интеллигенция в провинции. Например, главный редактор одного из провинциальных издательств меня прямо поразил точностью оценки событий.

Между прочим, для службы в Афганистане сейчас власти проводят специальный отбор. В первую очередь туда посылают людей „со стажем”, т. е. тех, кто стоит на учете в милиции и зарекомендовал себя пьяными драками и тому подобными склонностями. Моральный уровень таких воинских частей не трудно себе представить. Призывников из Москвы и Ленинграда как правило в Афганистан не посылают. Однако большинство частей для Афганистана формируется из русских.

Что касается материального положения и снабжения продуктами, то даже в Москве обстановка не меняется к лучшему. Наоборот, не надо быть опытным товароведом, чтобы увидеть, что качество продуктов все время понижается. Несмотря на это, в мясных отделах магазинов скупают моментально все, что ни появится на прилавках. Наплыв покупателей из пригородов Москвы поражает своими масштабами. Это и понятно: уже в Пушкино кроме спиртного купить просто нечего, даже хлеб люди возят из Москвы.

Положение в области культуры значитель-

но ухудшилось после прихода к власти Черненко. Партийные бюрократы озлобленно преследуют любое проявление оригинального творчества. Особенно резким нападкам подвергается течение в культуре, которое в настоящее время в Москве называют „аполитическое“. Классическим примером такого подхода к искусству считается фильм Евтушенко „Детский сад“, который вызвал яростную полемику в официальной печати. В „Советской культуре“, например, были помещены две противоположные рецензии на одной и той же странице. Фильм был разгромлен в „Известиях“, но в „Правде“ к нему отнеслись благожелательно. Такие противоречия считаются проявлением борьбы на верхушке. Те из деятелей культуры, у которых есть определенные связи, стараются „протолкнуть“ свои произведения, используя эти разногласия в партаппарате. Так, например, вышел на экраны фильм Ролана Быкова „Чучело“ или пьеса „Авось и Юнона“ в театре Ленинского комсомола, где, между прочим, во время сцены, в которой поднимается Андреевский флаг, весь зал демонстративно встает. „Аполитическое“ искусство отстаивает право субъективного восприятия действительности, без каких-либо дальнейших оценок в духе „историческое материализма“. Понятно, что такое проявление личности вызывает раздражение в отделе культуры ЦК.

В общем, что касается изменений сверху, оптимизма в настоящее время среди творческой интеллигенции мало. С уходом Любимова фактически ликвидирован самый интересный московский театр на Таганке. После назначения Эфроса на пост главного режиссера, актеры театра решили перейти в другие театры, — но даже Ефремову в МХАТе было категорически запрещено брать кого-нибудь из них на работу. Все понимают, что театра на Таганке скоро не станет.

Я думаю, нет смысла писать вам о все растущей деморализации населения, росте алкоголизма и преступности. Все это хорошо известно. Коррупция охватывает уже все области жизни. Несмотря на все лозунги, коррупция — неотъемлемый элемент советского строя.

Недавно я познакомился с одним человеком, специалистом по информатике, из одной восточноевропейской страны, направленным в Москву на работу в Информационный центр СЭВ. В теории, это сложная система взаимосвязанных ЭВМ социалистических

стран, которая через центральный компьютер в Москве должна обеспечивать обмен основными данными между странами СЭВ. Приехав на работу, мой знакомый выяснил, что центральный компьютер в Москве вообще еще не установлен, и пока не известно, начнет ли вообще эта система когда-нибудь реально действовать. А пока что сотни людей в этом так называемом Информационном центре СЭВ получают зарплату ни за что.

Самое показательное, что этому сегодня никто особенно не удивляется.

А. Сабуров

Россия, октябрь 1984 г.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ“

Главный редактор Е. Р. Миркович
Ответственный секретарь М. В. Назаров

Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, Р. Н. Редких, В. М. Рыбаков, Я. А. Трушинович, А. М. Югов (Франкфурт, ФРГ); Г. Г. Боняфеде (Австралия); В. Г. Ламздорф (Испания); Б. С. Пушкарёв, сляч. Кирилл Фотиев (США); Н. Н. Рутыч, А. П. Столыпин (Франция).

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurscheldeweg 15, D-6230 Frankfurt a. M.—80
Телефон: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов „Посев“ в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешения издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран — приветствуется.

Советские граждане, временно находящиеся за границей, могут получить „Посев“ бесплатно у представителей издательства, указанных ниже. Можно также заказать журналы и книги „Посева“ через любой крупный книжный магазин на Западе, но следует учесть, что это требует много времени на доставку по почте.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd., Surrey Hills. Vic. 3127.

АВСТРИЯ. L. Rudkevich, Postfach 81, A-1092 Wien.

АНГИЯ. B. Miller, 83 Baring Road, London SE120JS.

БРАЗИЛИЯ. I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА. DYTA, Apartado del Correo 51. 241 z. p. 105, Caracas.

ИТАЛИЯ. A. Konovets, Cassella Postale 429, Roma-Centro.

США. M. Iwanow, P. O. Box 1844, San Francisco, CA 94101.

„Possev“ Representative, P. O. Box 695, Pacific Palisades, CA 90272.

ФРАНЦИЯ. „Possev“, 125 bis, rue Blomet, 75015, Paris, Tel.: 250-62-06.

ШВЕЙЦАРИЯ. Leo Grossen, Thunstr. 4, 3000 Bern.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ“:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партократии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинщина — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма.

БОРОДИН Л. *«Третья правда» и «Год чуда и печали»*. Повести. Автор отсидел 6 лет в лагере за деятельность во Всероссийском Социал-Христианском Союзе Освобождения Народа (ВСХСОН). Снова арестован в 1982 г. и приговорен к 10 годам заключения и 5 годам ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. *Устами Буниных*. Дневники. Под редакцией Милицы Грин, в 3-х томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История караванной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. 3-е изд. Описание боевых действий в 1980–82 гг., причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протонерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обострение экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. Собрание сочинений: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Прощание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Ковчег для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2–3 раза в год.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ *«Промоксис»*, стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национально-го журнала «Вече».

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием «Пределы вандализма».

РЕДЛИХ Р. *Сталинщина как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. *«Дело Солженицына»*, *Нобелевская премия*, *О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980–82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России. Составители: А. Поморский (Варшава) и М. Назаров (Франкфурт-на-Майне).

ФЕДОСЕЕВ А. *Западня* (Человек и социализм). Книга известного советского ученого об экономической и политической сущности социализма.

ШТРИК-ШТРИКФЕЛЬДТ В. фон. *Против Сталина и Гитлера*. История Русского Освободительного Движения — второй гражданской войны в рамках второй мировой. Автор, один из организаторов движения, глубоко верил в возможность освобождения России русскими силами.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес Фонда: M. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds, D-6000 Frankfurt/M-18, Postfach 18 0451.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.